

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՖԱԿՈՒԼՏԵՏ

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

YEREVAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ORIENTAL STUDIES

ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՅԵՐ
ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES

№ 26

Նվիրվում է ակադեմիկոս Միխայիլ Բորիսի Պիոտրովսկու
ծննդյան 80-ամյակին

К 80-летию академика Михаила Борисовича Пиотровского

Festschrift in Honour of Professor Mikhail B. Piotrovsky

ԵՐԵՎԱՆ

ԵՊՀ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ | 2024

Ժողովածուն հրատարակվել է քաղաքական գիտությունների դոկտոր,
արտակարգ և լիազոր դեսպան
Վարդան Սուրենի Տոդանյանի հովանավորությամբ

Сборник издан при содействии доктора политических наук,
чрезвычайного и полномочного посла
Вардана Суреновича Тоганяна

**Երաշխավորվել է հրատարակության
ԵՊՀ գիտական խորհրդի կողմից**

Գլխավոր խմբագիր՝

Մելքոնյան Ռուբեն

պ.գ.դ., պրոֆեսոր, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Խմբագրական խորհուրդ

Մելիքյան Գուրգեն

բ.գ.թ., պրոֆեսոր, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Հովհաննիսյան Դավիթ

բ.գ.թ., պրոֆեսոր, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Սաֆարյան Ալեքսանդր

պ.գ.դ., պրոֆեսոր, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Ոսկանյան Վարդան

բ.գ.թ., պրոֆեսոր, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Քոչարյան Հայկ

պ.գ.թ., դոցենտ, ԵՊՀ արևելագիտության
ֆակուլտետ

Տեր-Մաթևոսյան Վահրամ

պ.գ.դ., Հայաստանի ամերիկյան համալսարան

Պիոտրովսկի Միխայիլ

պ.գ.դ., պրոֆեսոր, ՌԴ ԳԱ ակադեմիկոս,
Արևելագիտական ֆակուլտետ, Սանկտ
Պետերբուրգի պետական համալսարան,
Պետական էրմիտաժ, ՌԴ

Մասլով Ալեքսեյ

պ.գ.դ., պրոֆեսոր, Ասիայի և Աֆրիկայի
երկրների ինստիտուտ, Մոսկվայի պետական
համալսարան, ՌԴ

Ռեպենկովա Մարիա

բ.գ.դ., պրոֆեսոր, Ասիայի և Աֆրիկայի
երկրների ինստիտուտ, Մոսկվայի պետական
համալսարան, ՌԴ

Կուզնեցով Վասիլի

բ.գ.դ., Արևելագիտության ինստիտուտ, ՌԴ ԳԱ

Էքմեքչիողլու Լեռնա

Մասաչուսեթսի տեխնոլոգիական
համալսարան, ԱՄՆ

Ուռազաևա Կուռալայ

բ.գ.դ., պրոֆեսոր, Եվրասիական ազգային
համալսարան, Ղազախստան

Սարգսյան Անի

բ.գ.թ., Համբուրգի համալսարան, Գերմանիա

**Recommended by the Scientific
Council of YSU**

Editor-in-chief

Dr., Professor Ruben Melkonyan	Dean of the Faculty of Oriental Studies, YSU
--------------------------------	---

Editorial Board

Dr., Professor Gurgen Melikyan	Faculty of Oriental Studies, YSU
Dr., Professor Davit Hovhannisyan	Center for Civilization and Cultural Studies, YSU,
Dr., Professor Alexander Safarian	Faculty of Oriental Studies, YSU
Dr., Professor Vardan Voskanyan	Faculty of Oriental Studies, YSU
Dr. Hayk Kocharyan	Faculty of Oriental Studies, YSU
Dr. Vahram Ter-Matevosyan	American University of Armenia, RA
Dr., Professor Mikhail Piotrovsky	Faculty of Asian and African Studies, SPBSU, State Hermitage, RF
Dr., Professor Alexey Maslov	Institute of Asian and African Studies, MSU, RF
Dr., Professor Mariya Repenkova	Institute of Asian and African Studies, MSU, RF
Dr. Vasiliy Kuznetsov	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, RF
Dr. Lerna Ekmekcioglu	Massachusetts Institute of Technology, USA
Dr., Professor Kuralay Urazaeva	Eurasian National University, Kazakhstan
Dr. Ani Sargsyan	University of Hamburg, Germany

**Издается по решению
Ученого Совета ЕГУ**

Главный редактор

Рубен Мелконян

д.ист. н., профессор, декан факультета
Востоковедения ЕГУ

Члены редакционной коллегии

Гурген Меликян

к.ф.н., профессор, факультет
востоковедения ЕГУ

Давид Ованнисян

к.ф.н., профессор, факультет
востоковедения ЕГУ

Александр Сафарян

к.ист.н., профессор, факультет
востоковедения ЕГУ

Вардан Восканян

к.ф.н., профессор, факультет
востоковедения ЕГУ

Айк Кочарян

к.ист. н., доцент факультета востоковедения
ЕГУ

Ваграм Тер- Матевосян

д. ист. н., Американский Университет, РА

Михаил Пиотровский

д. ист. н., профессор, академик РАН,
Восточный факультет СПбГУ,
Государственный Эрмитаж РФ

Алексей Маслов

д.ист.н., профессор, Институт стран Азии и
Африки, МГУ, РФ

Мария Репенкова

д.ф.н., профессор, Институт стран Азии и
Африки, МГУ, РФ

Василий Кузнецов

д.п. н., доцент, Институт востоковедения,
РАН, РФ

Лерна Экмекчиоглу

Массачусетский Технологический Институт,
США

Куралай Уразаева

д.ф.н., профессор Евразийский
Национальный Университет, Казахстан

Ани Саргсян

Гамбургский Университет, Германия

Բովանդակություն

Ռուբեն Մելքոնյան

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԻՆՏԵԼԵԿՏՈՒԱԼ ԵՎ ԳԻՏԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԻ ԽՈՐՀՐԴՆԻՇԸ. ՄԻԽԱՅԻԼ ՊԻՈՏՐՈՎՍԿԻ	12
Մ. Բ. ՊԻՈՏՐՈՎՍԿԻ. ԿԵՆՍԱԳՐԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿ	15

Արաբազիտություն

Վահան Տեր-Ղևոնդյան

ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՆԱՄԱԿԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԴԵՐԸ «ԱՆՏԻՈՔՅԱՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ» ԵԶՐԱՓԱԿԻՉ ՓՈԽԼՈՒՄ (1216)	19
---	----

Դավիթ Հովհաննիսյան

ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԻՍԼԱՄԱԿԱՆ ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՈՒՄ «ԴՐՈՇԻ» ԻՄԱՍՏԻ ԵՎ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՅՄԱՆ ՇՈՒՐՋ	37
--	----

Գրո Գևորգյան

ԵԳԻՊՏՈՍԻ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՍԻՐԻԱՅԻ «ԱՐԱԲԱԿԱՆ ԸՆՏԱՆԻՔ» ՎԵՐԱԴԱՐՁԻ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅՈՒՄ (2013-2023 թթ.)	56
---	----

Իրանագիտություն

Գուրգեն Մելիքյան

ԱՐՑԱԽԻ ԲԱՐԲԱՌՈՒՄ ՎԱՂ ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՄԻ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋ	67
---	----

Վարդան Ոսկանյան, Արտյոմ Տոնոյան

ԱԿՆԱՐԿՆԵՐ ԹԱԼԻՇԵՐԵՆԻ ԵՎ ԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՊԱՐՍԿԵՐԵՆԻ (ԹԱԹԵՐԵՆ) ԲԱՌԱՊԱՇԱՐԻ	78
--	----

Թյուրքագիտություն

Ռուբեն Սաֆրաստյան

ՄՈՒՍԹԱՖԱ ՔԵՄԱԼԸ ԿՈՍՏԱՆԴՆՈՒՊՈԼԻՍՈՒՄ. ԻՇԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՐ ՊԱՅՔԱՐԻ ԴՐՎԱԳՆԵՐ (1918 թ. ՆՈՅԵՄԲԵՐ - 1919 թ. ՄԱՅԻՍ)	86
---	----

Վահրամ Պեղրոսյան, Ալեքսանդր Սաֆարյան
 ԹՅՈՒՐՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ XXI ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ. ԻՄՊԼԵՄԵՆՏԱՑԻԱՆ և
 ԷՎՈԼՅՈՒՑԻԱՆ (ՀԱՅԱՑՔ ԵՐԵՎԱՆԻՑ) 102

Լուսինե Սահակյան
 ՀԱՅՈՑ ԲՆՕՐՐԱՆ ԽԱՂՏԻՔԸ ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ՎԱՐՉԱԿԱՆ
 ԲԱԺԱՆՈՒՄՆԵՐՈՒՄ.....114

Ռուբեն Մելքոնյան, Գոռ Հովհաննիսյան
 ԱԶԳԱՅՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆԴՐԱԴԱՐՁՆԵՐԸ ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ԻՍԼԱՄԱՄԵՏ
 ԿՈՒՍԱԿՅՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԾՐԱԳՐԵՐՈՒՄ 1960-1980-ԱԿԱՆ ԹԹ. 142

Նաիրա Պողոսյան
 ԲԱՅԱՀԱՅՏԵԼՈՎ «ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ (ՈՉ) ԱՎԱՆԴԱԿԱՆ ՎԱՅՐԵՐԸ».
 ՀԱՅԱՏԱՌ ԹՈՒՐՔԵՐԵՆ ՀՈՒՇԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ..... 156

Վարուժան Գեղամյան
 «ԹԱՔՍԻՄԻ ՃԱԿԱՏԱՄԱՐՏԸ». ՔԱՂԱՔԱՅԻՆ ՀՐԱՊԱՐԱԿԸ ՈՐՊԵՍ
 ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՊԱՅՔԱՐԻ ՕԲՅԵԿՏ ՀԱՆՐԱՊԵՏԱԿԱՆ
 ԹՈՒՐՔԻԱՅՈՒՄ169

Քաղաքագիտություն

Վահրամ Տեր-Մաթևոսյան, Հովհաննես Նիկողոսյան
 ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՅՈՒԹՅՈՒՆԸ 2020 ԹՎԱԿԱՆԻ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ
 ԸՆԹԱՅՔՈՒՄ. ՊԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՊԱՏՐԱՍՏՈՒՄԸ..... 185

Չինագիտություն

Նաիրայա Գոնչար-Խանջյան
 ԻՆՏԵՐՏԵՔՍԱՅԻՆ ԼԱԲԻՐԻՆԹՈՍՆԵՐ. ԲՈՐԽԵՍԸ ԵՎ
 ՍԻՆՈՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՊԱՐԱԴԻԳՄԸ..... 210

ԱԿԱԴԵՄԻԿՈՍ Մ. Բ. ՊԻՈՏՐՈՍՎԿՈՒ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿԱՆ
 ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ՑՈՒՑԱԿ 1967-2024 231

СОДЕРЖАНИЕ

Рубен Мелконян

СИМВОЛ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ 12

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 15

Арабистика

Ваан Тер-Гевондян

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ НА ФИНАЛЬНОМ ЭТАПЕ
«АНТИОХИЙСКОЙ ВОЙНЫ» (1216 Г.) 19

Давид Ованнисян

К ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ «ЗНАМЕНИ» В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ 37

Гор Геворгян

РОЛЬ ЕГИПТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ВОЗВРАЩЕНИЯ СИРИИ В
«АРАБСКУЮ СЕМЬЮ» (2013-2023 ГГ.) 56

Иранистика

Гурген Меликян

ОБ ОДНОМ РАННЕИРАНСКОМ ЗАИМСТВОВАНИИ В АРЦАХСКОМ
ДИАЛЕКТЕ 67

Вардан Восканян, Артем Тоноян

Этюды по талышской и кавказско-персидской (татской) лексике 78

Тюркология

Рубен Сафрастян

МУСТАФА КЕМАЛЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ ЗА
ВЛАСТЬ (НОЯБРЬ 1918-МАЙ 1919 ГГ.) 86

Ваграм Петросян, Александр Сафарян

«ТЮРКЧЮЛЮК» В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ:
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ (ВЗГЛЯД ИЗ ЕРЕВАНА) 102

Лусине Саакян

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН ХАХТИК (ХАЛДИЯ) В ВИЗАНТИЙСКИХ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛЕНИЯХ 114

Рубен Мелконян, Гор Оганесян

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПРОГРАММАХ
ПРОИСЛАМИСТСКИХ ПАРТИЙ ТУРЦИИ В 1960-Х И 1980-Х ГГ..... 142

Наира Погосян

РАСКРЫВАЯ (НЕ)ТРАДИЦИОННЫЕ «МЕСТА ПАМЯТИ»:
АРМЯНОГРАФИЧНЫЕ ТУРЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ МЕМУАРЫ..... 156

Варужан Гегамян

«ТАКСИМСКАЯ БИТВА»: ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ КАК ОБЪЕКТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ 169

Политология

Ваграм Тер-Матевосян, Ованнес Никогосян

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 2020 Г.:
ПОДГОТОВКА К ПОРАЖЕНИЮ..... 185

Синология

Наталья Гончар-Ханджян

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЛАБИРИНТЫ: БОРХЕС И СИНОКУЛЬТУРНАЯ
ПАРАДИГМА 210

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

АКАД. М. Б. ПИОТРОВСКОГО 1967–2024 231

Content

Ruben Melkonyan

SYMBOL OF ARMENIAN-RUSSIAN INTELLECTUAL AND SCIENTIFIC RELATIONS: MIKHAIL PIOTROVSKI	12
M. B. PIOTROVSKY: BIOGRAPHICAL SKETCH	15

Arabic Studies

Vahan Ter-Ghevondian

THE ROLE OF DIPLOMATIC CORRESPONDENCE AT THE FINAL STAGE OF THE “ANTIOCHIAN WAR” (1216).....	19
---	----

David Hovhannisyan

ON THE HISTORY OF THE EVOLUTION OF THE MEANING AND SENSE OF THE “BANNER” IN THE EARLY MEDIEVAL ISLAMIC TRADITION	37
---	----

Gor Gevorgyan

THE ROLE OF EGYPT IN THE CONTEXT OF SYRIA’S RETURN TO THE “ARAB FAMILY” (2013-2023).....	56
---	----

Iranian Studiess

Gurgen Melikyan

ON AN EARLY IRANIAN LOANWORD IN THE ARTSAKH DIALECT	67
---	----

Vardan Voskanian, Artyom Tonoyan

Etudes on Talyshi and Caucasian Persian (Tati) lexicon	78
--	----

Turkic Studies

Ruben Safrastyan

MUSTAFA KEMAL IN CONSTANTINOPLE: EPISODES OF THE STRUGGLE FOR POWER (NOVEMBER 1918 – MAY 1919).....	86
--	----

Vahram Petrosyan, Alexander Safarian

“TÜRKÇÜLÜK” AT THE BEGINNING OF THE 21 ST CENTURY: IMPLEMENTATION AND EVOLUTION (A VIEW FROM YEREVAN).....	102
---	-----

Lusine Sahakyan
KHAKHTIQ (KHALDIA) IN THE BYZANTINE ADMINISTRATIVE DIVISIONS114

Ruben Melkonyan, Gor Hovhannisyan
THE REFLECTIONS OF NATIONALISM IN THE PROGRAMS OF
THE ISLAMIC PARTIES IN TURKEY 1960-1980 142

Naira Poghosyan
EXPLORING THE (UN)USUAL “SITES OF MEMORY”: ARMENIAN-SCRIPT
TURKISH MEMOIRS..... 156

Varuzhan Geghamyan
“THE BATTLE OF TAKSIM”: CITY SQUARE AS AN OBJECT OF POLITICAL
STRUGGLE IN REPUBLICAN TURKEY 169

Political Studies

Vahram Ter-Matevosyan, Hovhannes Nikoghosyan
POLITICAL COMMUNICATION DURING THE 2020 WAR:
SETTING THE STAGE FOR DEFEAT 185

Synology

Natalie Gonchar-Khanjyan
INTERTEXTUAL LABYRINTHS: BORGES AND THE SINO-CULTURAL
PARADIGM 210

THE BIBLIOGRAPHY OF THE MAIN SCHOLARLY WORKS
AUTHORED BY M. B. PIOTROVSKI 1967-2024 231

СИМВОЛ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ

Фамилия Пиотровский знакома в Армении многим, и относятся к ней с особой теплотой. Конечно, в первую очередь это связано с личностью Бориса Борисовича Пиотровского, который, будучи преданным своей профессии, изучал древнюю армянскую историю и культуру, самоотверженно работал над раскрытием ее тайн и стремился обосновать их с научной точки зрения. В этом процессе любовь к работе шла параллельно с другой любовью, любовью к историку, ученой, арменоведу Рипсима Джанполадян. И в результате сформировалась семья. Это второе обстоятельство, благодаря которому фамилия Пиотровский многими армянами воспринимается как родная. Логично и закономерно, что Микаель/Михаил Пиотровский, родившийся в семье, ставшей результатом совместной трудовой, профессиональной деятельности и настоящей любви, также должен был перенять любовь к науке, искусству, красоте и к человеку. Выбрав специальность востоковеда, Михаил Борисович Пиотровский стремился открыть для себя сказочный мир – мир «Чужого», мир Востока, воспринимая его с востоковедческих, а не с ориенталистских позиций. Кроме того, Михаил Пиотровский был призван совместить востоковедение с музееведением, став директором Санкт-Петербургского Государственного Эрмитажа, одной из уникальных сокровищниц мира, и руководить им на протяжении многих лет.

Для меня как востоковеда, а также для моих коллег, востоковедов старшего поколения, фамилия Пиотровский также воспринимается как-то особо, в связи с двумя упомянутыми обстоятельствами, к которым прибавляется и третье – фактор самого Михаила Пиотровского. И поскольку этот текст написан в связи с 80-летием со дня рождения Михаила Пиотровского, я позволю себе немного личного – отступления или признания, но опять же в рамках профессии. Поддержка – это слово ассоциировалось у меня с Михаилом Пиотровским еще до того, как я познакомился с ним лично, а после знакомства еще больше убедился в

этом. Востоковедение – действительно уникальная и самобытная профессия. Некоторые нюансы этой науки иногда трудно объяснить не востоковедам, которые иногда тонко, иногда с иронией, а иногда прямо могут обвинить востоковедов в том, что они считают себя «всезнающими». И в лабиринте моих теоретических размышлений о роли, значении, особенностях востоковедения мне на помощь приходят монографии, статьи, интервью Михаила Пиотровского, в которых опытный и всемирно известный востоковед с уверенностью, основанной на своем жизненном опыте, говорит на волнующие меня темы и высказывает свое мнение, к которому я и сам, казалось, постепенно приходил.

То, о чем я думал, то, в чем я не был уверен или сомневался, – на всё я заочно получал подтверждение: это было своеобразной поддержкой старшего коллеги и опытного востоковеда младшему востоковеду, уже взявшему на себя ответственность руководства важнейшей колыбелью востоковедения в Армении – факультетом востоковедения Ереванского государственного университета.

В 2024 г., в феврале, мне посчастливилось лично встретиться и познакомиться с Михаилом Пиотровским в его родном Санкт-Петербурге, куда я отправился из его родного Еревана. С первых же минут встречи поддержка, которую я чувствовал заочно, стала гораздо более предметной, практической и превратилась в конструктивные переговоры и договоренности о сотрудничестве между востоковедческими школами Еревана и Санкт-Петербурга. Это сотрудничество очень быстро начало давать конкретные результаты. Оно с еще более широким размахом продолжается и сегодня. Бывают дела, которые продвигаются с трудом, но бывают и такие, которые идут быстро и легко, в том числе благодаря позитивной энергетике и искренности. Именно таким и является наше сотрудничество.

Встреча с Михаилом Пиотровским была для меня, как востоковеда, не только действительно историческим событием, но и очень поучительным уроком о научном и аристократическом протоколе, уроком скромности при наличии величайших заслуг, высших званий и достижений.

Михаил Пиотровский действительно является носителем уникального умения сочетать интеллигентность, вкус, светскость со скромностью. Наиболее типичным визуальным отражением этого является его образ со скромной улыбкой и стильным шарфом среди роскоши Эрмитажа.

Именно люди такого типа обладают умением объединить, соединить две страны, две культуры, две научные школы. И Михаил Пиотровский является носителем этой миссии и действительным символом армяно-российских интеллектуальных и научных отношений. Михаил Борисович – настоящий Почетный гражданин Санкт-Петербурга и Еревана, который объединил два города: город императора Петра I и город урартского царя Аргишти – Санкт-Петербург и Ереван. Он также является уникальным символом этого единства. Михаил Пиотровский живет красиво, работает в окружении прекрасного – в Эрмитаже, проповедует прекрасное, поэтому его по праву можно назвать «востоковедом-ценителем прекрасного».

Многоуважаемый Михаил Борисович, от имени армянской востоковедческой школы, от имени Ваших армянских коллег, друзей, уважающих и любящих Вас, и от Вашего родного Еревана позвольте поздравить Вас с 80-летием и пожелать крепкого здоровья, и чтобы еще долгие годы Вы продолжали передавать поколениям Знание, чувство Прекрасного, Общечеловеческое и Доброе, которым Вы были преданы всю свою жизнь.

С уважением и осознанием чести быть вашим коллегой,

Рубен Оганесович Мелконян

*доктор исторических наук,
профессор, декан факультета востоковедения
Ереванского государственного университета*

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Михаил Борисович Пиотровский родился в Ереване в 1944 году. Его отец, Борис Борисович Пиотровский, – выдающийся археолог, директор Государственного Эрмитажа с 1964 по 1990 год. В 1967 году М. Б. Пиотровский с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского Государственного Университета по кафедре Арабской филологии, в период с 1965 по 1966 год стажировался в Каирском Университете. С 1967 по 1991 год Михаил Борисович работал в Ленинградском отделении Института востоковедения, защитил кандидатскую (1973) и докторскую (1985) диссертации. В 1991 году был приглашён в Эрмитаж заместителем директора музея по научной работе. В июле 1992 года постановлением Правительства России Михаил Борисович Пиотровский был назначен директором Государственного Эрмитажа.

М. Б. Пиотровский участвовал в археологических раскопках на Кавказе, в Центральной Азии и Йемене. Он является автором более 300 научных работ, среди которых: каталоги арабских рукописей, издания средневековых памятников и древних надписей, работы по духовной и политической истории ислама и арабской культуре, археологии Аравии. Среди научных работ – серии статей по мусульманской мифологии в энциклопедии «Мифы народов мира», статьи о пророке Мухаммеде и монографии: «Предание о химйаритском царе Асаде ал-Камиле» (М., 1977; арабские переводы – Сана, Дамаск, Аден, 1978, 1979), «Основы арабо-исламского искусства» (1984), «Южная Аравия в раннее средневековье» (М., 1985), «Йемен до ислама и в первые века хиджры» (Бейрут, 1987), «Коранические сказания» (М., 1991), «Ислам. Энциклопедический справочник» (М., 1991, в соавторстве), «Земное Искусство – Небесная красота. Искусство Ислама», (СПб., 2000), «О мусульманском искусстве» (СПб., 2001), «Исторические предания Корана» (СПб., 2005), «Мусульманское искусство. Между Китаем и Европой» (СПб., 2008), «Исторические предания Корана» (СПб., 2005), «Мусульманское искусство. Между Китаем и Европой» (СПб., 2008), «Обретение двух святынь.

Футух аль-харамайн» (СПб., 2011), «Исламское искусство в России» на английском и русском языках (СПб., 2021, 2022). Опубликовал серию книг об Эрмитаже, среди которых – «Эрмитаж. Собрания и собиратели» (СПб., 1997, в соавторстве), «Великие коллекции великого музея. Эрмитаж» (СПб., 2003), «Эрмитаж» в серии "Великие музеи мира"» (М., 2003), «Взгляд из Эрмитажа» (СПб., 2009, 2014), «Мой Эрмитаж» на русском, английском и китайском языках (СПб., New York, Wuhan, 2014, 2015, 2019), «Для музеев нет табу» (СПб., 2016), «От скифов до Кифера. 50 выставок за 25 лет» (СПб., 2019); «Выбор директора. Эрмитаж» (СПб., 2019); «Мосты культуры: статьи, интервью, выступления» (СПб.; 2019); «Хороший тон. Разговоры запросто, записанные Ириной Кленской» (М., 2022), «Культура как скандал. Из истории Эрмитажа» (М., 2023, в соавторстве).

М. Б. Пиотровский – автор и ведущий телевизионной программы об Эрмитаже на канале «Культура» (около 450 выпусков), автор постоянной рубрики в «Санкт-Петербургских ведомостях» (издано три книги).

Михаил Борисович Пиотровский – действительный член Российской Академии наук и Российской Академии художеств. Член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству (в 2001–2011 годах – заместитель Председателя Совета). В 2012–2017 годах – член Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Профессор Санкт-Петербургского Государственного Университета, где он заведует кафедрами «Музейное дело и охрана памятников» и «Древний Восток», декан Восточного факультета. Почётный доктор Казанского государственного университета, почётный доктор Саратовского государственного университета, почётный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, почётный профессор Северо-Осетинского Государственного университета, председатель Попечительского совета Европейского университета в Санкт-Петербурге, президент Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге и Государственного Эрмитажа. Иностранный член Академии наук Армении, почётный член Академии наук

Татарстана, член-корреспондент Германского археологического института, член-корреспондент Института Франции (Академии надписей и изящной словесности), иностранный член Американской Академии искусств и наук. Президент Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель петербургского отделения Императорского Российского православного палестинского общества, председатель Совета Петербургского отделения Российского исторического общества, Президент Всемирного клуба петербуржцев.

Михаил Борисович Пиотровский награждён орденом Почёта (Россия, 1997), орденом «За заслуги перед Отечеством» (Россия, 2004, 2009), орденом «Аль-Фахр» (Совет Муфтиев России, 2005), медалью Анатолия Кони (Россия, 2013), орденом Александра Невского (2014), орденом Святого Иоанна Иерусалимского (2015), орденом Дружбы (2016), орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (Россия, 2019), Почётным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом» (2019), золотой медалью Законодательного собрания Санкт-Петербурга (2019), почётным знаком «За заслуги перед музейным сообществом» (2019), знаком отличия «За вклад в развитие Ленинградской области» (2019), орденом Королевского дома Оранских-Нассау (Нидерланды, 1996), орденом Почётного Легиона (Франция, 1998, 2004), орденом Полярной Звезды (Швеция, 1999), орденом «За заслуги перед Итальянской Республикой» (Италия, 2000, 2004), орденом Святого Месропа (Армянская апостольская церковь, 2000), орденом Ярослава Мудрого (Украина, 2003), орденом «За заслуги» (Польша, 2004), орденом Льва Финляндии (Финляндия, 2005), орденом Восходящего солнца (Япония, 2007), Серебряной медалью Амстердама (2009), наградой Международного научного центра Вудро Вильсона, (США, 2009), орденом Короны (Бельгия, 2011), орденом за заслуги в области науки и искусства (Австрия, 2014), орденом «За заслуги перед Республикой Татарстан» (2014), орденом Франциска Скорины (Беларусь, 2014), медалью Аргишти Первого (Армения, 2016), Знаком отличия Командора Ордена Искусств и Литературы (Франция, 2018), «За заслуги перед Венгрией» (Венгрия, 2019), орденом Дружбы «Дуслык» (Республи-

ка Татарстан 2020), орденом «Полярная звезда» (Монголия, 2021), орденом Почёта Султаната Оман (2023).

В 2003 году Михаил Борисович Пиотровский награждён Президентской премией в области литературы и искусства, в 2017 году – Государственной премией Российской Федерации в области литературы и искусства. Михаил Борисович отмечен благодарностью Президента Российской Федерации (2019). Лауреат общественной премии «Небесная линия» (2010), премии имени Людвига Нобеля (2021), Научной Демидовской премии (2022). В 1997 году в честь отца и сына – Бориса Борисовича и Михаила Борисовича Пиотровских – Международный Астрономический Союз присвоил одной из открытых малых планет имя «Пиотровский».

25 мая 2011 года Михаилу Борисовичу Пиотровскому присвоено звание почётного гражданина Санкт-Петербурга, в 2019 году – звание почётного гражданина Еревана.

Vahan Ter-Ghevondian¹

Doctor of Historical Sciences,

Senior Researcher,

Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts “Matenadaran”

THE ROLE OF DIPLOMATIC CORRESPONDENCE AT THE FINAL STAGE OF THE “ANTIOCHIAN WAR” (1216)

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.019

For about fifteen years, King Levon I struggled to defend the legitimate rights of his brother's grandson, Raymond-Ruben, in order to raise him to the Antioch's throne. After several attempts, he eventually took over Antioch in 1216. Taking into consideration previous years' experience, this time the Armenian king tried to prevent Cilicia from being attacked simultaneously by three neighboring states. To this end, he made great diplomatic efforts, not only releasing Muslim captives and sending expensive gifts to al-Malik al-Zahir, but also sending him two skillfully worded letters that no doubt played an important role in making the Ayyubid Sultan of Aleppo change his mind and abdicate from the idea of attacking Cilicia. No less important role was played in this matter by Sultan of Egypt al-Malik al-Adil, who had close ties with King Levon since 1208, acted as his patron and forbade his nephew to participate in the adventure initiated by the Sultan of Iconium. XIII-century Arab historians Kamal ad-Din Ibn al-Adim, Ibn Wasil and Izz al-Din Ibn Shaddad provide exceptional information about the diplomatic steps of the Armenian kingdom, as well as the complex relations between the Ayyubids of Cairo and Aleppo.

Keywords: *Levon I, Raymond-Ruben, Cilician Armenia, Principedom of Antioch, Ayyubid Sultanate of Egypt, Ayyubid Sultanate of Aleppo, Sultanate of Iconium, al-Malik al-Adil, al-Malik al-Zahir, Bohemond IV, Kamal al-Din Ibn al-Adim, Ibn Wasil, Izz al-Din Ibn Shaddad*

In the Northern part of Eastern Mediterranean, a conflict started in 1201 over the succession of the throne of the Principedom of Antioch, which lasted

¹ E-mail: vterghevondian@gmail.com, ORCID 0009-0004-7212-4683.

until 1216. It included a great number of states directly or indirectly involved in the conflict. The two main opponents in this issue were Bohemond IV, Count of Tripoli (1187-1233) and Levon I, King of Cilician Armenia (1198-1219²), who was trying to place his brother's grandson, Raymond-Ruben, on the throne of Antioch, by using both legal factors (according to the Cilicia-Antioch treaty signed in 1194, Raymond-Ruben was the legal heir) and military force. During that period, King Levon tried at least three times (1201, 1203, 1208) to place his nephew on the throne by military force, but without lasting success.

Bohemond IV had powerful allies in this struggle: the Seljuk Sultanate of Iconium and the Ayyubid Sultanate of Aleppo. Meanwhile, King Levon tried to get the support of the Pope, but already in 1208-1209 it was obvious that the Roman Church's intervention was not enough to get out of the hostile siege. Therefore, the Armenian king took a bold step by sending a message to Al-Malik al-Adil (1200-1218), the Sultan of Egypt and the elder of the Ayyubid dynasty³. According to the valuable information provided by two historians (Anonymous of Edessa⁴ and Kamal ad-Din Ibn al-Adim⁵), in 605 AH (1208-1209), in response to the request of King Levon, al-Malik al-Adil sent letters to Kay Khosrov and al-Malik al-Zahir, persuading or forcing them, to make peace with the Armenian side. According to the reconciliation, established between parties, the Seljuks of Rum and the Ayyubids of Aleppo stopped their joint attack against Cilicia. Instead, the Armenian side had to fulfill some of their demands.

² Prince of Cilicia in 1187-1198.

³ It was then that the positions of the Egyptian Ayyubids in Jazira expanded and strengthened. In 1207 they conquered Khilat and the basin of Lake Van, territories that even Salah ad-Din had not conquered. Thus, they became direct neighbors to the Seljuks of Rum. See Օսար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 11, Արաբական աղբյուրներ Բ, արաբ. թարգմ., առաջաբան և ծանոթագր. Ա. Տեր-Ղևոնդյան, Երևան, 1981, էջ 291-293:

⁴ Անանուն Եդեսացի, Ժամանակագրություն, Օսար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 12, Ասորական աղբյուրներ Բ, 12, թարգմ. և խմբ. Լ. Տեր-Պետրոսյան, Երևան, 1982, էջ 171-172:

⁵ Kamal ad-Din Ibn al-Adim, *Zubdat al-halab min tarikh Halab* [The cream of the History of Aleppo], ed. Sami ad-Dahhan, French Institute in Damascus, vol. III, Damascus, 1968, p. 160.

The main demand was “not to interfere in the affairs of Antioch”. The fact is that such an attempt was not made during the next eight years (from 1208 to 1216), and there was a relative peace around the issue of Antioch. And yet, Levon I’s dream was accomplished in 1216, ending a 15-year long conflict. This was already the last stage of that conflict, in which all the aforementioned actor-states took part again, and diplomatic correspondence (especially two messages of Levon I to al-Malik al-Zahir and the Cairo-Aleppo diplomatic missions), this time also had a decisive role, greatly affecting the final result of the conflict. It clearly demonstrated, that Egyptian Sultanate-Armenian Kingdom relations had been maintained during those eight years on the level of the monarchs, and that the correspondence of 1208-1209 was not an accidental or unique phenomenon.

The purpose of this study is to examine the role played by the diplomatic correspondence between Sis and Aleppo in 1216, also Cairo’s position towards the same issues (expressed in different ways), paying particular attention to the rich information of Arab historians, which is sometimes exclusive and not found in other sources.

* * *

Let’s try to follow what events took place in the region between 1208 and 1216. When Sultan Kay Khosrov of Iconium died in 1211, Levon the Great rushed to intervene in the struggle for the throne between two brothers. Levon was supporting Ala al-Din against the heir to the throne Izz al-Din Kay Kaus I (ruled 1211-1219). Trying to seize power, Ala al-Din called the Armenian king for help, promising to hand over the city of Caesarea to him. Levon approached Caesarea with his army, but the legitimate sultan eventually convinced him to withdraw his troops and not to interfere in the internal struggle. Al-Malik al-Ashraf Ayyubid, the Lord of Jazira, also played a role in the decision to withdraw the Armenian troops, who also mediated in favor of Kay Kaus⁶.

⁶ Shukurov R., The Image of Cilician Armenia in Anatolian Muslim Sources, in: Cilician Armenia in the Perceptions of Adjacent Political Entities (Historical-Philological Essays), ed. A. Bozoyan, V. Ter-Ghevondian, R. Shukurov, G. Danielyan, Yerevan, 2019, p. 87.

In those same years, an internal struggle was going on inside Antioch as well. Bohemond IV tried to get rid of his opponents in every possible way. In 1208, he imprisoned the Latin Patriarch of Antioch Peter of Angouleme, who was the leader of the Raymond-Ruben supporters or “pro-Armenian” party. So the Patriarch was encarcerated were he found his death⁷. However, Bohemond did not manage to remove his other opponents either. Some years later the Armenian king and his protégé made brilliant use of that circumstance⁸.

* * *

In the colophon of a manuscript written in 2016 the scribe testifies “...in the year when Levon, the victorious Armenian king by the power of God, captured Antioch, the great capital of Syrians”⁹.

Among the Armenian authors, the most detailed description of the capture of the city gives Smbat Sparapet (Constable), a historian of XIII c. According to him on February 14, 1216 Levon the Great captured Antioch “with skill and wisdom”¹⁰. Then he explains what that “skill and wisdom” consisted of. According to Smbat, Levon I wooed some of the princes of Antioch (including Seneschal Amaury) by promising great rewards. The latter opened the gates of the city at night and the Armenian army entered the city. Most of the Franks concentrated in the citadel of Antioch, but were soon forced to surrender. The Latin Patriarch of Antioch, accompanied by the nobles of the city and led by King Levon, raised Raymond-Ruben on the throne of the Principedom¹¹.

Hethum of Korikos considering the defection of Seneschal Amaury and other Frankish nobles narrates: “Levon, the Armenian king, captured the

⁷ Burgdorf J., The Antiochene war of succession, Chapter twelve in: The Crusader world, ed. by Adrian J. Boas, Routledge, London & New York, 2016, p. 205.

⁸ Cahen C., La Syrie du Nord et la principauté franque d’Antioche, Institut Français de Damas, Paris: P. Geuthner, 1940, p. 611-613; Moutafian Cl., L’Arménie du Levant (XIe –XIVe siècle), 1, Paris, 2012, p. 107-108.

⁹ See Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ. ԺԳ դար, խմբ. Ա. Մաթևոսյան, Երևան, 1984, էջ 96, 103:

¹⁰ Սմբատայ Սպարապետի Տարեգիրք, Վենետիկ- Ս. Ղազար, 1956, էջ 219:

¹¹ Ibid.

city of Antioch in a conspiracy at night and made his nephew Ruben Prince there”¹².

Arabic writing authors cover the issues we are interested in from other perspectives. Sibṭ ibn al-Jawzī, whom al-Malik al-Ashraf, the lord of Jazīra, had sent as an ambassador to Aleppo, to al-Malik al-Zahir, testifies that he himself gave the news of the capture of Antioch to the Sultan of Aleppo. “On the 24th of Shawwal, 612, a Sunday (February 14, 1216) Lawin (Levon) took away Antioch from the Franks”¹³. Another historian Izz ad-Din Ibn Shaddad is more aware of the problem of the succession to the throne of Antioch. His report is more detailed, though he erroneously dates the event to late 2015 “On Monday, the 23rd of Shaaban, 612 (December 17, 1215), Ibn Lawun¹⁴ attacked Antioch, captured it, and handed it over to his sister’s¹⁵ son. The reason for this was that the father of the ruler at that time, Prince Raymond the Elder, had two sons. One of them was the aforementioned Baimund (Bohemond IV), who ruled there, and the other was named Raymund. His father’s approval was on his side, so he betrothed him to the daughter of Ibn Lawun, and [then] they were married. [Then] the kingdom was bequeathed to him and his people recognized him”¹⁶.

Izz al-Din Ibn Shaddad is also aware of the fact that Bohemond had retaliated against the Patriarch of Antioch (Peter of Angoulem). Describing

¹² Մաթևոսյան Կ., Հերթում պատմիչ Կոռիկոսցին և նրա «Ժամանակագրությունը», Երևան, 2011, էջ 50, also Small Chronicles, XIII-XVIII cc., 1951, 1, p. 79, 94 as well as Small Chronicles, XIII-XVIII cc., 1956, 2, p. 63, and one of the Continuators of Samuel of Ani mistakenly mentions the capture of Antioch among the events of the year 1218, See Սամուել Անեցի և Շարունակողներ, Ժամանակագրություն. խմբ. Կ. Մաթևոսյան, Երևան, 2014, էջ 239:

¹³ Sibṭ ibn al-Jawzī, *Mirat az-zaman fi tarikh al-ayan* [Mirror of time in histories of the notables], v.VIII, ed. (with introduction) by J.R. Jewett, The University of Chicago, 1907, p. 374.

¹⁴ By “Ibn Levon” Arab historians mean “Levonid dynasty” (or someone from that dynasty), which is same as the Rubenid dynasty, because they call the dynasty not after Prince Ruben I (1080-1095), but after Prince Levon I (1129-1137), See Ter-Ghevondian V., *The Rubenids in Arab Historiography*, in: *Cilician Armenia in the Perceptions of Adjacent Political Entities* (Historical-Philological Essays). Ed. A. Bozoyan, V. Ter-Ghevondian, R. Shukurov, G. Danielyan, Yerevan, 2019, pp. 113-150.

¹⁵ Alice was not Levon’s, but his brother Ruben’s daughter. An error that occurs several times in the text.

¹⁶ Izz al-Din Ibn Shaddad, *Al-Alaq al-Khatira fi thikr umara al-Sham wa-l-Jazira* [Dangerous comments on the princes of Sham and Jazīra], 1.2, ed. Yahya Zakarya Abbara, Dimashq, 1991, p. 407.

the events that happened years ago (before 1208-1209) the historian adds: "Ibn Lawun had received a letter from the Patriarch of Antioch stating that the kingdom belonged to his sister's son. This letter he sent to him (to Bohemond), and when Bohemond received it and became acquainted with its contents, he said: This is my kingdom, and it is in my hands, the Patriarch was raised to the citadel and drowned"¹⁷.

A contemporary to Ibn Shaddad, Syrian historian Gregory Bar Hebraeus provides with even more precise data: "At this time PRAYNS BAIMOND (BOHAIMOND) died, and he left a son, whose name was RUFIN, which the daughter of RUFIN, the king of the ARMENIANS, had borne to him. And although the kingdom belonged rightly to him, his uncle made bold and snatched it for himself. Then LION, the king of the ARMENIANS, the brother of RUFIN the ARMENIAN, because he RUFIN the FRANK, was the son of his brother's daughter, was enraged and he came to ANTIOCH, and he made the people of ANTIOCH swear oaths of fealty to him"¹⁸.

Of greater interest is not so much the capture of Antioch as the first steps undertaken by King Levon immediately after that event. Despite the fact that there were no military operations in the previous 7-8 years, the anti-Cilician alliance of three states was still alive and the Armenian king, taking into account the bitter experience of the past, tried to avoid the perspective of fighting on several fronts. First, he showed a favorable attitude towards the population of the City, which the Arab historian Ibn Wasil talks about. "In the month of Shawwal of this year (612 AH) (January-February, 2016) Armenian king "Ibn Levon" took possession of Antioch, dealt well with the local people and exercised justice. Its (Antioch's) lord the Brins (Prince)¹⁹ was a tyrannical man, and "Ibn Levon"s position rose high [in the eyes] of the people of Antioch"²⁰.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ The Chronography of Bar Hebraeus Gregory Abu-I Faraj 1225-1286, Second Edition, trans. by E.W. Budge. London-Amsterdam: Apa-Philo Press, 1976, p. 370.

¹⁹ Bohemond IV.

²⁰ Ibn Wasil, Muhammad ibn Salim Ibn Wasil's Mufarrij al-kurub fi akhbar bani Ayyub [The Dissipater of Anxieties in the Report of the Ayyubids]. Ed. Jamāl Dīn al-Shayyāl, Publisher: Ihya al-Turath al-Qadim, vol. III, Cairo, 1957, p. 233.

The next preventive measure taken by Levon I was the release of Muslim captives. This time the goal was to prevent a possible attack by the Ayyubids of Aleppo, something that happened in 1208. Once more we turn to Ibn Wasil. "...and he (Levon) released a group of Muslim captives who were in Antioch and transferred them to [Aleppo], and there was peace between him and al-Malik al-Zahir"²¹.

Immediately after, or at the same time, as the release of the captives, King Levon decides to send a letter to Sultan of Aleppo and, probably considering that the release of the captives is not enough to prevent a possible attack by al-Malik al-Zahir, he spices his letter with exaggerated compliments. We come across this information from an already familiar author Izz al-Din Ibn Shaddad. "When "Ibn Lawun" took possession of the Citadel and Baymund (Bohemond) returned to Tripoli, "Ibn Lawun" wrote to al-Malik al-Zahir Abu al-Fath Baybars, informing him that he was in his service and would [never] go against his orders and opinion, and that he himself had captured Antioch on his (al-Zahir's) behalf and released the Muslim captives there and sent them to Aleppo"²².

We will soon make sure that King Levon's preventive steps combined with the position of the Sultan of Egypt al-Malik al-Adil restrained the Sultan of Aleppo.

Immediately after conquering Antioch, King Levon fulfilled an obligation that Cilician Armenia assumed but did not fulfill in the peace made back in 1208-1209. It was about returning the fortress of Gaston (or Baghras) to the Templars. At the same time, he restored the episcopal seats of the Catholic Church in Tarsus and Mamistra, thereby restoring relations with the Roman Church. In other words, he removed the two reasons that led to the excommunication of Levon by Innocent III in 1211²³.

Here is the report of Ibn Wasil "'Ibn Lawun" surrendered Baghras to the Templars (Dawiyya), appointed his sister's²⁴ son *deputy* at Antioch, and returned to his country, fearing Izz al-Din Kay Kaus"²⁵.

²¹ Ibn Wasil, 1957, p. 233. See also Cahen Cl., 1940, p. 621.

²² Izz al-Din Ibn Shaddad, v. 1.2, 1991, p. 408-409.

²³ Cahen Cl. 1940, p. 617.

²⁴ Has to be "brother's grandson".

²⁵ Ibn Wasil, 1957, p. 233.

It is interesting that King Levon, at the cost of great efforts, was able to win sympathy of the people of Antioch, regulate relations with the Pope and the Knights Templar, and seem to keep the Ayyubids of Aleppo in a neutral position (as we shall see, not completely). The Seljuks of Iconium were the only ones against whom he had no diplomatic tools.

As in 1208, in 1216 also the Seljuks of Asia Minor were the first to respond to Bohemond IV, who after losing Antioch, appealed to his allies for help. Ibn Wasil among events in the year 612 (May 2, 1215 – April 20, 2016) mentions the capture of the fortress of Lulua and some other fortresses in the Armenian kingdom by the Seljuks. It was probably this news that forced Levon to leave Antioch and return to Cilicia in a hurry. According to one of the Continuators of the Chronography of Samuel of Ani, Kay Kaus lay siege to the fortress of Kapan. The Armenian king went into battle and was winning at first, but then the army was “foolishly” defeated by the Sultan²⁶. Another historical source – a Colophon of a Gospel written in 1216 in Tarsus narrates that the Armenian forces were unable to show serious resistance near Kapan and even some princes were captured, including the Constable Costandine²⁷.

Sultan Kay Kaus of Iconium also tried to revive the anti-Cilician alliance and encircle the Armenian kingdom. Ibn Wasil addresses this question, writing that Kay Kaus in 613 AH, in the month of Muharram (April-May 1216), i.e., two months after the capture of Antioch, turned to al-Malik al-Zahir, offering to jointly free Antioch from King Levon. Answering him, the Sultan of Aleppo offers the following strategy: let the Seljuks attack from Marash, he himself will aim Darbsak, and Bohemond attack Antioch, with the troops of Damascus, Hama and Homs under his command²⁸.

Immediately after designing the plan of attack against Cilician Armenia Al-Zahir sends a mission to Cairo to get his uncle's opinion. “So al-Malik al-

²⁶ Samuel of Ani and Continuators 2014, p. 238:

²⁷ Colophons of Armenian Manuscripts, XIII c., 1984. p. 101: Samuel of Ani and Continuators 2014, p. 238, Smbat Sparapet. 1956, p 221-222: Levon released the mentioned captives only three years later, ceding Lulua and Lozat fortresses to the Sultanate of Rum as a ransom, See Smbat Sparapet, 1956, p. 222.

²⁸ Ibn Wasil, 1957, p. 234.

Zahir sent [a messenger] to al-Malik al-Adil to consult him about that²⁹, but al-Malik al-Adil rejected his opinion and pointed to the corruption in that, so al-Malik al-Zahir fell into great confusion between betraying what he had promised Izz al-Din (Kay Kaus) and disobeying his uncle al-Malik al-Adil”³⁰.

Kamal al-Din Ibn al-Adim describes the same events in a slightly different way. According to him, correspondence was established between the sultans of Iconium and Aleppo in 1216. It was agreed that al-Malik al-Zahir would come under the rule of Kay Kaus and make an alliance with him as he was afraid of his uncle (al-Malik al-Adil)³¹.

Kamal al-Din adds that the Sultan of Aleppo nevertheless regretted what he had done and sent an embassy to Cairo to seek al-Malik al-Adil’s approval of his intentions: “The Sultan regretted what he had done and saw that preserving his household was a priority and that his agreement with his uncle was more important”³². This time he could not have high hopes for his uncle, because, as narrates Ibn al-Adim “And he (al-Malik al-Zahir) sent an ambassador to Egypt. The Sultan prepared post horses to receive fresh news from his uncle (al-Malik al-Adil), so that he would know what to do if he saw any suspicious moves on his part. And he himself appealed to Kay Kaus, and in all this his purpose was to keep the army in readiness, and to be ready to meet Kay Kaus and join him in order to [attack] the land of “Ibn Levon” first.”Ibn Levon” had taken possession of Antioch, and the Sultan was in a desperate situation, for he bordered him, but he knew that [Levon] was under the patronage of his uncle (Al-Adil)”³³.

It is very important what word the narrator uses to express the relationship between Levon and al-Malik al-Adil. He uses the phrase “Intima ila”, which literally means “to belong to something”, or “to be part of something”, but in our opinion it is not wrong to translate as “under the patronage”. The information of Arab historians allows us to assume that from 1208 until 1216, King Levon accepted the Egyptian sultan’s supremacy

²⁹ About the joint attack on Cilician Armenia and Antioch.

³⁰ Ibn Wasil, 1957, p. 234.

³¹ Kamal al-Din Ibn al-Adim 1968, p. 168.

³² Ibid.

³³ Ibid, p. 168-169.

(albeit formally) on his own initiative in order to counterbalance the neighboring hostile states.

Levon was well aware of the internal contradictions between the various representatives of the Ayyubid dynasty and sought, in cooperation with al-Adil, to restrain his nephew, thereby neutralizing the key member of the anti-Cilician alliance. There was an additional reason (it is difficult to guess whether the Armenian king knew about it) because of which al-Zahir would avoid angering his uncle. The fact is that al-Malik al-Zahir, foreseeing his imminent death (it happened a few months later), was going to transfer the throne of Aleppo to his son, and this would be considered legitimate only if he received the approval of the Sultan of Egypt³⁴. Al-Zahir sent his ambassador – Baha ad-Din, the judge of Aleppo to Cairo with a letter in which he asked to confirm his son as the future sultan of Aleppo. Soon he received a positive answer from Cairo. Immediately after that phrase we come across the following sentence: “He kept thinking that his uncle had agreed with him and he did not see the need to return to the king of Rum and spoil what was between him and his uncle”³⁵.

Unlike the previous tense situations during the “Antiochian War”, this time the Ayyubids of Aleppo avoided attacking Cilicia. Al-Malik al-Zahir not only did not receive the support of Egypt, but also could annoy his uncle for starting a war against the monarch under his patronage. In order to finally prevent the possible attack of the Sultanate of Aleppo, King Levon sent another letter to Aleppo (already the second one in two months) together with rich gifts. In his message, he uses diplomatic tricks to the maximum extent, trying to get his point across between phrases full of sometimes exaggerated compliments. This is how Anne-Marie Eddé describes Levon I’s initiative “...il (Al-Zahir) reçut de nombreux cadeaux de Léon, accompagnés d’un message très habilement rédigé...”³⁶.

The content of the letter is reported (or retold) only by Ibn Wasil. “I am the sultan’s slave (“mamluk” in the original text), and the seedling (“ghars”

³⁴ Eddé A.-M., *La Principauté Ayyoubide d’Alep (579/1183 – 658/1260)*, Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1999, p. 84.

³⁵ Kamal al-Din Ibn al-Adim, 1968, p. 169.

³⁶ Ibid. He received many gifts from Leon, accompanied by a very cleverly written message.

in the original text)³⁷ of his state. I came to him as an Arab³⁸. And I ask him to save me from this predicament and I will be his slave as long as I live. And I have preserved the Sultan's country more than once and served him. Including when the Sultan besieged Damascus the first time and the country remained empty of soldiers, I did not occupy his heart (I didn't give him any worries) nor did I harm his country, rather I helped him and supported him with my money and men. And also when he besieged Damascus the second time³⁹, I was offered money so that I would be a concern for him and make him stop the siege, I did not do anything about it. Even though the Prince⁴⁰ had served the Sultan, but my service was greater than his. The Sultan will see my service and my constant attendance at his noble court as I have recommended my nephew⁴¹, whom I have appointed in Antioch, to adhere to his service".⁴²

Summarizing King Levon's letter, the Ibn Wasil adds the following: "“Ibn Laun” sent a great and luxurious gift together with this message, so al-Malik al-Zahir became disposed to his (Levon's) saying (appeal) and remained (became) hesitant [to attack]”⁴³

This report of Ibn Wasil is unique and significantly helps to reveal the relationship between the Armenian Kingdom and the Ayyubids. After quoting Levon's letter, the narrator goes on to say that ambassadors from the Sultan of Iconium were coming to Aleppo to persuade al-Malik al-Zahir to hasten the withdrawal of troops against Cilicia. However, the Sultan of Aleppo sent the Seljuk ambassadors back and refused the promise he made earlier⁴⁴.

³⁷ Probably referring to the recently joined Ayyubids. A.-M. Eddé translated as “prosélyte” (neophyte, new believer) (See A.-M. Eddé, 1999, p. 84).

³⁸ The word “Arab” in this phrase could also have the meaning of “local”, “one of our own” (not “foreign” or “stranger”) in opposition to the crusaders (Bohemond IV).

³⁹ Probably refers to the sieges of Damascus in 1199-1201 in which al-Malik al-Zahir took part with his army. See Humphreys S. R., From Saladin to the Mongols, The Ayyubids of Damascus, 1193-1260. New York. 1977.

⁴⁰ Bohemond IV.

⁴¹ Raymond-Ruben.

⁴² Ibn Wasil, 1957, p. 235.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

* * *

Usually 1216 is mentioned as the end of the conflict⁴⁵, but, for example, Jochen Burgtorf⁴⁶ brings it up to 1219. In the first case, the military operations and hostile steps between the countries of the region are over, and the conflict reaches to some conclusion, while in the second case, as an endpoint is chosen the moment, when the question of the ownership of Antioch is finally resolved by passing back to Bohemond IV. However we prefer to follow the traditional point of view, considering that after 1216, the conflict loses its regional and international character, and the events of 1219 had much less international impact and were the result of internal changes in the Princedom of Antioch.

Summarizing the data of Armenian, Syrian and Arab historical sources, but especially the unique information provided by two historians of XIII c. Kamal ad-Din Ibn al-Adim and Ibn Wasil about the last stage of the “Antiochian War” we get the following picture. After a series of unsuccessful attempts (1201, 1203, 1208), the Armenian king Levon finally chose a suitable moment in the middle of February 1216 and entered Antioch with his army and installed his brother’s grandson, Raymond-Ruben on the throne of the Princedom. Bearing in mind the bitter experience of the past, he immediately took steps to prevent the attack of the anti-Cilician states. To this end, he

- Secured a just government in Antioch by winning the trust of the population,
- Released the Muslim captives previously captured and held in Antioch,
- Sent the captives to Aleppo, to al-Malik al-Zahir as an expression of goodwill,
- At the same time a letter of a friendly nature was sent to the sultan of Aleppo, seasoning it with compliments,

⁴⁵ The famous researcher Claude Cahen named a chapter of his research as such, marking the dates we use as the beginning and end of the conflict: “La guerre de succession d’Antioche (1201-1216)”.

⁴⁶ See Burgtorf J., *The Antiochene war of succession*, Chapter twelve in: *The Crusader world*, edited by Adrian J. Boas, Routledge, London & New York, 2016, p. 196.

- Returned the fortress of Gaston (Baghras) to the Templars,
- Restored the episcopal sees of the Roman Church in Tarsus and Mamistra.

All these steps were taken in the second half of February. And despite all the precautionary measures, about two months later, in April 1216, the situation escalated. Kay Kaus Sultan of Iconium and al-Malik al-Zahir, the Ayyubid Sultan of Aleppo, agreed to launch a simultaneous attack on Cilicia, one by Marash and the other by Darbsac, and to provide Bohemond with additional forces to capture Antioch. Immediately after designing the plan of attack against the Armenian kingdom, Al-Zahir sent a mission to Cairo to get his uncle's opinion. Al-Adil conveyed his opinion to the Aleppo mission, which was decidedly negative, urging al-Zahir to stay away from the adventurous endeavors of the Seljuks of Rum. Also it was known that since 1208, Levon I enjoyed the patronage of Sultan Al-Adil. Apart from other circumstances, there was another factor that acted as a deterrent for Al-Zahir. He wanted to get the consent of the Sultan of Egypt in declaring his son the heir to the throne of Aleppo. In the end, he received that approval, but he was well aware that if he went against his uncle's will it could be revoked. It is at that moment that, as if sensing Al-Zahir's hesitation and to finally convince him, King Levon sent a second letter (this time probably from capital Sis) two months after the previous one along with a lavish gift. And it is only after that that Al-Zahir abandons the idea of attacking Cilicia and sends back the ambassadors from Iconium.

Thus, the diplomatic efforts bear fruit; unlike in 1208-1209, the Armenian kingdom avoids the danger of fighting three states at the same time, and Raymond-Ruben remains on the throne of Antioch for another three years (1216-1219).

* * *

Thus, thanks to great diplomatic efforts and particularly intensive correspondence, it becomes possible to neutralize the danger hanging over Cilician Armenia. All that remained for King Levon was to fight against his

implacable northern rival, the Sultanate of Rum. However, during the last years of Levon the Great (1216-1219), the unity within Cilicia was partially broken. The weakness and illness of the king contributed to this. Some important feudal lords refused to help him in the fight against the Sultanate of Iconium, so King Levon was only able to make peace with the Seljuks at the cost of concessions. After the death of the king (May, 1219) the centrifugal aspirations of these feudal lords became more apparent. Raymond-Ruben also tried to take advantage of this opportunity; he became an enemy of Levon in the last years of his reign and even tried to arrest him. As the Prince of Antioch he showed himself to be an incompetent ruler by turning against him the princes who had supported him before. Having apparently received no support from either Cilician Armenia or the population of Antioch, Raymond-Ruben was defeated by Bohemond IV's army (with almost no resistance), and after a three-year (1216-1219) reign, Antioch once again ceded to his uncle, who stayed on the throne of the united Tripoli-Antioch state up to his death (1233)⁴⁷.

Raymond-Ruben fled to the port city of Damietta in Egypt, which was besieged by the participants of the Fifth Crusade under the leadership of Cardinal Pelagius. The dethroned prince hoped to conquer Cilicia with their help⁴⁸.

The situation also changed in the Sultanate of Aleppo. Al-Malik al-Zahir died in 1216, and was succeeded by his son al-Aziz Muhammad, who was only two-three years old⁴⁹. Atabek Shihab al-Din Tughril took charge of the country. Aleppo's foreign policy also changed drastically. Not only was it not hostile to the Armenian Kingdom, but a certain cooperation began between Sis and Aleppo in 1216-1230.

⁴⁷ Տեառն Միխայելի պատրիարքի ասորաց ժամանակագրություն, Երուսաղեմ, 1870, էջ 520-521:

⁴⁸ About the motives of Raymond-Ruben's actions and his fate see Տեր-Պետրոսյան Լ., Խաչակիրները և հայերը, Հատոր Բ, Պատմա-քաղաքագիտական հետազոտություն, Երևան, 2007, էջ 225-229:

⁴⁹ Bar Hebraeus, 1976, p. 369.

ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՆԱՄԱԿԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԴԵՐԸ «ԱՆՏԻՈՔՅԱՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ» ԵԶՐԱՓԱԿԻՉ ՓՈԽԼՈՒՄ (1216)

Վահան Տեր-Ղևոնդյան⁵⁰

Լևոն Ա թագավորը շուրջ մեկուկես տասնամյակ համառ պայքար մղեց իր եղբոր թոռան՝ Ռայմոնդ-Ռուբենի օրինական իրավունքները պաշտպանելու և նրան Անտիոքի գահին բազմեցնելու համար։ Մի շարք փորձերից հետո, ի վերջո, 1216 թվականին նրան հաջողվեց գրավել Անտիոքը։ Հաշվի առնելով նախորդ տարիների, հատկապես 1208-1209 թվականների փորձը, Հայոց թագավորը այս անգամ փորձեց թույլ չտալ, որ Կիլիկիան ենթարկվի հարևան երեք պետությունների միաժամանակյա հարձակմանը։ Այդ նպատակով նա դիվանագիտական մեծ ջանքեր գործադրեց, ոչ միայն ազատ արձակելով մուսուլման գերիներին ու թանկարժեք նվերներ ուղարկելով ալ-Մալիք ալ-Զահիրին, այլև նրան հղելով երկու հմտորեն ձևակերպված գրություններ, որոնք անկասկած կարևոր դեր խաղացին այն հարցում, որ Հալեպի Այյուբյան սուլթանը փոխեց իր որոշումը և հրաժարվեց Կիլիկիայի վրա հարձակվելու գաղափարից։ Այս հարցում ոչ պակաս կարևոր դեր խաղաց նաև Եգիպտոսի սուլթան ալ-Մալիք ալ-Ադիլի դիրքորոշումը, որը դեռևս 1208 թվականից սերտ կապեր ունենալով Լևոն թագավորի հետ, հանդես եկավ որպես նրա հովանավոր և արգելեց իր եղբորորդուն մասնակցելու Իկոնիայի սուլթանի նախաձեռնած «արկածախնդրությանը»։ Հայոց թագավորության դիվանագիտական քայլերի, ինչպես նաև Կահիրեի և Հալեպի Այյուբյանների բարդ հարաբերությունների մասին բացառիկ տեղեկություններ են հաղորդում XIII դարի արաբ պատմիչներ Քամալ ալ-Դին Իբն ալ-Ադիմը և Իբն Վասիլը։

Քանալի բառեր՝ Լևոն I, Ռայմոնդ-Ռուբեն, Կիլիկյան Հայաստան, Անտիոքի իշխանություն, Եգիպտոսի Այյուբյան սուլթանություն, Հալեպի Այյուբյան սուլթանություն, Իկոնիայի սուլթանություն, ալ-Մալիք ալ-Ադիլ, ալ-Մալիք ալ-Զահիր, Բոհեմունդ IV, Քամալ ալ-Դին Իբն ալ-Ադիմ, Իբն Վասիլ, Իզզ ալ-Դին Իբն Շադդադ

⁵⁰ Վահան Տեր-Ղևոնդյանը Մեսրոպ Մաշտոցի անվան հին ձեռագրերի ինստիտուտ «Մատենադարանի» ավագ գիտաշխատող է, պ.գ.դ., էլ. փոստ՝ vterghevondian@gmail.com, ORCID: 0009-0004-7212-4683:

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ НА ФИНАЛЬНОМ ЭТАПЕ «АНТИОХИЙСКОЙ ВОЙНЫ» (1216 г.)

Ваан Тер-Гевондян⁵¹

Царь Левон I около пятнадцати лет последовательно защищал законные права своего внучатого племянника Раймонда-Рубена с целью возведения последнего на престол Антиохии. В 1216 г. попытки царя увенчались успехом, и он наконец завладел Антиохией. Учитывая опыт предыдущих (особенно 1208-1209 гг.) лет, армянский царь на этот раз сделал все, чтобы предотвратить одновременное нападение на Киликию трех соседних государств. С этой целью он приложил большие дипломатические усилия, не только освободив мусульманских пленников и отправив дорогие подарки аль-Малик аль-Захир, но и отправив ему два искусно сформулированных письма, которые, несомненно, сыграли важную роль в том, чтобы заставить Айюбидского султана Алеппо отказаться от идеи нападения на Киликию. Не менее важную роль в этом вопросе сыграла позиция султана Египта аль-Малик аль-Адила, который с 1208 г. имел тесные связи с царем Левоном. Он выступил в качестве его покровителя и запретил племяннику участвовать в «авантюре», инициированной султаном Иконии. Арабские историки XIII века Камаль ад-Дин Ибн аль-Адим и Ибн Василь предоставляют уникальную информацию о дипломатических шагах Армянского царства, а также о сложных отношениях между Айюбидами Каира и Алеппо.

Ключевые слова: Левон I, Раймонд-Рубен, Киликийская Армения, Антиохийское княжество, Египетский Айюбидский султанат, Алеппский Айюбидский султанат, Иконийский султанат, аль-Малик аль-Адил, аль-Малик аль-Захир, Боэмунд IV, Камаль аль-Дин Ибн аль-Адим, Ибн Василь, Изз аль-Дин Ибн Шаддад

BIBLIOGRAPHY

1. Անանուն Եդեսացի, Ժամանակագրություն, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 12, Ասորական աղբյուրներ Բ, թարգմ. և խմբ. Լ. Տեր-Պետրոսյան, Երևան, 1982.

⁵¹ Ваган Тер-Гевондян – старший научный сотрудник Института древних рукописей имени Месропа Маштоца «Матенадаран», д. ист. наук, эл. почта: vterghevondian@gmail.com, ORCID: 0009-0004-7212-4683.

2. Իբն ալ-Ասիր, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 11, Արաբական աղբյուրներ Բ, արաբերենից թարգմ., առաջաբան և ծանոթ. Ա. Տեր-Ղևոնդյան, Երևան, 1981:

3. Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ. ԺԳ դար, խմբ. Ա. Մաթևոսյան, Երևան, 1984:

4. Մաթևոսյան Կ., Հեթում պատմիչ Կողիկոսցին և նրա «Ժամանակագրությունը» Երևան, 2011.

5. Մանր ժամանակագրություններ, XIII-XVIII դդ., հտ. 1, խմբ. Վ. Հակոբյան, Երևան, 1951.

6. Մանր ժամանակագրություններ, XIII-XVIII դդ., հտ. 2, խմբ. Վ. Հակոբյան, Երևան, 1956.

7. Սամուէլ Անեցի և Շարունակողներ, Ժամանակագրութիւն, խմբ. Կ. Մաթևոսյան, Երևան, 2014.

8. Սմբատայ Սպարապետի Տարեգիրք, Վենետիկ-Ս. Ղազար, 1956

9. Տեառն Միխայէլի պատրիարքի ասորւոց ժամանակագրութիւն, Երուսաղեմ, 1870.

10. Տեր-Պետրոսյան Լ., Խաչակիրները և հայերը, հատոր Բ. պատմա-քաղաքագիտական հետազոտություն, Երևան, 2007:

11. Burgdorf J., The Antiochene war of succession, Chapter 12 in: The Crusader world, ed. by A. J. Boas, Routledge, London & New York, 2016, pp. 196-211.

12. Cahen C., La Syrie du Nord et la principauté franque d'Antioche, Institut Français de Damas, Paris: P. Geuthner, 1940.

13. Cahen C., La Turquie pré-ottomane (Varia Turcica VII), Institut Français d'Études Anatoliennes, Istanbul, 1988.

14. Eddé A.-M., La Principauté Ayyoubide d'Alep (579/1183 – 658/1260), Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1999.

15. Grousset R., Histoire des croisades, III, 1188-1291, L'anarchie franque. Paris: Perrin, 1936.

16. Humphreys S. R., From Saladin to the Mongols, The Ayyubids of Damascus, 1193-1260, New York: SUNY Press, 1977.

17. Ibn Wasil, Muhammad ibn Salim Ibn Wasil's Mufarrij al-kurub fi akhbar bani Ayyub [The Dissipater of Anxieties in the Report of the Ayyubids], Ed. Jamāl Dīn al-Shayyāl, Publisher: Ihya al-Turath al-Qadim, vol. III, Cairo, 1957

18. Izz al-Din Ibn Shaddad, Al-Alaq al-Khatira fi thikr umara al-Sham wa-l-Jazira [Dangerous comments on the princes of Sham and Jazira], v. 1.2, ed. by Y. Z. Abbara, Dimashq, 1991.

19. Kamal ad-Din Ibn al-Adim, *Zubdat al-halab min tarikh Halab* [The cream of the History of Aleppo], Ed. Sami ad-Dahhan, French Institute in Damascus, vol. III, Damascus, 1968.

20. Moutafian Cl., *L'Arménie du Levant (XIe –XIVe siècle)*, tome 1, Paris, Les Belles Lettres, 2012.

21. Shukurov R., *The Image of Cilician Armenia in Anatolian Muslim Sources*, in: *Cilician Armenia in the Perceptions of Adjacent Political Entities (Historical-Philological Essays)*, ed. A. Bozoyan, V. Ter-Ghevondian, R. Shukurov, G. Danielyan, Yerevan, 2019.

22. Sibṭ ibn al-Jawzī, *Mīrāt az-zaman fī tarīkh al-ayan* [Mirror of time in histories of the notables], v.VIII, ed. (with introduction) by J. R. Jewett, The University of Chicago, 1907.

23. Ter-Ghevondian V., *The Rubenids in Arab Historiography*, in: *Cilician Armenia in the Perceptions of Adjacent Political Entities (Historical-Philological Essays)*, ed. A. Bozoyan, V. Ter-Ghevondian, R. Shukurov, G. Danielyan, Yerevan, 2019.

24. *The Chronography of Bar Hebraeus Gregory Abu-I Faraj 1225-1286*, Second Edition, trans. by E.W. Budge. London-Amsterdam: Apa-Philo Press, 1976.

Давид Ованнисян¹

к.ф.н., профессор,
директор Центра цивилизационных и
культурных исследований ЕГУ

К ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ «ЗНАМЕНИ» В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.037

В XX в., на фоне подъема исламского радикализма, несколько исламистских организаций стали использовать флаг как символ своих целей и идей. Это обстоятельство вызвало интерес как среди исламских ученых и мусульман, так и среди западных исследователей. Чтобы понять значительное символическое значение, приписываемое флагу, необходимо определить, какую роль флаг играл в ранний исламский период. Цель статьи – проанализировать значение, смыслы и применение символа флага в ранний исламский период, а также то, как эти смыслы и функции менялись с течением времени под влиянием исторических обстоятельств. При жизни пророка Мухаммада флаг в умме выполнял только военную функцию. Только после его смерти, и особенно в последние годы правления династии Омейядов, он приобрел значение религиозного символа и трансформировался в идеологический.

Ключевые слова: знамя, ранний ислам, смысл, черное знамя, Абассиды, ИГИЛ

Прежде чем перейти к основной теме данной статьи – анализу значения и логики изменений смысла использования знамени и флага в раннеисламский период, мы считаем необходимым объяснить выбор данной темы.

Дело в том, что интерес к проблеме истории использования знамен и флагов проявился во второй четверти прошлого века, когда под

¹ Эл.почта: dhovhanissyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-5015-9496.

влиянием исламской революции в Иране и ввода советских войск в Афганистан резко активизировались фундаменталистские направления ислама. На основе мифологем, возникших еще в период мединской уммы и праведных халифов, были сгенерированы соответствующие времени идеологемы, нашедшие свое отражение в ритуалах и символах, относительно которых последовательно насаждалось мнение, что все они соответствуют идеальному исламу периода руководимой Аллахом и пророком уммы.

Использование религиозных символов приобрело особую интенсивность с провозглашением возрожденного халифата во главе с халифом с говорящим именем Абу Бакр Ибрахим ал-Багдади, указывающим на прямую, согласно авторам идеи, связь происходящих в XXI в. событий как с эпохой первого халифа Абу Бакра (632-634), так и с Аббасидским халифатом со столицей в Багдаде. Имя Ибрахим же отсылает к архетипным представлениям, связано с мифом о сооружении Каабы «отцом арабов» пророком Ибрахимом.

К числу таких весьма широко и эффективно используемых религиозных символов относится черный флаг с надписью (*la ilahi illa-l-lah wa Muhammadu rasul Allah*), тиражирование изображений которого в самых различных ситуациях и контекстах (казнь заложников на фоне развернутого знамени, развевающийся над машинами, бронетранспортерами и мотоциклами черный флаг и пр.) вызвало множество обсуждений и споров.

Споры среди верующих мусульман относительно черного флага были, в основном, связаны с вопросом, был ли у пророка Мухаммада черный флаг или нет. В частности, широкая дискуссия вокруг этой проблемы развернулась на довольно авторитетном и в то же время салафитском сайте *asar-forum.com*, где было приведено мнение известного мусульманского ученого шейха ал-Албани: «Я скажу тебе кое-что в общем, посредством чего ты, возможно, избавишься от вопросов о множестве хадисов, в которых упоминаются черные флаги. И это кое-что – мои слова: все хадисы, в которых упоминаются черные флаги, – ничто

из них не является достоверным. А что основано на несостоятельном, то – несостоятельно. Таким образом, я избавил тебя от ряда вопросов , вся хвала Аллаху».²

Этому же вопросу посвящена работа М. Бахари и М. Ханиф Хассана «The Black Flag Myth: An Analysis from Hadith Studies».³ Авторы отмечают, что «черный флаг нигде в Коране не упоминается. Там нет даже ни одного намека на использование черного флага в целях пропаганды – считать его святым или священным (holy or sacred)».⁴

Использование религиозной символики и, в частности, черного флага привлекло внимание также европейских и американских арабистов и исламоведов. Отметим лишь некоторые из множества работ, посвященных этому вопросу. М.С. Баконина в своей статье⁵, посвященной исследованию существующих в современном арабском мире знамен и отношению халифата к ним, отмечает: «Наряду с прославлением собственного знамени, одним из центральных пунктов пропаганды «Исламского Государства» (ИГ) является делегитимация символики противников и оппонентов. Подчеркивается антиисламская сущность символики на флагах и гербах практически всех мусульманских государств, называемых в ИГ отступившими от единобожия». Она подчеркивает, что пропагандисты ИГ на страницах своих изданий и в своих публичных выступлениях заявляют, что единственно истинным и легитимным знаменем, объединяющим всех верующих мусульман, является их знамя, унаследованное от пророка.⁶

² Шейх Аль-Альбани: Все хадисы о черных флагах недостоверны, <https://www.youtube.com/watch?v=HjICngf0-90>. (дата обращения 11.05.2024) Примеров подобных дискуссий, особенно в период провозглашения и деятельности халифата, можно привести очень много.

³ Bahari M., Haniff Hassan M., The Black Flag Myth: An Analysis from Hadith Studies, Counter Terrorist Trends and Analysis, 6 (8), September 2014, pp. 15-20.

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Баконина М., Стяги халифата: генезис современной исламской символики, знамя исламского государства и критика традиционных знамен и эмблем мусульманских стран как инструмент пропаганды. <https://jx.ax/6Fp>. (дата обращения 19.05.2024)

⁶ Там же.

Примерно по той же логике данный вопрос рассматривается А. Яковлевым.⁷

Очень интересна работа, выполненная майором Полом Эйтчисоном⁸, в которой автор представляет результаты проведенного им сопоставительного анализа использования религиозной символики, а, в частности, знамен, как информационного сопровождения военных действий во время завоевания Англии норманнами в XI в. и ИГ в XXI в. Главный вывод заключается в следующем: Папа Александр II прислал Вильгельму, будущему Завоевателю, знамя с изображением атрибутики Св. Петра и кольцо с его волосами, тем самым подтвердив легитимность его притязаний на престол Англии; черное знамя пророка с надписью на нем также является свидетельством легитимности возрожденного халифата. Предъявление этих знамен миру как в II в., так и в XXI в. должно было заявить о законности притязаний кандидатов в короли и халифы.

Практически все радикальные организации пытались так или иначе обосновать законность своих целей, связывая используемую ими символику, в частности, на знамени, с наследием Пророка. Так, например, в январе 2007 г. «Исламское государство Ирак, предтеча современного халифата, выпустило в свет документ «О законности флага в исламе», в котором дало описание своего собственного флага и информацию о его символике. Учредители ИГИ объясняют, что текст на знамени: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Посланник Аллаха», – это слова на знамени Пророка, которое несли в бой в те славные времена благочестивые предки и завещали его своим последователям».⁹

Среди множества работ, посвященных рассматриваемому нами вопросу, следует отметить также монографию Уильяма Маккантиса, в

⁷ Яковлев А., Доклад об арабских подписях на знаменах и о значении их в глазах мусульман, Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина, Семинар, 17.04.2013, Санкт-Петербург, 2013, с. 7-35.

⁸ Maj P., Aitchison M., Banners and Signs: the Use of Religious Symbolism in Combat Operations-School of Advanced Military Studies, US Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth, Kansas. 2019.

⁹ Баконина М., Указ. соч., с. 11.

которой довольно обстоятельно представлены пропагандистская деятельность ИГ и использование в ней религиозной символики.¹⁰

Подчеркиваемый исследователями смысл используемого знамени – подтверждение и закрепление легитимности – вызывает, с нашей точки зрения, правомочный вопрос: каким было первоначальное значение¹¹ знамени и как в истории появлялись новые смыслы его использования? Знамя как знак, которому присуще конкретно обозначенное определенное значение, по мере развития человеческого общества и наделения этого знака различными функциями, приобретало различные смыслы. Один из основателей семиотики Ч.У. Моррис выделял три функции знака:

1. Репрезентативная функция (знак представляет объект);
2. Экспрессивная (знак организывает восприятие, передает эмоционально-оценочную характеристику означаемого объекта);
3. Прагматическая (знак способен организовать действия, связанные с обозначаемым объектом).¹²

При рассмотрении дошедших до нас соответствующих текстов средневековых арабо-мусульманских авторов, как будет показано ниже, в различных случаях использования знамени реализуются определенные функции, присущие этому знаку, вследствие чего значение в конкретной ситуации наделяется точным конкретным смыслом.

В историческом аспекте, по всей видимости, с древнейших времен знамена использовали охотники и воины, чтобы обозначить свою причастность к той или иной группе людей. Кроме вышеназванной функции принадлежности, знамена имели также функцию различения по принципу «свой-чужой».

¹⁰ McCantis W., *The ISIS Apocalypse: The History, Strategy and Doomsday Vision of the Islamic State*, New-York, 2016.

¹¹ «Значение» – это семиотический термин, а не имя в языке, на котором говорят о вещах; сказать, что в природе существуют значения, вовсе не значит утверждать, что имеется класс сущностей наравне с деревьями, скалами, организмами, а значит только, что такие объекты и свойства функционируют в рамках процесса семиозиса. См. Моррис Ч., *Основания теории знаков*, Москва, 2001, с. 86.

¹² См. Morris Ch.W., *Writings on the General Theory of Signs*, The Hague: Mouton, 1971, pp. 409-411.

Эти знаки/флаги были очень примитивными, но форма появилась уже тогда: к шесту привязывали шкуры животных, птичьи перья. Украшать верхушку шеста могли также глиняными фигурками животных, птиц, богов, что, очевидно, свидетельствует, кроме указания на принадлежность, еще об одном смысле – тотемном, и это часто увязывалось с функцией почитания предков. Иначе говоря, эти знаки имели еще один смысл – духовный.

Очень скоро флаги, знамена, знаки приобретают еще одну функцию – управления. Так они использовались в армиях древнего Египта, Александра Македонского, Ахеменидской и Римской империй¹³, указывая место расположения командира или же направление движения войска, в случае, если «знаменосец», наклонял знак/флаг в ту или иную сторону.

Интересна эволюция воинских знаков в древнеримских легионах. Как отмечает А.М. Кузнецов, «первоначально символом пехоты и конницы служил пучок сена, привязанный к наконечнику копья, затем был в виде человеческой кисти, а в период поздней Римской республики знаком легиона стал римский одноглавый золотой или серебряный орел (аквила), закрепленный на вершине древка».¹⁴ В последний период именно орел (аквила) легиона приобретает еще один смысл – он олицетворяет, дух, мужество, воинскую славу и достоинство данного воинского соединения. Его несет особо отличившийся легионер – аквилifer, получающий двойное жалование. Утеря орла считалась тягчайшим военным преступлением. Подразделение, лишившееся своего орла, распускалось, а его имя покрывалось позором.

Очевидно, что в отмеченный выше более ранний период знаки – пучок сена и кисть руки – имели репрезентативную и прагматическую функции, а возникший позднее римский орел – также и экспрессивную.

¹³ См., например, Smith W., *Flags Through the Ages and Across the World*, New-York, 2017; Nadler B., *Where Do Flags Come From? The Atlantic*, 2019.

¹⁴ Кузнецов А., *Воинский этикет в армии Древнего Рима*. <https://cyberleninka.ru/article/n/voinskiy-etiket-v-armii-drevnego-rima/viewer>. (дата обращения 11.05.2024).

* * *

В доисламский и раннеисламский периоды арабы использовали для обозначения знамен, флагов, флажков несколько терминов (имен): *liva'*, *raya*, *'alam*.

Корень *la-ua-ya* имеет следующие значения: 'скручивать', 'свертывать', 'сгибать', 'искривлять', 'вывертывать' (словарь Х.К. Баранова). Арабские и английские толковые словари приводят также следующие значения: 'выжимать, скручивая, как это делают женщины после стирки', 'быть кривым, извиваться'. Вероятно, первоначальное значение слова «*liva'*» было связано именно с действием по сложению знамени для передачи ему определенной формы и никакого иного смысла не несло, реализуя репрезентативную функцию. Возможно, в этот же период термин «*liva'*» приобретает еще один смысл – «развевающийся», если принимать во внимание соответствующее толкование из «Лисан ал-араб».¹⁵

Корень *ra-a'-ya* не преподносит нам ничего неожиданного, т.к. имеет полностью подходящее к исследуемому понятию первое и основное значение – «видеть». Таким образом, термин «*rayatun*» означает «видимый», т.е. выполняет функцию указывания (репрезентативную).

Корень *'a-la-ma* означает 'знать', 'быть сведущим', 'понимать'. Слово «*'alamun*» в рассматриваемый период, очевидно, означало не знамя или флаг, а имело единственное значение – «знак» (функция – репрезентативная).

К сожалению, мы практически ничего не знаем об использовании знамен в доисламский период арабской истории. До нас благодаря сочинениям арабо-мусульманских авторов (начиная со второй половины VIII в.) дошли лишь разрозненные полулегендарные свидетельства.

Как отмечает в своей опубликованной в 1930 г., но отнюдь не устаревшей сегодня работе М.М. Гирс, «арабы, вероятно в подражание персам, очень рано начали употреблять знамя, как эмблему или символ войны. Первые достоверные сведения восходят к V в. нашей эры, когда

¹⁵ لسان العرب - ابن منظور - ج ١٥ - الصفحة ٢٦٦ <https://ft.ax/b8J>

власть в Мекке перешла к курейшитам в лице Кусая (предка Мухаммеда в пятом колене), который сосредоточил в своих руках права охраны храма, обслуживания паломников, председательствования в совете и поднятия знамени – *liva'*. В «доме совета» Кусай сам привязывал к копыю кусок белой ткани и передавал это знамя лично или через одного из своих сыновей назначенному им предводителю отправляющегося в поход отряда. Эта церемония называлась «'акд-ал-лива» и соблюдалась с того времени вплоть до самого падения арабского владычества». ¹⁶ По всей видимости, именно с этого времени можно говорить о *liva'* как о знамени, имеющем определенную военную функцию (прагматическую в добавок к уже имевшейся репрезентативной) и как о несущем именно этот смысл.

В том же «доме совета», в здании, имевшем общегородское значение, но принадлежавшем абд ад-дарр, которые обладали почетным правом быть знаменосцами, на постоянном хранении находилось и *liva'*. ¹⁷

Имеются также упоминания, которые, однако, по различным причинам не внушают доверия, о разноцветных флагах и знаменах, принадлежавших различным племенам.

М.М. Гирс, ссылаясь на различные источники (например, на И.Ю. Крачковского или известного немецкого ориенталиста Г. Якобса), пишет, что в доисламский период флаг (*liva'*) указывал на дома проституток, а также вывешивался над винными лавками в знак наличия в них товара. ¹⁸

Как видим, во всех случаях речь идет об указании на принадлежность к определенному месту, племени, занятию.

С началом проповедования новой религии с постепенно усиливающимся осознанием новой системы ценностей возникает принципиальный вопрос о том, какая связь важнее, первичнее – кровная или религиозная. Господь устами пророка Мухаммада (согласно вере мусульман) дает на это однозначный ответ, вводя понятие «уммы», общины, ведо-

¹⁶ Гирс М., К вопросу об арабских знаменах, Записки коллегии востоковедов при азиатском Музее СССР, 5, Ленинград, 1930, с. 345.

¹⁷ См. Большаков О., История халифата, 1, Москва, 1989, с. 55.

¹⁸ Там же, с. 346.

мой Аллахом, в которую входят все уверовавшие вне зависимости, к какой расе, этносу или племени они принадлежат. В 49-ой суре «Комнаты» в 13-ом аяте сказано:

وَأَنْتَیْ ذَکَرِیْ مِّنْ خَلْقِنَاکُمْ إِنَّا الْنَّاسُ أُنْثَیْهَا یَا
عِنْدَ مَکْمُکُمْ أَکْزَرَ إِنَّ ۚ فُؤَادِنَا ۚ وَفَبَائِلَ شُعُوبًا وَجَعَلْنَاکُمْ
أَتْقَاکُمْ اللّٰهُ

«О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый достопочтенный перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный».

В 3-ей суре «Семейство Имрана» в 103 аяте сказано:

نِعْمَتْ وَادْکُرُوا ۚ تَفَرَّقُوا وَلَا جَمِیْعًا اللّٰهُ یَجْبِلُ وَاعْتَصِمُوا
فَأَصْبَحْتُمْ قُلُوبِکُمْ بَیْنَ فَأَلْفَ أَعْدَاءٍ کُنْتُمْ إِذْ عَلَیْکُمُ اللّٰهُ
النَّارِ مِّنْ حُفْرَةٍ شَفَا عَلَی وَکُنْتُمْ إِخْوَانًا بِنِعْمَتِهِ
لَعَلَّکُمْ آیَاتِهِ لَکُمُ اللّٰهُ یُبَیِّنُ کَذٰلِکَ ۚ مِنْهَا فَأَنْقَذَکُمْ
تَهْتَدُونَ

«Держитесь все вместе за (связующую) вервь Аллаха, и не разделяйтесь, и помните милость, (оказанную) вам, когда вы были врагами, а он сблизил ваши сердца и вы стали по его милости братьями. Вы были на краю пылающего Рва, а он вас спас оттуда, – так вам Аллах Свои знамения толкует, – может быть, вы пойдете по верному пути».

Принадлежность к умме, по сути, является единственной определяющей статус человека связью. Причем, важно отметить, что имеется в виду не только социальный статус.

Естественно, связь по крови, асабийя, не исчезает с возникновением новой связи через веру в единого бога, но она постепенно отходит на задний план, становится вторичной.

Поскольку целью данной статьи не является источниковедческое или сравнительно-историческое исследование текстов средневековых источников, передающих сведения (хабары, асары или хадисы) о том

или ином событии, в котором упоминаются термины, обозначающие знамя, мы не будем подробно рассматривать все эти случаи. Следует также отметить, что подобные исследования, особенно в связи с активизацией фундаменталистских и радикальных исламистских движений, использующих в своей пропаганде религиозные символы и атрибуты, проводились многими авторами, в том числе, и теми исследователями, которые уже упоминались выше.¹⁹

Опираясь на результаты этих исследований, можно прийти к выводу, что мнение, высказанное М.М. Гирсом много лет назад, остается справедливым и сегодня. Он пишет: «...у арабов до Мухаммеда и при жизни пророка знамя не имело того государственного и культового значения, которым оно пользовалось в то время у некоторых других народов, и употреблялось как эмблема и символ войны или, еще вероятнее, лишь как знак войскового объединения и командования. При племенном быте арабов, слабо развитой городской жизни и лишь зарождающейся государственности, с одной стороны, и при отрицательном отношении Мухаммеда ко всякому символизму: материальному и графическому, с другой, становится понятным, что постоянного, официального знамени у него никогда не было и в каждом отдельном случае, посылая в поход отряд или целое войско, пророк привязывал к копыю начальника отряда, как это сформулировано в Китаб ал-харадж, кусок какой-либо бывшей под рукой ткани, обычно сложенную особым образом чалму или более крупное полотнище вроде плаща, шали, покрывала и т.д. (бурд, мирт, намира или тай ласан)».²⁰

С точки зрения заявленной нами цели данной статьи намного важнее рассмотрение тех текстов, которые дают возможность проследить логику развития значения знака через расширение его функций и увеличение количества смыслов.

Конечно, значительно чаще, чем во времена джахилии, упоминаются термины, обозначающие знамя, в мединский период, когда

¹⁹ Естественно, не учитываются те любительские тексты, которые преследуют пропагандистские цели.

²⁰ Гирс М., Указ. соч., с. 352.

пророк Мухаммад вручает знамя того или иного цвета (черного или белого) тому или иному из мухаджиров или ансаров, отправляя его в поход во главе отряда. Очевидно, что во всех этих случаях проявляется прагматическая функция (знак способен организовать действия, связанные с обозначаемым объектом) и нет практически никаких упоминаний о каких-либо событиях, в которых знамя используется как нечто духовно или эмоционально мотивирующее, наполняющее энергией, направляющее на определенное, актуальное действие или поступок.

Очевидно, что новая ценность – духовная связь всех верующих мусульман, декларируемая, в том числе, и через принадлежность к умме Аллаха и пророка его Мухаммада, должна была проявиться и через использование символов и атрибутов, в частности, знамен, однако, по всей видимости, именно при жизни Мухаммада этого не происходило. Таухид, единобожие, без всяческих возможных отклонений сформировали полное отрицание пророком любых символов, любых попыток в той или иной форме зримо или осязательно воплотить идею поклонения.

Исходя из темы данной статьи, интересно рассмотреть именно те тексты, которые дают возможность проследить логику развития значения знака путем расширения функций и увеличения количества его смыслов. Мы выделили несколько сообщений, в одном из которых говорится о битве при Ухуде, случившейся на 3-м году хиджры (625 г.): «Абу Суфьян, обращаясь к хранителям знамени из рода Абд ад-Дар и поощряя их к войне, сказал: «О Бану Абд ад-Дар! Вы держали наше знамя в битве при Бадре, и вы знаете, что с нами случилось. Люди следуют за своим знаменем. Если не будет знамени, то и людей не станет. Или вы будете защищать наше знамя, или мы освободим вас от этой обязанности». Они рассердились, чуть не нападали на него, угрожая: «Мы разве отдадим наше знамя? Ты завтра увидишь, как мы будем поступать, когда столкнемся!» Абу Суфьян этого и хотел».

Предводитель мекканцев Абу Суфьян, говоря о битве при Бадре, намекал на то обстоятельство, что знаменосец курейшитов Абу Азиз ибн ал-Умайр попал в плен, т.е. не смог защитить знамя, а «люди следуют за своим знаменем». Вероятно, эти слова Абу Суфьяна можно трактовать в

том смысле, что знамя уже воспринималось как реликвия, хотя точный смысл этих слов не выходит за рамки чисто военной функции знамени – указание направления движения.

Следующий текст связан с осадой Хайбара в 629 г.: «Пророк послал Абу Бакра ас-Сиддика со своим знаменем (*rayatun* – Д.О.) – оно было белым, как передал Ибн Хишам – на захват одной из крепостей Хайбара. Он сражался, выбился из сил и вернулся, не добившись победы. Пророк сказал: «Завтра я вручу знамя человеку, который любит Аллаха и его Посланника – Аллах даст ему победу, и он не побежит». <...> Пророк позвал Али, а у того болели глаза. Пророк поплевал ему в глаза и сказал: «Возьми это знамя и иди с ним, пока не победишь!» Али взял знамя и, нагибаясь под его тяжестью, побежал».

В этом хабаре уже довольно четко прослеживается зависимость – одержать победу можно только при искренней вере в Аллаха и его Посланника, которой отличался Али ибн Абу Талиб. Значение знамени приобретает новый смысл: благодаря своей любви к Аллаху и его Пророку и своей вере Али, взяв знамя, даже будучи больным и ослабевшим, одержал победу там, где даже ближайший сподвижник Мухаммада Абу Бакр, также со знаменем в руках, потерпел поражение. Знамя наделяет силой только искренне верующих и не испытывающих никаких сомнений. Таким образом, генерируется еще один смысл – сакрализация знамени.

Важно подчеркнуть, что победа была дарована Али, который любит Аллаха и его Пророка, а не Али, которого любят Аллах и его Пророк. Именно любовь к Всевышнему позволяет возвыситься, перешагнуть через себя (больной и ослабевший, но смог победить). Иначе говоря, победа не была дарована, а была заслужена.

М. Гирс указывает, что, посылая войско к Хайбару, Мухаммед, впервые «вместо обычных белых *лив* рóздал своим военачальникам *райа*. Личное знамя пророка *ar-rayat an-nabi* было черного цвета и полотнищем ему служил плащ 'Аиши; называлось оно ал-'укаб (орел) и

вручил его пророк 'Али ибн Абу Талибу, а два других знамени (райа) – Хубабу ибн Мундиру и Са'ду ибн 'Убаде».²¹

От сподвижника и двоюродного брата пророка Абдаллаха ибн ал-Аббаса (ум. 689 г.), известного пересказчика хадисов и комментатора Корана, со ссылкой на сборник хадисов ат-Тирмизи (ум. в 892 г.) передается сообщение о том, что на флаге пророка была написана шахада. Именно этим хадисом различные исламистские организации пытаются легитимизировать свой черный флаг с шахадой на нем.

Как было показано выше, у пророка не было какого-то особенного флага, который мог бы быть представлен как «знамя пророка».

Оставим в стороне также тот факт, что многими авторитетными как средневековыми, так и современными мусульманскими учеными иснад этого хадиса был признан слабым.

Отношение арабов к письменному слову в начале VII в. было неопределенным, поскольку лишь очень немногие из них были грамотными. В самой мединской умме, по свидетельству многих средневековых ученых, грамоту постигли лишь 12 мужчин и 5 женщин. Сам пророк был неграмотным. Система письменной передачи информации внутри племен или уммы отсутствовала вследствие невостребованности и избыточности.

В то же время отношение к устному слову можно охарактеризовать как сакральное. Неотделимость имени от предмета, действия или явления, очевидная при анализе доисламских и раннеисламских текстов, превращает сказанное слово в мощный инструмент воздействия. Огромный авторитет, которым пользовались в обществе шаиры, рабии, пересказчики хабаров свидетельствует о востребованности устной системы передачи информации, как обеспечивающей достоверность передаваемых сообщений и сохранение преданий, необходимых традиционному обществу для воссоздания себя в следующих поколениях без утери унаследованного опыта и мудрости почитаемых предков. Интересен, например, тот факт, что знаменитых поэтов аз-Зухайра и его сына К'аба

²¹ Там же, с. 349.

критиковали за то, что они записывали свои стихи и письменно вносили исправления в них.

Однако вернемся к проблеме нарастания смыслов вокруг значения знамени, поскольку анализ этого процесса позволит выявить тот момент, когда основной функцией знака становится экспрессивная, в контексте исследуемой нами проблемы – идеологическая функция.

Следует отметить, что в период правления праведных халифов особых изменений в отношении функций знамени не происходит. Исследователи, анализируя военные действия эпохи завоеваний, отмечают, что участвующие в походах племена несли свои собственные знамена. В своем исследовании, посвященном сражению при Ярмуке (636 г.), известный британский военный историк Д. Никол отмечает интересную деталь. Он пишет: «...Абу Бекр приказал командирам в Сирии выдать особые знамена каждому подразделению. Например, отборный отряд мухаджирунов (Muhajirun) использовал в бою не свое родовое знамя, а желтый флаг с белыми, зелеными и черными знаками».²²

Можно предположить, что наделение отряда ближайших сподвижников пророка особым знаменем произошло по двум причинам: во-первых, тем самым подчеркивалась их особая роль и значение, во-вторых, что мухаджиры, в первую очередь, не курейшиты, а члены уммы. Таким образом, история с выделением отряду мухаджиров особого знамени, вероятно, свидетельствует о том, что знак приобретает, возможно, не вполне выраженную, но тем не менее экспрессивную функцию.

Омейядские халифы, период пребывания которых у власти ассоциируется с приверженностью к чисто арабскому наследию и стремлению сохранить в быстро растущем и превращающемся в мультиконфессиональное и полиэтническое образование халифате присущую

²² Nicolle D., Yarmuk Ad 636, The Muslim Conquest of Syria, 2005, Westport, p.61. Относительно зеленых, черных и белых флагов можно высказать предположение, что белый цвет был любимым цветом пророка, черный – цвет Каабы, а зеленый цвет неоднократно упоминается в Коране как символ райских садов (см. например, сура 76:20-21). Впрочем, возможно, что знаки зеленого цвета присутствовали на флаге мухаджиров как напоминание о том, что они из Бану Курайш.

именно арабскому культурно-историческому сознанию ценностную основу, использовали зеленые знамена своих предков.

К концу их правления относится появление хадиса о черных флагах из Хорасана.

بِإِيلِيَاءَ تُنْصَبَ حَتَّى شَيْءٍ يَرُدُّهَا لَا وَدُسَّ زَايَاتُ خُرَاسَانَ مِنْ يَخْرُجُ

*«Выйдут из Хорасана чёрные знамёна и ничто не сможет их остановить, пока они не будут водружены в Илийи».*²³ Различными средневековыми и современными авторитетными учеными этот хадис был признан «очень слабым», недостоверным.

В энциклопедии хадисов приводится также следующая версия хадиса: «Сообщается, что Пророк (мир ему и благословение Аллаха) сказал:

*«Когда увидите чёрные флаги со стороны Хурасана, идите на них, поскольку Халиф Аллаха Махди будет среди них».*²⁴

Последние омейядские халифы пытались в постоянных войнах удерживать свою власть над халифатом. Во все время тлеющей, но нередко разгорающейся борьбы между кайситами и калбитами, расшатывающей устои государства, прибавилась подогреваемая весьма умело разработанной пропагандой Аббасидов нестабильная ситуация на востоке. Сидящие в Дамаске халифы, благодаря деятельности потомков Али ибн Абу Талиба и Аббаса, а также проповедников различных религиозных

²³ «Выйдут из Хорасана чёрные знамёна ...», <https://hadis.uk/xadis-vyjdut-iz-xorasana-chyornye-znamyona/25130/> (дата обращения 15.05.2024).

²⁴ Хадисы о Махди, <https://hadis.uk/xadisy-o-mahdi/20668/>. (дата обращения 11.04.2024), Там же приводятся оценочные суждения алимов: «Этот хадис передали Ахмад (5/277), Ибн Маджах (4084), аль-Хаким (4/463-464). Он передается от Ибн Мас'уда и Саубана. Шейх аль-Албани назвал хадис отвергаемым (мункар). См. «ас-Сильсия ад-да'ифа ва-ль-мауду'а» (85), «Да'иф аль-Джами' ас-саг'ир» (506), «Тахридж Мишкатуль-масабих» (5389). Шу'айб аль-Арнаут сказал: «Его иснад является слабым». Слабым этот хадис называли также аз-Захаби, Ибн аль-Къаййим, аль-Мубаракафури и др. См. «Мизан аль-и'тидаль» (3/284), «аль-Манар аль-муниф» (115), «Тухфатуль-ахвази» (6/140). В некоторых версиях этого хадиса сказано: «... идите на них, даже если вам придется для этого ползти по снегу». В некоторых отсутствуют слова «Халиф Аллаха» и «Хурасан». Со словами «Халиф Аллаха» хадис не имеет ни одного подтвержденного пути, и они являются отвергаемыми, как об этом сказал имам аз-Захаби. Более того, такие слова противоречат шариату, как это пояснил в своих фатавах (2/461) шейхуль-Ислам Ибн Таймиййа».

течений, признавались узурпаторами, законность их прав на лидерство в Халифате оспаривались. В условиях нараставшего недовольства не сумевшими обеспечить стабильность, безопасность и экономическое процветание омейядами, социальная база их власти сужалась. Их поддерживала лишь незначительная часть арабской знати, связанная материальными интересами с правящей династией, а военной опорой для них были лишь североаравийские кайситские племена.

Естественно, чем хуже становилась жизнь, тем громче раздавались голоса проповедников и пропагандистов, призывавших к возврату к истинному исламу времен уммы пророка Мухаммада, руководимой Аллахом. Эти настроения охватили широкие массы мусульман, были поддержаны образованной элитой и явились главным духовным стимулом последующих событий.

Аббасиды не имели больше оснований претендовать на пост халифа ни по причине особых заслуг перед исламом основателя рода, ни вследствие родственной близости к семье Пророка, чем у любого Алида. Как отмечает И.М. Фильштинский, в борьбе за халифский престол Аббасиды попытались подкрепить свои претензии ссылкой на завещание, якобы оставленное одним из Алидов Абу Хашимом, передавшим потомку аль-Аббаса – Мухаммаду ибн Али – харизматическую власть. «Еще при омейядском халифе Абд аль-Малике наместник Куфы некий аль-Мухтар создал теорию, согласно которой один из сыновей Али (не от Фатимы, дочери Пророка, а от женщины из племени ханиф) по имени Мухаммад ибн аль-Ханафия (637-700 гг.) объявлялся мессией (махди), а себя аль-Мухтар объявил его везиром, исполнителем его воли. Крайние шииты (гулат) усвоили учение аль-Мухтара о передаче пророческого огня от Али к его потомкам по линии Мухаммада ибн аль-Ханафии и объединились вокруг его потомков, имамов. Аббасиды решили использовать учение аль-Мухтара в своих интересах. Один из них, отец будущего первого аббасидского халифа Абу-ль-Аббаса, Мухаммед ибн Али, собрав вокруг себя крайних шиитов, развернул широкую антиомейядскую кампанию».²⁵

²⁵ Фильштинский И.М., История арабов и Халифата (750–1517 гг.), Москва, 2001, с. 41.

В конце первой половины VIII в. действия омейядского наместника в Хорасане вызвали у местного населения крайнее недовольство, создав, тем самым, благодатную почву для антиомейядской пропаганды, которой, естественно, воспользовались Аббасиды.

Распространившиеся в умме ожидания Махди, который установит царство Аллаха на земле, совпали с успехом аббасидского восстания в Хорасане под руководством Абу Муслима (ум. в 755 г.), вошедшего в Мерв под черными знаменами с начертанной на них шахадой.

Хадис, в котором говорится о черных знаменах, у сопровождающих Махди воинов, содержит в себе уже совершенно ясно выраженную идеологию.

Этот хадис завершает собой целую цепь увеличений, усложнений смыслов, возникающих у значения знака «знамя». В вышеприведенном тексте хадиса знак приобретает в качестве первичной экспрессивную функцию, т.к. его основная цель – это организация восприятия и передача эмоционально-оценочной характеристики.

Новый же смысл знамени – это быть символом и реликвией для тех сил, которые под руководством посланного Аллахом Махди ведут борьбу против узурпаторов, противящихся божественной воле и власти Аллаха.

Из сказанного выше совершенно ясно, что ИГИЛ, исламский халифат и другие подобные организации не могли не воспользоваться подобной готовой и апробированной идеологией в своих целях.

ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԻՍԼԱՄԱԿԱՆ ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՈՒՄ «ԴՐՈՇԻ» ԻՄԱՍՏԻ ԵՎ ՆՇԱՆԱՎՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՇՈՒՐՋ

Դավիթ Հովհաննիսյան²⁶

20-րդ դարում՝ իսլամական արմատականության աճի ֆոնին, իսլամիստական մի շարք կազմակերպությունների կողմից դրոշմ սկսեց կիրառվել որպես

²⁶ Դավիթ Հովհաննիսյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի արաբագիտության ամբիոնի պրոֆեսոր է, Քաղաքակրթական և մշակութային հետազոտությունների կենտրոնի տնօրեն, թ.գ.թ., էլ. փոստ՝ dhovhanissyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-5015-9496:

իրենց նպատակների և գաղափարների խորհրդանիշ: Այս հանգամանքը հետաքրքրություն է առաջացրել ինչպես իսլամական գիտնականների և մուսուլմանների, այնպես էլ արևմտյան գիտնականների շրջանում: Հասկանալու համար դրոշին վերագրվող խորհրդանշանական մեծ նշանակությունը անհրաժեշտ է պարզել, թե ինչպիսի դեր է խաղացել դրոշը վաղիսլամական շրջանում: Հոդվածի նպատակն է վերլուծել վաղիսլամական շրջանում դրոշ նշանի նշանակությունը, իմաստները, կիրառությունը և ժամանակի ընթացքում պատմական հանգամանքների ազդեցության տակ իմաստների և ֆունկցիաների փոփոխություններ: Դրոշը Մուհամմադ մարգարեի կենդանության օրոք ունեցել է միայն ռազմական ֆունկցիա: Միայն նրա մահվանից հետո և հատկապես Օմայյան հարստության իշխանության վերջին տարիներին այն ձեռք է բերել կրոնական խորհրդանիշի իմաստ և որպես այդպիսին վեր է ածվել իդեոլոգիայի:

Բանալի բաներ՝ Դրոշ, վաղ իսլամ, իմաստ, սև դրոշ, աբբասյաններ, ԻԼԻՊ

ON THE HISTORY OF THE EVOLUTION OF THE MEANING AND SENSE OF THE “BANNER” IN THE EARLY MEDIEVAL ISLAMIC TRADITION

David Hovhannisyan²⁷

During the 20th century, against the backdrop of the rise of Islamic radicalism, several Islamist organizations began to use the flag as a symbol of their goals and ideas. This circumstance has sparked interest among both Islamic scholars and Muslims as well as Western scholars.

To understand the significant symbolic importance attributed to the flag, it is necessary to determine the role the flag played in the early Islamic period. The article aims to analyze the significance, meanings, and applications of the flag symbol in the early Islamic period, and how the meanings and functions have changed over time due to historical circumstances. During the lifetime of the Prophet Muhammad, the flag in the ummah had only a military function. It was only after his death, and particularly during the last years of the Umayyad dynasty's rule, that it acquired the meaning of a religious symbol and transformed into an ideological symbol.

Keywords: Banner, Early Islam, Meaning, Black Flag, Abbasids, ISIS

²⁷ David Hovhannisyan is a professor at the Chair of Arabic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, Head of the Center for Culture and Civilization Studies, E-mail: dhovhanissyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-5015-9496.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Выйдут из Хорасана чёрные знамёна ...», <https://hadis.uk/xadis-vyjdut-iz-horasana-chyornye-znamyona/25130/> (дата обращения 15.05.2024).
2. Баконина М., Стяги халифата: генезис современной исламской символики, знамя исламского государства и критика традиционных знамен и эмблем мусульманских стран как инструмент пропаганды. <https://jx.ax/6Fr>. (дата обращения 19.05.2024).
3. Большаков О., История халифата, т.1, Москва, 1989, с. 55.
4. Гирс М., К вопросу об арабских знаменах, Записки коллегии востоковедов при азиатском Музее СССР, т. 5, Ленинград, 1930, с. 345.
5. Кузнецов А., Воинский этикет в армии Древнего Рима. <https://cyberleninka.ru/article/n/voinskiy-etiket-v-armii-drevnego-rima/viewer>. (дата обращения 11.05.2024).
6. Моррис Ч., Основания теории знаков, Москва, 2001.
7. Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.): М., 2001, с. 41.
8. Хадисы о Махди, <https://hadis.uk/xadisy-o-mahdi/20668/>. (дата обращения 11.04.2024).
9. Шейх Аль-Альбани: Все хадисы о черных флагах недостоверны, <https://www.youtube.com/watch?v=HjICngf0-90>. (дата обращения 11.05.2024).
10. Яковлев А., Доклад об арабских подписях на знаменах и о значении их в глазах мусульман, Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина, Семинар, 17.04.2013, СПб., 2013, с. 7-35.
11. Bahari M., Haniff Hassan M., The Black Flag Myth: An Analysis from Hadith Studies, Counter Terrorist Trends and Analysis, 6 (8), September 2014, pp. 15-20.
12. Maj P., Aitchison M., Banners and Signs: the Use of Religious Symbolism in Combat Operations-School of Advanced Military Studies, US Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth, Kansas. 2019.
13. McCantis W., The ISIS Apocalypse: The History, Strategy and Doomsday Vision of the Islamic State, New-York, 2016.
14. Morris Ch.W., Writings on the General Theory of Signs, The Hague: Mouton, 1971, pp.409-411.
15. Nadler B., Where Do Flags Come From? The Atlantic, 2019.
16. Nicolle D., Yarmuk Ad 636, The Muslim Conquest of Syria, 2005, Westport.
17. Smith W., Flags Through the Ages and Across the World, New-York, 2017
18. <https://ft.ax/b8J۲۶۶> - الصفحة ۱۵ - ج ۱۵ - ابن منظور - اللسان العرب

Gor Gevorgyan¹

PhD, Associate Professor

THE ROLE OF EGYPT IN THE CONTEXT OF SYRIA'S RETURN TO THE "ARAB FAMILY" (2013-2023)

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.056

In 2023, Syria restored its membership in the League of Arab States and returned to the Arab fold. The internal political crisis that started in 2011 and then the long-lasting conflict completely undermined Syria's place and status in the Arab World. Moreover, several Arab countries took an openly hostile stance towards Syria, supporting various extremist groups fighting against Syrian government forces. It was possible to break through the barrier of negation formed around Syria in inter-Arab relations in Egypt because of the position of Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi, who came to power in 2013. The Egyptian president began to support not only Syrian President Bashar Al Assad on several issues but also launched active mediation in the Arab World for the restoration of official Damascus's political rehabilitation. As a positive effect of the efforts of the Egyptian president in mediating with the leaders of a number of Arab countries, in 2023, Syria was able to regain its membership in the League of Arab States. This is a big advance for the official Damascus, which aims to create a qualitatively new environment of political relations in inter-Arab relations with the full involvement of Syria.

Keywords: *Egypt, Syrian Crisis, Abdel Fattah Al-Sisi, League Of Arab States, "Arab Family", Egyptian-Syrian Relations*

Introduction

Multilayered relations between Arab countries are essential for enduring and lasting stability in the Middle East. In this regard, Egyptian-Syrian relations and the dynamics of their development are key and extremely vital.

Egyptian-Syrian relations have traditionally played a key role not only in the peaceful settlement of the Palestinian issue and the Arab-Israeli

¹ E-mail: gorgevorgyan1976@gmail.com, ORCID 0009-0006-2093-5016.

confrontation but also, to some extent, in determining the formation of the security architecture of the Arab World, trying to overcome various problems in inter-Arab relations².

In different periods of the modern history of the Arab countries, the relations between the two countries have gone through periods of hurdles and close cooperation. Regular and stable Egyptian-Syrian ties are indeed essential for transforming the Arab World and region. We can consider them as a two-layered political reality. In some cases, both countries outwardly show intolerance towards each other while maintaining contact and even cooperating on various issues. It is clear that the main focus of the confrontation between the two countries, at least until the Syrian crisis, was the fierce competition for leadership in the Arab World. In order to understand the content of the foundations of Egyptian-Syrian relations, it is necessary to refer to some realities of the recent past. At the same time, it is worth mentioning that the political competition between these two heavyweights in the Arab World often negatively impacts bilateral relations, thus polarizing inter-Arab relations.

Methodology

This research utilizes a qualitative approach, combining historical analysis, case study methodology, and document analysis to examine Egypt's role in Syria's restoration of its membership in the League of Arab States (LAS) in 2023. The study focuses on the diplomatic efforts of Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi and Egypt's mediation within the Arab political arena to promote the rehabilitation of Syria's status.

1. Historical Analysis: The research draws upon the political and diplomatic history of Syria's relations with Arab countries from 2011 onwards, providing context for understanding how the internal conflict in Syria impacted its relations with neighboring Arab states. The analysis tracks

² Van de Gronden J., Egyptian-Syrian Relations after the Declaration of the Establishment of the State of Israel: Alliance, Union, rivalry?, November 14, 2022, <https://omerjournal.com/2022/11/14/egyptian-syrian-relations-after-the-declaration-of-establishment-of-the-state-of-israel-alliance-union-rivalry/> (дата обращения 15.06.2024).

key milestones in the Syrian crisis, Arab reactions, and the resulting shifts in regional diplomacy.

2. Case Study of Egyptian Mediation: The article conducts an in-depth examination of Egypt's mediation efforts, focusing specifically on the role of President Abdel Fattah al-Sisi from 2013 to 2023. It explores Egypt's policies and its diplomatic strategy, highlighting the steps taken to support Syria and to influence other Arab countries to adopt a more conciliatory stance.

3. Document Analysis: Primary and secondary sources, including official statements from Arab League meetings, speeches by Egyptian and Syrian officials, and diplomatic correspondences, are analyzed. Reports from international organizations, news outlets, and research institutions are also included to trace the narrative and timeline of Syria's reinstatement in the LAS.

4. Interviews and Secondary Sources: Although direct interviews with policymakers were not conducted, the research includes a review of interviews, speeches, and statements made by key political figures in the media and official reports. Furthermore, academic articles, books, and research papers related to the Syrian crisis and Egypt's foreign policy have been integrated to support the analysis.

5. Theoretical Framework: The research is framed within the context of international relations theories, particularly Realism, which explains the strategic motivations behind Egypt's mediation efforts. This approach helps in understanding how Egypt leveraged its geopolitical position to facilitate Syria's return to the LAS as a part of broader Arab political dynamics. This methodological framework ensures a comprehensive analysis of how Egypt's diplomacy influenced the reconciliation process between Syria and the broader Arab world, leading to Syria's eventual restoration of its membership in the League of Arab States.

From cooperation to confrontation

A period of Egyptian-Syrian rapprochement and close cooperation may be considered, perhaps the period from 1952 to 1967, when the strategic partnership between the two countries was a dominant force in the Arab World and, in some cases, also in the macro-region. The logical reflection of

the Egyptian-Syrian rapprochement led to the formation of the United Arab Republic, which was led by the participation of two states in 1958. The unification of the two states had grown into an influential factor not only in inter-Arab relations but also in international relations. Moreover, Cairo and Damascus took a robust and united position on various regional issues. A period of deterioration of Egyptian-Syrian relations began in 1967 with the Arab-Israeli war and, in particular, in 1973 with the "Yom Kippur or Doomsday" wars. Like any political-military cooperation, the Egyptian-Syrian alliance also had its so-called "red line," which was the issue of reconciliation with Israel³.

The crisis in Egyptian-Syrian relations began in 1978 and even more deteriorated in 1979 after the signing of the Egyptian-Israeli peace treaty, as a result of which Egypt found itself in "political isolation" in the Arab World for a long time. The Egyptian-Syrian political conflict mainly revolved around the creation of a peace agenda between Israel and the Arabs, for which the official Damascus had an exclusively radical rejectionist position. Moreover, in the Arab World, Syria began to lead the political process of "isolating" Egypt, which lasted with some interruptions from 1979 to 1989. A new phase of the Egyptian-Syrian "rapprochement" and restoration of the influence and image of official Cairo in the Arab World began with the proposal of a new concept of Arab policy by Egyptian President Hosni Mubarak. Mubarak launched step-by-step diversification of Egypt's foreign policy, in parallel reshaping the main patterns of Anwar Sadat's policy in the Arab World. Within the framework of Mubarak's Arab policy, Cairo's position on the Israeli "Peace for Galilee" military operation in 1982 was vital in the context of settling relations with Syria. Aiming to demonstrate Egypt's determination to support the Arabs, Mubarak not only condemned Israeli military operations in southern Lebanon but also threatened to freeze Egyptian-Israeli relations, questioning the need for an Egyptian-Israeli peace treaty. Aiming to demonstrate Egypt's steadfast support for the Arabs, Mubarak not

³ Մանրամասն տես՝ Rabinovich I., Israel's 1973 October War: A 50-year Perspective, October 3, 2023, <https://www.brookings.edu/articles/israels-1973-october-war-a-50-year-perspective/> (дата обращения 19.05.2024).

only condemned Israeli military operations in southern Lebanon but also threatened to freeze Egyptian-Israeli relations, questioning the need for an Egyptian-Israeli peace treaty. Mubarak's stance on the Iraq-Iran war was no less important impetus for strengthening the positions of official Cairo in the Arab World. Mubarak's position was accepted with great enthusiasm by the Gulf Arab states and, in particular, by Saudi Arabia, which in turn conducted the so-called "Egyptian lobbying" in Syria.

In the late 1980s, Egypt managed to break through its "isolation" in the Arab World and was back in the "Arab fold," but relations with Syria were still far from fully restored.

A new period of tension in Egyptian-Syrian relations began in 2012, in the wake of the "Arab Spring". The elected president of Egypt, Mohammed Morsi, not only politically supported the process against Syrian President Bashar Assad but also personally demanded Assad's resignation. The newly elected president of Egypt, Mohammed Morsi, was trying to establish qualitatively new relations with Qatar, which was already known for its anti-Syrian stance. Egypt, under the leadership of Morsi, sought to secure new investments from the Gulf States to boost Egypt's economy⁴.

In June 2013, the Syrian embassy in Cairo was closed, and Mohammed Morsi issued a call to declare a no-fly zone over Syria's airspace⁵. It is important to note that in 2011, Syria's membership in the League of Arab States was suspended⁶. In August, the Organization of Islamic Cooperation (OIC) suspended Syria's membership as well, citing President Assad's violent suppression of a 17-month uprising⁷. The move followed reports of further

⁴ Egypt crisis: Fall of Morsi Challenges Qatar's New Emir, July 5, 2013, <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-23185441> (дата обращения 25.05.2024).

⁵ Egypt Cuts Diplomatic Ties with Syria, June 16, 2013, <https://www.aljazeera.com/news/2013/6/16/egypt-cuts-diplomatic-ties-with-syria> (дата обращения 15.08.2024).

⁶ Batty D., Shenker. J., November 12, 2011, Syria Suspended from Arab League. The Guardian, <https://www.theguardian.com/world/2011/nov/12/syria-suspended-arab-league> (дата обращения 06.05.2024).

⁷ Alsharif Asme, Organisation of Islamic Cooperation suspends Syria, August 16, 2012, <https://www.reuters.com/article/world/organisation-of-islamic-cooperation-suspends-syria-idUSBRE87E19F/> (дата обращения 27.05.2024).

civilian deaths in regime raids. In the Arab World, Syria found itself in "isolation," like Egypt, several years ago.

Abdel Fattah Sisi and Syria's political restart in the Arab World

In 2013, the restoration of Egyptian-Syrian relations was initiated by Abdel Fattah al-Sisi, who came to power because of a coup d'état in Egypt on July 3. The Syrian direction of Egypt's Arab policy becomes one of the priorities. According to al-Sisi's decision on July 7, 2013, the Syrian consulate reopened in Cairo⁸.

The relationship between the two countries was essentially started. In that sense, the Syrian direction of al-Sisi's regional policy gradually began to be institutionalized⁹. In the Syrian issue, the Egyptian president began to influence the position of Saudi Arabia and the United Arab Emirates towards Syria¹⁰.

In 2014, during his first visit to the USA, Sisi emphasized in an interview with the media that Syria is Egypt's strategic partner and, at the same time, called for respect for Syria's territorial integrity¹¹.

2016 was significant in activating the process of rapprochement in Egyptian-Syrian relations. In Cairo, President Sisi met with the head of the Syrian National Security Service, Ali Mamlouk, during which a number of issues related to the security of the two countries were discussed¹².

⁸ Egypt and Syria to Keep Consulate Relations: FM Spokesperson, July 7, 2013, <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/75951/Egypt/Politics-/Egypt-and-Syria-to-keep-consulate-relations-FM-spo.aspx> (дата обращения 15.05.2024).

⁹ Egypt's Sisi Expresses Support for Syria's Military, November 23, 2016, <https://www.aljazeera.com/news/2016/11/23/egypts-sisi-expresses-support-for-syrias-military> (дата обращения 08.05.2024).

¹⁰ What Drove Syria Back into the Arab Fold?, <https://mepc.org/essays/what-drove-syria-back-arab-fold/> (дата обращения 15.05.2024).

¹¹ Saab H., Egyptian-Syrian Relations 2012-2021, November 26, 2021, <https://www.mepolicy.org/2021/11/26/situation-of-the-egyptian-syrian-relations-2012-2021/> (дата обращения 01.05.2024).

¹² Syria Intelligence Chief Ali Mamlouk Makes Rare Visit to Cairo, December 24, 2018, <https://www.middleeastmonitor.com/20181224-syria-intelligence-chief-ali-mamlouk-makes-rare-visit-to-cairo/> (дата обращения 15.05.2024).

At the end of 2016, Syrian President Bashar Al Assad stated that Egyptian-Syrian relations are positive and that Egypt's involvement in overcoming the Syrian crisis is evidenced by the fact that in August 2017, Al-Sisi managed to significantly contribute to the signing of a cease-fire in the Syrian Eastern Ghouta and the northern countryside of Homs¹³.

Egypt's efforts to establish regular relations with Syria were significant. In March 2019, Egyptian Foreign Minister Sameh Shukri announced that Egypt has no preconditions for restoring Syria's membership in the League of Arab States. Since 2019, within the framework of inter-Arab meetings, Egypt has consistently voiced and supported the need to restore Syria's membership in the League of Arab States. Assisting Syria in returning to the "Arab family," al-Sisi at the same time raised the relations between official Cairo and Damascus to a qualitatively new level. Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi made significant efforts to return Syria to the "Arab family."

On May 7, 2023, at the meeting of foreign ministers of the League of Arab States in Cairo, Syria restored its frozen membership in that important Arab organization. Already on May 19, at the LAS summit held in the Kingdom of Saudi Arabia, Bashar Assad announced that Syria has turned its eyes to the future, which should be based on inter-Arab solidarity.

Conclusion

To summarize the role of Egypt in restoring Syria's membership in the League of Arab States, we consider it necessary to highlight the following: Recently, in the Middle East, inter-Arab relations have seen a foreign policy push towards general de-escalation. For many Arab countries, Bashar Assad is an influential and decisive political leader. Al-Sisi's policy of improving Egyptian-Syrian relations manifests Egypt's attempt to increase and expand its authority. Ahead of restoring Syria's membership in the LAS in 2018, Syria restored diplomatic relations with the United Arab Emirates. 2019-

¹³ Maher Mohamed, Egypt and Assad: Calculations, Pragmatism and Morality, July 25, 2018, <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypt-and-assad-calculations-pragmatism-and-morality> (дата обращения 14.06.2024).

2020: Bahrain and Oman reopened their embassies in Damascus. By agreeing to reinstate Syria's membership in the League of Arab States, a number of Arab countries sought to limit Iranian influence in Syria. In that sense, this was, first of all, a favor to Saudi Arabia. In recent years, in contrast to the close Turkish-Qatari cooperation, Egyptian-Saudi relations have intensified, gaining a strategic nature. And in this regard, both countries had a similar position regarding Syria. Official Cairo has not taken upon itself the mission of convincing the Saudis in this matter. It is also important for Saudi Arabia to not allow the country's "Shiitization" by supporting the Syrian influence in Lebanon. In fact, the restoration of Syria's membership in the League of Arab States was a great success for the official Damascus, as it first legitimized Bashar Al Assad's role as the leader of Syria. The process of restoring Syria's membership in the League of Nations further raised and strengthened the authority and reputation of Egyptian President al-Sisi in the Middle East.

Sisi's position regarding Syria was also emphasized. The Egyptian president was trying to showcase to both the Arab leaders and the international community that Syria's de facto isolation could be broken through the efforts of Cairo itself, and therefore, Egypt is once again a factor in the region. After brilliantly playing the "Syrian scenario" of increasing Egypt's role in the Arab World, Sisi also activated Egypt's African and Islamic policies.

**ԵԳԻՊՏՈՍԻ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՍԻՐԻԱՅԻ «ԱՐԱՐԱԿԱՆ ԸՆՏԱՆԻՔ»
ՎԵՐԱԴԱՐՁԻ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅՈՒՄ (2013-2023 թթ.)**

Գոռ Գևորգյան¹⁴

2023 թ. Սիրիան կարողացավ վերականգնել իր անդամակցությունը Արաբական պետությունների լիգայում և վերադառնալ «արաբական ընտանիք»: 2011 թ. Սիրիայում սկսված ներքաղաքական ճգնաժամը, որը վերաճեց պատերազմի,

¹⁴ Գոռ Գևորգյանը ԵՊՀ արաբագիտության ամբիոնի դոցենտ է, ՀՀ ԳԱԱ արևելագիտության ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող, պ.գ.թ., էլ. փոստ՝ gorgevorgyan1976@gmail.com, ORCID 0009-0006-2093-5016:

խարխլեց արաբական աշխարհում պաշտոնական Դամասկոսի հեղինակությունը և դիրքերը: Ավելին, արաբական մի շարք պետություններ բացահայտ թշնամական դիրքորոշում ստանձնեցին Սիրիայի նկատմամբ՝ սիրիական կառավարական ուժերի դեմ կովող փարքեր ծայրահեղական խմբավորումներին:

Արաբական աշխարհում Սիրիայի խարխլված դիրքերը վերականգնելու հարցում մեծ էր Եգիպտոսի նախագահ Աբդել Ֆաթթահ ալ Սիսիի դիվանագիտական գործունեությունը: Նախագահ ալ Սիսին սկսեց ոչ միայն բացահայտորեն աջակցել Սիրիայի ղեկավար Բաշար ալ-Ասադին մի շարք առանցքային հարցերում, այլև ակտիվորեն միջնորդում էր՝ արաբական աշխարհում և միջազգային փարքեր հարթակներում՝ պաշտոնական Դամասկոսի քաղաքական դիրքերի և դերակատարության վերականգնման համար:

Սիրիային՝ նախագահ ալ Սիսիի ցուցաբերած աջակցության արդյունքում, պաշտոնական Դամասկոսը 2023 թ. կարողացավ վերականգնել իր անդամակցությունն Արաբական պետությունների լիգայում: Բաշար Ասադի համար ԱՊԼ-ում Սիրիայի անդամակցության վերականգնման հանգամանքը կարելի է բեկումնային համարել, քանի որ սիրիական արտաքին քաղաքական օրակարգի առանցքում՝ փարածաշրջանային և միջարաբական հարաբերությունների նոր իրողությունների պայմաններում, Սիրիայի՝ որակապես նոր կերպարի ստեղծման և դիրքերի վերահաստատման նպատակներն են:

Բանալի բառեր՝ Եգիպտոս, սիրիական ճգնաժամ, Աբդել Ֆաթթահ ալ-Սիսի, Արաբական պետությունների լիգա, «արաբական ընտանիք», եգիպտոս-սիրիական հարաբերություններ

РОЛЬ ЕГИПТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ВОЗВРАЩЕНИЯ СИРИИ В «АРАБСКУЮ СЕМЬЮ» (2013-2023 ГГ.)

Гор Геворгян¹⁵

В 2023 г. Сирия смогла восстановить свое членство в Лиге арабских государств и вернуться в так называемое «арабское лоно». Внутривосточный кризис, начавшийся в 2011 г., а затем переросший в войну, подорвали место и статус официального Дамаска в арабском мире. Более того, ряд

¹⁵ Гор Геворгян – доцент кафедры арабистики факультета востоковедения ЕГУ и старший научный сотрудник отдела Арабских стран Института востоковедения АН РА, к.ист.н., эл. почта: gorgevorgyan1976@gmail.com, ORCID 0009-0006-2093-5016.

арабских государств заняли откровенно враждебную позицию по отношению к Сирии, поддерживая различные экстремистские группировки, воюющие против сирийских правительственных войск. Процесс восстановления места и роли Сирии в арабском мире удалось во многом благодаря позиции президента Египта Абдель Фаттах ас-Сиси, пришедшего к власти еще в 2013 г.

Президент ас-Сиси стал не только открыто поддерживать лидера Сирии Башара Асада по ряду ключевых вопросов, но и начал активное посредничество в арабском мире для политической реабилитации официального Дамаска в международных отношениях. В результате поддержки Сирии президентом ас Сиси, в 2023 г. Сирия сумела разморозить свое членство в Лиге арабских государств. Для официального Дамаска, это можно считать прорывом, так как в центре сирийской внешнеполитической повестки дня лежит цель создания качественно нового имиджа Сирии в контексте новых реалий региональных и межарабских отношений.

Ключевые слова: Египет, сирийский кризис, Абдель Фаттах ас Сиси, Лига арабских государств, «арабская семья», египетско-сирийские отношения

BIBLIOGRAPHY

1. Alsharif Asme, Organisation of Islamic Cooperation suspends Syria, August 16, 2012, <https://www.reuters.com/article/world/organisation-of-islamic-cooperation-suspends-syria-idUSBRE87E19F/>
2. Batty D., Shenker. J., November 12, 2011, Syria suspended from Arab League. The Guardian, <https://www.theguardian.com/world/2011/nov/12/syria-suspended-arab-league>
3. J. Van de Gronden, Egyptian-Syrian relations after the Declaration of the Establishment of the State of Israel: Alliance, Union, Rivalry?, November 14, 2022, <https://omerjournal.com/2022/11/14/egyptian-syrian-relations-after-the-declaration-of-establishment-of-the-state-of-israel-alliance-union-rivalry/>
4. Egypt and Syria to keep consulate relations: FM spokesperson, July 7, 2013, <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/75951/Egypt/Politics-/Egypt-and-Syria-to-keep-consulate-relations-FM-spo.aspx>
5. Egypt cuts diplomatic ties with Syria, June 16, 2013, <https://www.aljazeera.com/news/2013/6/16/egypt-cuts-diplomatic-ties-with-syria>

6. Egypt's Sisi expresses support for Syria's military, November 23, 2016, <https://www.aljazeera.com/news/2016/11/23/egypts-sisi-expresses-support-for-syrias-military>
7. Egypt crisis: Fall of Morsi challenges Qatar's new emir, July 5, 2013, <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-23185441>
8. Maher Mohamed, Egypt and Assad: Calculations, Pragmatism and Morality, July 25, 2018, <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypt-and-assad-calculations-pragmatism-and-morality>
9. Saab H., Egyptian-Syrian Relations 2012-2021, November 26, 2021, <https://www.me-policy.org/2021/11/26/situation-of-the-egyptian-syrian-relations-2012-2021/>
10. Syria intelligence chief Ali Mamlouk makes rare visit to Cairo, December 24, 2018, <https://www.middleeastmonitor.com/20181224-syria-intelligence-chief-ali-mamlouk-makes-rare-visit-to-cairo/>
11. Rabinovich I., Israel's 1973 October War: A 50-year perspective, October 3, 2023, <https://www.brookings.edu/articles/israels-1973-october-war-a-50-year-perspective/>
12. What Drove Syria Back into the Arab Fold?, <https://mepc.org/essays/what-drove-syria-back-arab-fold/>

Гурген Меликян¹*Заслуженный педагог РА,
к.ф.н., профессор*

ОБ ОДНОМ РАННЕИРАНСКОМ ЗАИМСТВОВАНИИ В АРЦАХСКОМ ДИАЛЕКТЕ

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.067

Статья посвящена исследованию названия растения «кндемнешак», зафиксированного в армянском диалекте Арцаха и употребляемого в значении «фиалка» (Lat. Narcissus). Согласно предложенной в статье этимологии, это слово в арцахском диалекте является заимствованным в среднеперсидский или ранненовоиранский период из среднеперсидского или ранненовоперсидского языка. В статье также рассматриваются фонологические изменения ($g > k$, $mn > mp$) и семантические сдвиги, произошедшие при его адаптации к арцахскому диалекту.

Ключевые слова: армянские диалекты, арцахский диалект, языковой контакт, заимствования, иранские заимствования, названия растений, кндемнешак, фиалка, нарцисс, фонологические изменения, семантические сдвиги

Несмотря на то, что изучение армяно-иранских языковых связей в последние сто пятьдесят лет было в центре внимания специалистов, занимающихся вопросами арменоведения и иранистики, а также на то, что на разных языках было опубликовано большое количество работ, посвященных иранским заимствованиям в армянском языке², эта проблема, тем не менее, до сих пор остается не полностью изученной. Одним из примеров, подтверждающих, что в этой области ведутся исследования, является объемная монография Робина Мейера, опубликованная

¹ Эл. почта: gmelikian@ysu.am, ORCID 0009-0002-3483-4655.

² О периодизации истории изучения армяно-иранских языковых контактов см. Հովհաննիսյան Լ., Հայերենի իրանական փոխառությունները, Երևան, 1990, էջ 14-34:

всего несколько месяцев назад, в которой предметом исследования стал вопрос о влиянии иранских языков на синтаксис грабара, классического армянского языка.³

Контакты между армянским языком и иранскими языками, имевшие место еще в глубоком историческом прошлом, не ограничивались заимствованиями только на лексическом уровне. Иранское влияние на армянский язык было настолько сильным, что привело к изменениям в армянском языке. Это отразилось даже на синтаксическом и структурном уровнях, которые, в отличие от лексического уровня, считаются гораздо более стабильными и устойчивыми к внешнему воздействию.⁴

И несмотря на то, что, как было отмечено выше, изучение иранских заимствований в армянском языке является предметом масштабных исследований, даже самый простой количественный анализ доступной нам литературы покажет, что подавляющее большинство проведенных исследований составляют труды, в которых данный вопрос рассматривается на материале памятников древнеармянского периода, периода грабара, и в целом мало работ, в которых этот вопрос анализировался бы в разрезе постграбарского периода (от периода среднеармянского языка до ашхарабара, современного армянского языка).

Еще меньше исследований, в которых тема армяно-иранских языковых взаимодействий и контактов ставится в рамки диалектологического анализа. И тем не менее за последние сто с лишним лет благодаря усердной работе известных армянских лингвистов и диалектологов, на базе изучения значительной группы армянских диалектов, был записан и опубликован огромный материал, как текстовый (в основном фольклорный материал), так и лексическографический (словари, отдельные словарные списки и т.д.).

³ См. Meyer R., *Iranian Syntax in Classical Armenian. The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication*. Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2024.

⁴ О комплексном рассмотрении проблемы см. Thomason S.G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley & Los Angeles & London, 1988.

В плане изучения иранских лексических заимствований среди армянских диалектов в определенной степени выделяется, пожалуй, только диалект Арцаха, поскольку отдельные слова иранского происхождения, взятые из арцахского диалекта, особенно в последние годы, стали предметом изучения для некоторых исследователей.⁵

Целью данной статьи является продолжение исследования словарного запаса арцахского диалекта армянского языка в рамках выявления и изучения иранских заимствований с намерением обратить внимание профессионального сообщества и в целом армянского народа на богатое нематериальное культурное наследие исторического Арцаха, хранящего в себе многовековой дух армянства, Арцаха, опустошенного сегодня, лишенного армян и попираемого доходным элементом руками внешнего врага и с попустительства внутреннего врага.

Ситуация, последовавшая за войной 2020 г. и катастрофическими сентябрьскими событиями 2023 г., когда из Арцаха были полностью изгнаны армяне, а те армяне, которые спаслись от геноцида, сегодня разбросаны по всей территории Армении, не вселяет больших надежд и оптимизма в отношении будущего армянского диалекта Арцаха и того, что этот чистый диалект будет звучать из уст будущих поколений. В конце концов, наш исторический опыт показал, что не все наши диалекты, носители которых с корнем были вырваны из своей исторической колыбели, живы, и сегодня многие из них (Ван, Мокс, Возми, Хоторджур и т.д.) считаются мертвыми.

⁵ См., например, Հովհաննիսյան Լ., Ղարաբաղի բարբառում միջին իրանական լեզուներից կատարված մի քանի փոխառությունների շուրջ, Հայ բարբառագիտության հիմնախնդիրներ, Միջազգային գիտաժողովի զեկուցումների ժողովածու, Երևան, 2014; Մելիքյան Գ., «Փիլաթաթախ փիլը դանդաղում» Արցախի բարբառում մի քանի պարսկական փոխառությունների շուրջ, Արևելագիտության հարցեր, 12, Երևան, 2016, էջ 236-239; Վարդանյան Ա., Ղարաբաղի բարբառում նոր իրանական որոշ փոխառությունների շուրջ, Արևելագիտության հարցեր, 12, Երևան, 2016, էջ 273-280; Քումուց Մ., Հին հայերենից Սյունիք-Արցախ բարբառախմբին անցած իրանական փոխառությունների ձևմաստային նկարագիրը, «Կովկասյան տարածաշրջանի արդի հիմնախնդիրները. Հնարավորություններ և մարտահրավերներ» միջազգային գիտաժողովի նյութերի ժողովածու, 12 մարտի, Մեսրոպ Մաշտոց Համալսարան, Ստեփանակերտ, 2022, էջ 67-70:

В силу этих обстоятельств нам кажется, что в условиях навязанной нам реальности диалект и фольклор Арцаха должны быть в центре внимания гуманитарного и особенно филологического сообщества Армении, с одной стороны, в плане последовательного продолжения изучения записей диалектного материала, а с другой стороны, в плане отслеживания динамики изменения диалекта Арцаха в новых условиях, а также в плане привлечения внимания и соответствующих органов Армении, и международных организаций (в том числе ЮНЕСКО), и международного профессионального сообщества к проблемам сохранения диалекта Арцаха и рискам его исчезновения.

В данной статье наш выбор остановился на слове, которое, будучи ранним иранским заимствованием в арцахском диалекте, до сих пор не привлекало внимания исследователей.

***կնդմնեշակ [kndəmnəʃak]*⁶**

Рассматриваемое слово, лишь один раз зафиксированное нами в разделе «травы»⁷ в словарном списке⁸ слов растительного и животного мира в конце книги Левона Арутюняна «Реликвии фольклора Арцаха», используется в армянском диалекте Арцаха в значении «нарцисс»^{9, 10}.

Этот фитоним, который не засвидетельствован ни в «Словаре карабахского диалекта» Армена Саркисяна¹¹, ни в диалектных словарях армянского языка¹², по всей вероятности, является среднеиранским заимствованием в арцахском диалекте, первый компонент которого, *կնդմ-* [kndəm-], идентичен слову *gndwn* [gandum] из среднеиранских

⁶ Транскрибирование было сделано по системе Hübschmann-Meillet, применяемой для грабара, классического армянского языка.

⁷ Հարությունյան Լ., Նշխարներ Արցախի բանահյուսության, Երևան, 1991, էջ 336.

⁸ Там же.

⁹ Лат. *Narcissus*, Ղազարյան Ռ., Բուսանունների հայերեն-լատիներեն-ռուսերեն-անգլերեն-ֆրանսերեն-գերմաներեն բառարան, Երևան, 1981, էջ 70:

¹⁰ Там же.

¹¹ Սարգսյան Ա., Ղարաբաղի բարբառի բառարան, Արցախի պետական համալսարան, Երևան, 2013.

¹² См., например, Աճառեան Հ., Հայերէն Գաւառական Բառարան: Հատոր Թ, Թիֆլիս, Էմինեան Ազգագրական ժողովածու, Լազարեան ճեմարանի արեւելեան լեզուաց, 1913:

языков. Слово встречается в парфянском языке, в значении «пшеница». В современном персидском языке для обозначения данного фитонима используется лексема *gandom*,¹³ которая по своему фонетическому составу кажется более близкой к парфянскому *gnwn* [gandum], чем к форме *gnwm* [gannum], зафиксированной в турфанском среднеперсидском языке.¹⁴ Независимо от некоторых упомянутых фонетических различий, обе формы восходят к древнеиранской форме *ganduma*-¹⁵ или **gandama*-¹⁶.

Что касается второго компонента слова, *-ñbʒwš* [-nêšak], то, учитывая его фонетический состав, его можно рассматривать как искаженную версию слова иранского происхождения *manušak* [manowšak]¹⁷ «фиалка».

В армянском диалекте Арцаха перед словом *manušak* [manushak] «фиалка», употребляемом еще с периода габара, засвидетельствована

¹³ Раннеклассическое произношение: закономерно *gandum* см. Pisowicz A., *Origins of the New and Middle Persian Phonological Systems*, Cracow, Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1985; Wolff F., *Glossar zu Firdosis Schahname*, Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft and the Deutsche Morgenländische Gesellschaft, Berlin, 1935.

¹⁴ В результате ассимиляции в древнеиранской группе согласных **-nd-* произошел переход на *-nn-* в среднеперсидском турфанском языке, что также могло быть связано с влиянием согдийского языка.

¹⁵ Подробнее, см. Horn P., *Grundriss der neupersischen Etymologie*, Verlag von Karl J. Trübner, Strassburg, 1893, p. 83, Hübschmann H., *Persische Studien*, Verlag von Karl J. Trübner Strassburg, 1895, p. 95, *Hasandūst Moḥammad, Farhang-e rišešenāxti-e zabān-e Fārsi* [Etymological Dictionary of Persian Language]. 4 vols + a concordance volume. Tehrān, Iranian Academy of Persian Language and Literature: Enteshārāt-e Āsār, 2014, p. 2449-2450.

¹⁶ Bailey H.W., *Dictionary of Khotan Saka*, Cambridge: Cambridge University Press, 1979, p. 79.

¹⁷ Для среднеперсидского произношения этого слова иранского происхождения Гр. Ачарян восстановил форму **vanavšak-* (ср. новоперс. *banafše*), одновременно отмечая, что это слово перешло из армянского языка в курдский язык (!), на котором говорили в Дерсиме, в форме *manušak* / *manīšak*, и в удинский язык в форме *māmūšak*, Աճառյան Հ., Հայերեն արմատական բառարան, հատոր 3, Երևան, 1977, էջ 256. Это слово, в форме *malūsæg*, среди восточноиранских языков зафиксировано в осетинском языке, Абаев считает его заимствованием из армянского языка Абаев В., *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. В 5 томах. Том II (L-R). Ленинград, 1973, с. 69. Подробнее о заимствовании осетинским языком слова *malūsæg* и других слов из армянского языка см. также Դավալյան Տ., Օսերենի հայկական փոխառությունների՝ երկրագործությանն առնչվող շերտը, Արևելագիտական ժողովածու, 5, Երևան, 2004, էջ 77-83, էջ 79:

форма произношения¹⁸ [mneshak], что делает вполне возможной версию, согласно которой, группа согласных **-mm-*, образовавшаяся при словосложении (*kndə^m + mnêšak*) из-за скопления согласных (**-mmn-*) была логически упрощена до *-m-* (**-mm > -m*), и в результате этого от исходной группы согласных **-mmn-* осталось сочетание двух согласных **-mn-*. Следовательно, процесс развития и/или изменения композита в арцахском диалекте выглядел следующим образом:

****կնդրմնէշակ* [**kndəmmnêšak*] > *կնդրմնէշակ* [*kndəmnêšak*].**

Восстановление лексемы, ее заимствование и закрепление в арцахском диалекте с включением источника будут выглядеть следующим образом:

****gandum-vanavšak*¹⁹ > **kndəmmnêšak*²⁰ > *kndəmnêšak*²¹.**

Учитывая, что форма **gandum-vanavšak* не встречается в среднеперсидском или раннеклассическом персидском языке, и в других иранских языках не встречаются композиты, связанные с этой формой, можно было бы предположить, что слово в арцахском диалекте могло быть образовано простым соединением или слиянием двух заимствованных иранских слов. Однако для подтверждения подобного предположения требуется самостоятельное и независимое использование как минимум двух компонентов этого сложного слова и/или, по крайней мере, применение в арцахском диалекте. Но подобное не наблюдается.

В отличие от формы *մնէշակ* [mneshak], которая используется в Арцахе для обозначения растения «фиалка», изучение существующего диалектного материала не выявило первого компонента, формы *կնդրմ* [kndym], или его другой фонетической версии в значении самостоятельного слова «пшеница» или в каком-либо другом значении.

Следовательно, следует полагать, что лексема *կնդրմնէշակ* [kndəmnêšak] 'нарцисс' в арцахском диалекте заимствована уже как

¹⁸ См. Ածաղյաւն Հ., Հայերէն արմատական բառաբան, էջ 256:

¹⁹ Возможная незафиксированная форма среднеперсидского/парфянского или раннеклассического персидского языка.

²⁰ Ранняя незафиксированная форма арцахского диалекта.

²¹ Поздняя зафиксированная форма арцахского диалекта.

компози́т из среднеперсидского или раннеклассического персидского языка, вероятно, в значении ‘пшеничная фиалка’ или ‘фиалка пшеничного цвета’.

Основанием для нашего утверждения о возможном источнике заимствования (т.е. среднеперсидский или раннеклассический персидский) служит значение первого компонента (*կնդըմ*- [kndəṁ-]), которое указывает на оглушение согласного *q*- [g-] > *ʎ*- [k-], что является закономерным для арцахского диалекта,²² в котором, согласно закону Гр. Ачаряна, согласные *p, ɲ, q, ǰ, ɟ* (*b, d, g, j, ǰ*) преобразуются в *ɸ, ɸ̣, ʎ, ɸ̣, ɸ̣* (*p, t, k, c, ʈ*) только в армянских словах и в ранних заимствованиях из ассирийского, греческого и персидского языков.²³

Несмотря на то, что Гр. Ачарян, исходя из того, что закон об оглушении указанного ряда звонких согласных в некоторых армянских диалектах не распространяется на тюркские заимствования, считает, что «закон действовал до проникновения турецкого языка в Армению, и, следовательно, происхождение карабахского диалекта также относится к XII в.»²⁴, Г. Джаукян в своей статье «о формировании арцахско-армянского (карабахского) диалекта»²⁵ обоснованно оспаривает эту точку зрения Гр. Ачаряна и показал, что закон об оглушении звонких согласных в Арцахе, Сюнике и Васпуракане действовал с V в.²⁶

Независимо от определенных отличий в комментариях Гр. Ачаряна и Г. Джаукяна по вопросу о времени формирования арцахского диалекта, бесспорным является то, что оглушение *q*- > *ʎ*- (*g*- > *k*-), под которым оказались некоторые иранские слова, свидетельствует об их раннем заимствовании. Соответственно, в армянском диалекте Арцаха иранскими заимствованиями позднего периода могут считаться только те слова,

²² Ср. *գազան* [gazan] > *կ'ազան* [k'azian], *կ'էզան* [k'ezan] (*gazan* > *k'azian*, *k'êzan*), *գազար* [gazar] > *կ'էզար* [k'ez'ar] (*gazar* > *kyêzyar*) и др.

²³ Աճառյան Հ., Հայոց լեզվի պատմություն, Երևան, 1951, էջ 380:

²⁴ Там же.

²⁵ Զահուկյան Գ., Արցախահայ (Ղարաբաղի) բարբառի կազմավորման մասին, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 5, 1991, էջ 52-58:

²⁶ Там же, 55.

в которых закон об оглушении гласных больше не действовал (например, *q'wš₂* [gʷaʃ], *q'wh* [gʷah], *q'wq* [gʷaz] ‘известь’ и т.д.).

* * *

Подводя итог, следует отметить, что фитоним *կնդրմեշակ*/*kndəmnêšak* в арцахском диалекте является раннеиранским заимствованием, вошедшим в язык в период с V в. по XII в. По фонетической форме лексема является юго-западноиранской, скорее всего, была заимствована либо из среднеперсидского, либо из раннего, новоперсидского, языка, поскольку как с точки зрения фонетических особенностей слова, так и с точки зрения временного промежутка – с V в. по XII в. – источником заимствования должен был быть сам персидский язык в его двух возможных стадиях (среднеперсидский язык или новоперсидский язык).

Это также показывает, что территория Арцаха была одной из древнейших зон армяно-иранского языкового общения, и армянский диалект Арцаха находился в активных языковых контактах с персидским языком, начиная с периода «персидского генерал-губернаторства», и до разрушения царства Багратидов.

Помимо указанного, подобные примеры демонстрируют, что армянский язык и армянские диалекты как *Nebenüberlieferung* продолжают играть важную роль при изучении иранских языков, часто являясь единственным источником для восстановления того иранского словарного запаса, который скрыт под толстым слоем пыли истории, не оставив никаких следов в самих иранских языках.

В то же время, в качестве последнего комментария, следует заметить, что изучение диалектного материала Арцаха сегодня как никогда важно, поскольку полученные результаты исследований не менее убедительны, чем исторические свидетельства, которые доказывают несостоятельность ложных историографических тезисов Азербайджана о том, что арцахцы являются выходцами с территории Арцаха и появились там якобы только в XIX в. в результате проводимой царской Россией политики.

Более того, в отличие от закавказского тюркского языка (т.е. азербайджанского языка), бо́льшая часть заимствованного словарного запаса которого приходится на позднеклассический и постклассический периоды истории развития персидского языка (с XV-XVI вв. до наших дней), иранские заимствования армянского диалекта Арцаха имеют гораздо более древние корни, которые уходят в V-XII вв.

ԱՐՑԱԽԻ ԲԱՐԲԱՌՈՒՄ ՎԱՂ ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՄԻ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՁ

Գուրգեն Մելիքյան²⁷

Հոդվածը նվիրված է Արցախի հայոց բարբառում վկայված *kndəmnēšak* բուսանվան քննությանը, որը գործածվել է «մանուշակ» (լատ. *Narcissus*) նշանակությամբ: Հոդվածում առաջարկվող սրուգաբանության համաձայն՝ այս բուսանունն Արցախի բարբառը միջին կամ վաղ նոր իրանական լեզվադարաշրջանում փոխառել է միջին պարսկերենից կամ վաղ նոր պարսկերենից: Անդրադարձ է կատարվում նաև այն հնչյունական փոփոխություններին (*g > k*, *mmn > mn*) և իմաստային զարգացումներին, որոնք տեղի են ունեցել քննության առարկա բառի՝ Արցախի բարբառում անցած ադապտացիայի ընթացքում:

Բանալի բառեր՝ հայոց բարբառներ, Արցախի բարբառ, լեզվական շփումներ, փոխառություններ, իրանական փոխառյալ բառեր, բուսանուններ, *kndəmnēšak*, մանուշակ, *Narcissus*, հնչյունական փոփոխություններ, իմաստային զարգացում

ON AN EARLY IRANIAN LOANWORD IN THE ARTSAKH DIALECT

Gurgen Melikyan²⁸

The article is devoted to the examination of a plant name, kndəmnēšak, attested in the Armenian dialect of Artsakh and used with the meaning "violet" (Lat. Narcissus). According to the etymology proposed in the article, this word is a

²⁷ Գուրգեն Մելիքյանը ՀՀ վաստակավոր մանկավարժ է, ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի իրանագիտության ամբիոնի պրոֆեսոր, ք.գ.թ., էլ. փոստ՝ gmelikian@ysu.am, ORCID 0009-0002-3483-4655:

²⁸ Gurgen Melikyan is an Honored Pedagogue of the Republic of Armenia, PhD, Professor of the Department of Iranian Studies, of the Faculty of Oriental Studies at YSU, E-mail: gmelikian@ysu.am, ORCID 0009-0002-3483-4655.

loanword in the Artsakh dialect, borrowed during the Middle or Early New Iranian period from Middle Persian or Early New Persian. The article also delves into the phonological changes, ($g > k$, $mmn > mn$) and semantic shifts that occurred during its adaptation into the Artsakh dialect.

Keywords: *Armenian Dialects, Artsakh Dialect, Language Contact, Loanwords, Iranian Loans, Plant Names, Kndəmnəšak, Violet, Narcissus, Phonological Changes, Semantic Shifts*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Աճառեան Հ., Հայերէն Գաւառական Բառարան: Հատոր Թ, Թիֆլիս, Էմինեան Ազգագրական Ժողովածու, Լազարեան ճեմարանի արեւելեան լեզուաց, 1913:
2. Աճառյան Հ., Հայերեն արմատական բառարան, հատոր 3, Երևան, 1977:
3. Աճառյան Հ., Հայոց լեզվի պատմություն, Երևան, 1951:
4. Դալալյան Ս., Օսերենի հայկականական փոխառությունների՝ երկրագործությանն առնչվող շերտը, Արևելագիտական ժողովածու, 5, Երևան, 2004, էջ 77-83:
5. Հարությունյան Լ., Նշխարներ Արցախի բանահյուսության, Երևան, 1991:
6. Հայոց լեզվի բարբառային բառարան. Հրաչյա Աճառյանի Անվան Լեզվի Ինստիտուտ, գլխ. խմբ. Ա. Սարգսյան, Երևան, 2001-2012:
7. Հովհաննիսյան Լ., Հայերենի իրանական փոխառությունները, Երևան, 1990:
8. Հովհաննիսյան Լ., Ղարաբաղի բարբառում միջին իրանական լեզուներից կատարված մի քանի փոխառությունների շուրջ, Հայ բարբառագիտության հիմնախնդիրներ, Միջազգային գիտաժողովի զեկուցումների ժողովածու, Երևան, 2014:
9. Ղազարյան Ռ., Բուսանունների հայերեն-լատիներեն-ռուսերեն-անգլերեն-ֆրանսերեն-գերմաներեն բառարան, Երևան, 1981:
10. Մելիքյան Գ., «Փխյաթաթախ փիլը ղանդաղում» Արցախի բարբառում մի քանի պարսկական փոխառությունների շուրջ, Արևելագիտության հարցեր, 12, Երևան, 2016, էջ 236-239:
11. Ջահուկյան Գ., Արցախահայ (Ղարաբաղի) բարբառի կազմավորման մասին, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 5, 1991, էջ 52-57:

12. Սարգսյան Ա., Ղարաբաղի բարբառի բառարան, Արցախի Պետական Համալսարան, Երևան, 2013:

13. Վարդանյան Ա., Ղարաբաղի բարբառում նոր իրանական որոշ փոխառությունների շուրջ, Արևելագիտության հարցեր, 12, Երևան, 2016, էջ 273-280:

14. Քումունց Մ., Հին հայերենից Սյունիք-Արցախ բարբառախմբին անցած իրանական փոխառությունների ձևիմաստային նկարագիրը, «Կովկասյան տարածաշրջանի արդի հիմնախնդիրները. հնարավորություններ և մարտահրավերներ» միջազգային գիտաժողովի նյութերի ժողովածու, 12 մարտի, Մեսրոպ Մաշտոց Համալսարան, Ստեփանակերտ, 2022, էջ 67-70:

15. Абаев В., Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 5 томах. Том II (L-R). Ленинград, 1973.

16. Bailey H.W., Dictionary of Khotan Saka, Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

17. Ḥasandūst Moḥammad, Farhang-e rišešenāxti-e zabān-e Fārsi [Etymological Dictionary of Persian Language]. 4 vols + a concordance volume. Tehrān, Iranian Academy of Persian Language and Literature: Enteshārāt-e Āsār, 2014 (In Persian).

18. Horn P., Grundriss der neupersischen Etymologie, Verlag von Karl J. Trübner, Strassburg, 1893.

19. Hübschmann H., Persische Studien, Verlag von Karl J. Trübner Strassburg, 1895.

20. Meyer R., Iranian Syntax in Classical Armenian. The Armenian Perfect and Other Cases of Pattern Replication. Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2024.

21. Pisowicz A., Origins of the New and Middle Persian Phonological Systems, Cracow, Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1985.

22. Thomason S.G., Kaufman T., Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics, Berkeley & Los Angeles & London, 1988.

23. Wolff F., Glossar zu Firdosis Schahname, Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft and the Deutsche Morgenländische Gesellschaft, Berlin, 1935.

Вардан Восканян¹*к.ф.н., профессор, заведующий кафедрой
Иранистики факультета Востоковедения ЕГУ***Артём Тоноян²***к.ф.н., доцент*

ЭТЮДЫ ПО ТАЛЫШСКОЙ И КАВКАЗСКО-ПЕРСИДСКОЙ (ТАТСКОЙ) ЛЕКСИКЕ

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.078

В статье в форме отдельных кратких этюдов представлены и проанализированы некоторые лексические единицы талышского и кавказско-персидского (татского) языков – иранских языков, которые распространены на территории Кавказа и имеют довольно долгую историю интенсивного смешивания с неиранскими (индоевропейскими, кавказскими, тюркскими) языками данного ареала. Это представляет особый интерес как в плане изучения межъязыковых контактов, так и в плане исследования субстратных явлений.

Ключевые слова: северный талышский, кавказско-персидский (татский), армянский язык, грузинский язык, языковые контакты, подтекстовые слова, неиранские языки, Восточный Кавказ

Когда нас объединяет холодный «арбуз»

Лексический состав кавказского языкового союза³ – одна из наиболее интересных областей на стыке кавказоведения, арменистики, иранистики и тюркологии.

В армянском языке для понятия «арбуз» используется слово *ձմերուկ* [jmeruk], которое восходит к древнеармянской форме с индоевропей-

¹ Эл. почта vardan.voskanian@ysu.am, ORCID 0009-0003-4280-4234.

² Эл. почта artyom.tonoyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-8740-730X.

³ О термине «языковой союз» см. Трубецкой Н., Вавилонская башня и смешение языков. Н. С. Трубецкой, *История, культура, язык*, Москва, 1995, сс. 327-338, с. 333.

скими корнями *ǰmēn* [jmeɛn] ‘зима’ с суффиксом *-nɪɭ* [-uk], распространённом в названиях армянских растений.⁴

В грузинском языке засвидетельствовано слово *საზამთრო* [sazamtʰro] ‘арбуз’ от первоначальной, картвельской по происхождению, словоформы *ზამთარი* [zamtʰari] ‘зима’.

В иранских языках есть несколько лексем для обозначения понятия «арбуз», анализ которых выходит за рамки данной статьи, однако в пределах всего иранского языкового континуума, насколько нам известно, лишь два языка связали воедино понятия «арбуз» и «зима»: в талышском языке *zimsoni*, *zomsüni*, *zimistoni*, *züüstün*⁵ и в татском (кавказско-персидском) языке *zumustun*⁶ ‘арбуз’ соответственно образованы от исконных иранских слов индоевропейского происхождения *zim(i)s(t)on* и *zumustun* ‘зима’.

«Арбуз» фактически показывает, что армяне, грузины, талыши и таты, обитая в едином географическом и культурном ареале, исторически имели самые тесные лингвистические контакты, вследствие чего, образно говоря, вместе ели «холодный как зима арбуз», обозначая его таким же «холодным» и типологически общим для их языков названием.

Как мидийский «дикий голубь» прилетел в Талыш

Гипотеза о мидийском происхождении талышского языка основана исключительно на географических данных, в частности, на том, что современные талыши проживают на территории Малой Мидии – Атропатены. Данная «географическая» гипотеза пока что не подкреплена фактически никакими убедительными лингвистическими данными, кроме, конечно, общих северо-западных иранских лексико-фонетических особенностей, которые характерны, в том числе, и для талышского языка.

⁴ Աճառյան Հ., Հայերեն արմատական բառերի, հատոր 3, Երևան, 1977, էջ 156-157:

⁵ Пирейко Л., *Талышско-русский словарь*. Москва, 1976, с. 107.

⁶ Hüseyinova G. *Tat dili leksik fondunun genealoji təhlili* (Генеалогический анализ лексического фонда татского языка), Baki, 2013, s. 195.

Главная причина этого заключается в том, что, к сожалению, из словарного фонда мидийского языка до нас дошли только чрезвычайно фрагментарные данные и лишь из так называемых косвенных (древнеперсидских, греческих, армянских и т.д.) источников. Однако и эти скудные мидизмы не были введены в научный оборот в контексте исторического изучения лексики талышского языка.

Одним из таких мидийских слов, насколько нам известно, до сих пор не удостоившихся внимания исследователей, является лексема татúрас ‘фазан’, которая как мидизм встречается у Афинея Навкратийского (II-III вв.).⁷ Еще в древнеармянском переводе Библии (V в.) засвидетельствовано сохранившееся по сей день в армянском языке слово տափրակ [tatrak] ‘дикий голубь’, которое является заимствованием из мидийского языка – *tatūrak.⁸

Из всех ныне известных иранских языков и диалектов, насколько нам известно, эта лексема в близкой к мидийскому языку фонетической форме, скорее всего, сохранилась лишь в талышском языке (как в северных, так и в центральных диалектах) – *tätur* ‘дикий голубь’.⁹ Эта лексема является одним из доказательств в пользу наличия мидийской по происхождению лексики в талышском языке. В плане диахронии, однако, трудно объяснить сохранение конечного сонанта *-r*, который, как известно, регулярно выпадает в северном талышском диалекте, ср., *tänu* (< *tänur) ‘тандыр’. Так как указанное слово распространено также в центральных регионах ареала распространения талышского языка¹⁰, где фонетический закон об утере конечного *-r* вовсе не действует или действует частично, то наличие формы *tätur*, вместо ожидаемого *tätu в северном талышском диалекте, судя по всему, можно объяснить междиалектным заимствованием.

⁷ Hübschman H., *Armenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie* (Bibliothek indogermanischer Grammatiken. Band VI). Leipzig, 1897, s. 395.

⁸ Ածառյալն Հ., Հայերէն արմատական բառարան, հատոր 4, Երևան, 1979, էջ 381:

⁹ Пирейко Л., *Талышско-русский словарь*. Москва, 1976, с. 212.

¹⁰ Данное слово зафиксировано авторами в ходе полевых исследований асалемского диалекта талышского языка в Иране.

Когда мы рубим и единым словом

На территории Южного Кавказа есть два иранских языка, которые особенно тесно контактировали с армянским языком. Это талышский и татский (кавказско-персидский) языки. В особенности татско-армянские лингвистические связи остаются во многом малоизученным полем для ученых, а тем временем они представляют большой интерес.¹¹

В татских говорах Исмаиллинского и Шемхинского районов распространено слово *saqat* или *saqot* ‘большой садовый нож, секач (азерб. *dəhrə*)’¹², которое, без всякого сомнения, восходит к армянскому слову *ցաքաթ* [s’ak’at] ‘большой садовый нож, секач для рубки ветвей’, засвидетельствованному в восточно-армянских диалектах.¹³ В силу отсутствия звука с’- в татском языке, данное заимствование из армянского языка естественно отражено в татском языке с начальным s-.

Одни и те же «лапти»

Один из самых архаичных и изолированных диалектов татского (кавказско-персидского) языка на территории Нагорного Ширвана бытует в посёлке Лагич.

Несмотря на географическую труднодоступность этого древнего поселения, где согласно местному преданию, и поныне сохраняется могила Кей-Хосрова – легендарного шаха иранского героического эпоса «Шахнаме», в лагичском диалекте засвидетельствованы несколько лексем, которые указывают на наличие в прошлом лингвистических контактов между лагичскими татами и армянами.

Среди таких интересных слов в лагичском диалекте можно отметить лексему *tirox* ‘лапти из сыромятной кожи (азерб. *çariq*)’¹⁴, которая, вне

¹¹ Подробно см. Восканян В., Некоторые арменизмы в кавказско-персидском языке. Вопросы востоковедения, 12, Ереван, сс. 240-248.

¹² Hüseyinova G., *Lahic tatların dili* (Язык лагичских татов). Bakı, 2002, s. 56, 182.

¹³ Подробно см. Martirosyan H., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden: Brill, 2010, pp. 619-621.

¹⁴ Квачадзе зафиксировала это слово в речи выходцев из Лагича, которые переселились в село Гомбори в Грузии. См. Квачадзе М., *Речь гомборских лаиджей* (диссертация на соискание ученой степени к.ф.н.), Тбилиси, 1990, с. 264 (на правах рукописи).

всякого сомнения, является заимствованием и восходит к армянскому *լըրխ/ի* [trex] ‘лапти из сыромятной кожи’. Эта лексема засвидетельствована в армянском языке в памятниках XII в., а также широко представлена как в западных, так и в восточных диалектах армянского языка.¹⁵

Это же слово мы находим вдали от Лагича в другом ареале распространения кавказско-персидского (татского) языка, а именно в Кубе, где оно зафиксировано в татском диалекте местных горских евреев в форме *tiryox* ‘лапти из сыромятной кожи’.¹⁶

Последнее обстоятельство указывает на довольно широкое распространение данной лексемы вне Лагича по всему татоязычному Нагорному Ширвану.

Татский «ёж-то есть, да не втолкан весь»

Еще в конце XVIII в. российский историк С.М. Броневский писал о населении Дербента: *«жителей обоего пола с небольшим 10 тысяч, которые все магометанского закона алиевой секты и родом большею частию персияне, кроме некоторого числа армян, говорят и пишут персидским языком, называемым фарс, но простонародно употребляют испорченное татарское наречие»*.¹⁷

Судя по всему, «татарское наречие», услышанное С.М. Броневским, было «испорчено» в том числе и потому, что местные таты-мусульмане (кавказские персы), перейдя на тюркский язык, сохранили определенное количество субстратных слов своего бывшего родного иранского языка.

Часть этих слов и поныне живуча в дербентском диалекте азербайджанского языка. К примеру, в Дербенте и поныне на местном азербайджанском диалекте вместо ожидаемого общеазербайджанского *kirpi* –

¹⁵ Ачарян Гр., *Корневой словарь армянского языка*, т. 4., Ереван, 1979, с. 435. (на арм. яз.)

¹⁶ Агарунов Я., Агарунов М., *Татско (еврейско)-русский словарь*. Москва: 1997, с. 167.

¹⁷ Броневский С., *Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне*. Санкт-Петербург: 1996, с. 176-177.

«ёж» засвидетельствовано «странное» слово *sası*¹⁸, которое, несомненно, субстратное татское слово, ср., в разных татских диалектах *səsi*, *səsi*, *jəju*, *jəju*, *jüji*, *joju* и т.д., ср. в талышском *jəji*, в классическом новоперсидском ژوزه [žuža], в среднеперсидском *zūzak* ‘ёж’. По своей фонетической форме лексема *sösi* является субстратным татским словом, встречается также в бакинском диалекте азербайджанского языка.¹⁹

Так что, в азербайджанском языке татский «ёж-то есть, да не втолокан весь».

Когда в «колодце» и «пахте» находим татский след

Хорошо известно, что до превращения Баку в большой индустриальный центр, нынешняя столица Азербайджанской Республики была одним из преимущественно татонаселенных поселков на Апшеронском полуострове, где преобладал татский (кавказско-персидский) язык.

Хотя, сейчас на Апшероне татский язык сохраняется лишь в Сураханах и Балаханах, татская субстратная лексика широко представлена, в том числе, и в бакинском диалекте (в широком смысле – в апшеронских говорах) азербайджанского языка, откуда она регулярно пополняет и современный азербайджанский литературный стандарт.

Из числа татских субстратных лексем в азербайджанском языке можно выделить слова *ovdan* (ср., тат. *o(v)dun*) ‘колодец, водоем, водохранилище под землей’ и *ovduq* (ср., тат. *o(v)duğ*) ‘пахта, айран’.²⁰

Указанные слова засвидетельствованы также в классическом персидском языке как آبدان [ābdān] (Рудаки, Фаррухи, Саади, Хакани) ‘колодец, водоем’ и آب دوغ [ābdūy] (Таййан) ‘пахта, айран’. Они состоят из слова آب [āb] ‘вода’, суффикса -دان [-dān] и лексемы دوغ [dūy] ‘пахта, айран’, соответственно.

В татском языке классическое новоперсидское слово для обозначения понятия ‘вода’ развивается как *o(v)* < класс. перс. *āb*, ср., совр.

¹⁸ *Azərbaycan Dialektoloji Lüğəti* (Диалектологический словарь азербайджанского языка), 1999. 1 cilt (A-L), 2003, 2 cilt (M-Z). Ankara: *Türk Dil Kurumu*, s. 69.

¹⁹ Там же, 1999, 82.

²⁰ Orucov A. et al., *Azərbaycan Dilinin İzahlı Lüğəti* (Толковый словарь азербайджанского языка), 3 cild. Bakı, 2006, s. 535.

перс. *āb*. Следовательно, судя по фонетической форме, анализируемые лексемы появились в азербайджанском языке из татского, а не из классического или современного персидского языка.

ԱՎՆԱՐԿՆԵՐ ԹԱԼԻՇԵՐԵՆԻ ԵՎ ԿՈՎԿԱՍԱՆ ՊԱՐՍԿԵՐԵՆԻ (ԹԱԹԵՐԵՆ) ԲԱՌԱՊԱՇԱՐԻ

Վարդան Ոսկանյան²¹, Արտյոմ Տոնոյան²²

Հոդվածում ակնարկների տեսքով ներկայացվել և քննության են ենթարկվել մի քանի բառեր՝ գործածական Արևելյան Այսրկովկասում խոսվող իրանական լեզուներից հյուսիսային թալիշերենում և կովկասյան պարսկերենում (թաթերեն), որոնք պատմական երկարատև և սերտ շփման մեջ են գտնվել այս տարածաշրջանի ոչ իրանական (հնդեվրոպական և կովկասյան) լեզուների հետ: Սա առանձնահատուկ հետաքրքրություն է ներկայացնում ինչպես լեզվական շփումների, այնպես էլ արեալային լեզվաբանական երևույթների ուսումնասիրության տեսանկյունից:

Բանալի բառեր՝ հյուսիսային թալիշերեն, կովկասյան պարսկերեն (թաթերեն), հայերեն, վրացերեն, լեզվական շփումներ, ենթաշերտային բառեր, ոչ իրանական լեզուներ, Արևելյան Այսրկովկաս

ÉTUDES ON TALYSHI AND CAUCASIAN PERSIAN (TATI) LEXICON

Vardan Voskanyan²³, Artyom Tonoyan²⁴

The article, presented in the form of études, examines and analyzes certain lexical forms from Northern Talyshi and Caucasian Persian (Tati)—two Iranian

²¹ Վարդան Ոսկանյանը ԵՊՀ իրանագիտության ամբիոն վարիչն է, ք.գ.թ., պրոֆեսոր, էլ փոստ՝ vardan.voskanyan@ysu.am, ORCID 0009-0003-4280-4234;

²² Արտյոմ Տոնոյանը ԵՊՀ իրանագիտության ամբիոնի դոցենտ է, ք.գ.թ., էլ փոստ՝ artyom.tonoyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-8740-730X;

²³ Vardan Voskanyan is a Head of the Chair of Iranian Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, professor, E-mail: vardan.voskanyan@ysu.am, ORCID 0009-0003-4280-4234.

²⁴ Artyom Tooyan is an Associate Professor at the Chair of Iranian Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, E-mail: artyom.tonoyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-8740-730X.

languages spoken in the Eastern Transcaucasia. These languages have a history of continuous and close contact with non-Iranian languages, including Indo-European and Caucasian languages of the region. This makes them particularly significant for the study of language contact in general and areal linguistic phenomena in particular.

Keywords: Northern Talyshi, Caucasian Persian (Tati), Armenian, Georgian, language contact, areal lexemes, non-Iranian languages, Eastern Transcaucasia

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Աճառյան Հ., Հայերեն արմատական բառարան, հատոր 3, Երևան, 1977, հատոր 4., 1979:
2. Ոսկանյան Վ., Որոշ հայկականություններ կովկասյան պարսկերենում, Արևելագիտության հարցեր, 12, 2016, էջ 240-248:
3. Агарунов Я., Агарунов М., *Татско (еврейско)-русский словарь*, Москва, 1997.
4. Броневский С., Историческая выписка о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне, Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1996.
5. Квачадзе М., *Речь гомборских лаиджей (диссертация на соискание ученой степени к.ф.н.)*. Тбилиси (на правах рукописи), 1990.
6. Пирейко Л., *Талышско-русский словарь*. Москва, 1976.
7. Трубецкой Н., Вавилонская башня и смешение языков. Н. С. Трубецкой. История, культура, язык. Москва, 1995, с. 327-338
8. Azərbaycan Dialektoloji Lügəti, Ankara: Türk Dil Kurumu, 1 cilt (A-L), 1999, 2 cilt (M-Z), 2003.
9. Hübschman H., Armenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie, Bibliothek indogermanischer Grammatiken. Band VI. Leipzig: Breitkopf & Härtel. 1897.
10. Hüseynova G., Lahic tatlarin dili, Baki, 2002.
11. Hüseynova G., Tat dili leksik fondunun genealogi təhlili, Baki, 2013.
12. Martirosyan H., Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon, Leiden: Brill, 2010
13. Orucov A. et al., Azərbaycan Dilinin İzahlı Lügəti, 3 cild, Baki: Şərq-Qərb, 2006

Рубен Сафрастян¹

Академик НАН РА,

доктор исторических наук, профессор

МУСТАФА КЕМАЛЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ (НОЯБРЬ 1918-МАЙ 1919 ГГ.)

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.086

В статье рассматривается деятельность Мустафы Кемалья в Константинополе с ноября 1918 г. по май 1919 г. В этот период он активно стремился к власти в Османской империи. Автор исследует политическую деятельность Кемалья в столице, включая встречи с представителями Антанты и его попытки заручиться британской поддержкой своих амбиций. В статье отмечается, что Мустафа Кемаль использовал свои связи с тайными младотурецкими организациями и был глубоко вовлечен в политические интриги, что в конечном итоге и привело к его успеху. Назначение инспектором 9-й армии, обладавшим обширными полномочиями в восточных провинциях Османской империи, позволило ему стать лидером националистического движения, носящего его имя, а позднее и основателем Турецкой Республики.

Ключевые слова: Мустафа Кемаль, Константинополь, борьба за власть, младотурки, тайные организации, инспектор 9-й армии, кемалистское движение

30 октября 1918 г. генерал-майор Мустафа Кемаль-паша был назначен командующим армейской группой «Йылдырым» («Молния») Османской армии, которая отвечала за Палестину, Сирию и Ирак. До этого назначения он занимал должность командира 7-й армии, входящей в состав этой группы, что было самой высокой должностью в его карьере профессионального офицера.

¹ Эл. почта: rsafrastyan@aua.am, ORCID: 0000-0002-4688-6412.

Кемаль сменил известного немецкого военачальника и военного деятеля генерал-фельдмаршала Лимана фон Сандерса. Уже на следующий день после назначения он прибыл в Адану, где располагалась штаб-квартира командования армейской группы «Йылдырым», и приступил к своим обязанностям.

Новое назначение Кемаль получил благодаря перемирию, подписанному между Османской империей и странами Антанты на английском боевом корабле «Агамемнон» в порту Мудрос на острове Лемнос в тот же день, 30 октября 1918 г. Это перемирие предусматривало замену немецких офицеров и генералов, служивших в османской армии, на турок. Однако перемирие также означало, что стремление Кемалья к высоким военным должностям и званиям стало бессмысленным, и ему нужно было искать новые области для удовлетворения своего честолюбия. Вряд ли он мог представить, что перемирие откроет перед ним новый путь, который обеспечит ему место в истории как основателя Турецкой Республики на руинах Османской империи и отца турецкой нации – Ататюрка.²

Прежде чем рассмотреть этот новый путь в жизни Кемалья и различные проявления его властолюбивой личности, необходимо кратко обратиться к его оценке Мудросского перемирия, заключенного между Османской и Британской империями.

Турецкие источники свидетельствуют, что изначально Мустафа Кемаль считал некоторые пункты Мудросского перемирия приемлемыми, т.к. они соответствовали сложившейся ситуации, когда даже «Болгария была сильнее» Османской империи.³ Однако впоследствии он занял резко отрицательную позицию по отношению к Мудросскому перемирию и не упускал случая критиковать как отдельные его пункты, так и соглашение в целом. Делал это он как через официальную переписку,

² В 1934 г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) приняло специальный закон о присвоении Мустафе Кемалю фамилии Ататюрк, что означает «отец турок».

³ Sonyel R. S., Gizli Belgelerde Mustafa Kemal, Vahdettin ve Kurtuluş Savaşı, Ankara, 2010, s. 6.

так и в интервью с прессой.⁴ Некоторые исследователи утверждают, что уже через несколько дней после того, как Кемаль узнал о перемирии, он начал призывать представителей турецкого населения Аданы готовиться к вооруженной борьбе против победивших стран.⁵ Примечательно, что источником этой информации является сам Мустафа Кемаль, который сообщил об этом в 1923 г.⁶ Очевидно, что таким образом он способствовал формированию своего мифического образа в общественном сознании и стремился укрепить свою позицию как единственного лидера турецкой нации.

В соответствии с требованиями Мудросского перемирия и стран-победителей Антанты командование Османской армии расформировало армейскую группу «Йылдырым». Немедленно после этого, 7 ноября, последовал указ (*irade*) султана Вахидэддина⁷, предписывающий Мустафе Кемалю вернуться в столицу и перейти в распоряжение военного министерства.⁸

Этот указ соответствовал желаниям Мустафы Кемаля, т.к. он таким образом получал законную возможность оказаться в столице и начать непосредственную закулисную борьбу за высокие должности.

В октябре 1918 г., он, занимая должность командира 7-й армии, уже тогда пытался получить пост военного министра. Не имея возможности вступить в непосредственную борьбу за власть, т.к. не имел права покидать свою должность, он решил действовать немедленно, не дожидаясь возможности отправиться в столицу. Его решение было обусло-

⁴ См. об этом: Kemal C., Mustafa Kemal'in Mondros Mütarekesi'ne Tepkisi, Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi, 46, Güz 2010, s. 367 - 400.

⁵ Mango A., Atatürk: The Biography of the Founder of Modern Turkey. New York, 2002, p. 193.

⁶ Там же.

⁷ Оно было подписано также главой правительства и военным министром Ахмет Иззет-пашой.

⁸ См. в тексте султанского указа: Sadriazam ve Harbiye Nâziri Ahmed İzzet, Mehmed Vahideddin, İrâde-i Seniyye, Fî 2 Safer sene 1337 - Fî 7 Teşrîn-i Sâni sene 1334: Harbiye Nezâreti, Muamelât-i Zâtiye Müdüriyeti 700, DUİT, 163/20_1-3, - [Atatürk], Osmanlı Belgelerinde Millî Mücadele ve Mustafa Kemal Atatürk, yayına hazırlayanlar: K. Gurulkan, Y. İ. Genç, M. Küçük ve ötekiler, Ankara, 2007, s. 304-305.

влено тем, что правительство младотурок под руководством Талаата подало в отставку и в стране образовался вакуум власти.

Уже 14 октября 1918 г., т.е. менее чем через неделю после отставки правительства младотурок, он отправил в канцелярию султана секретную телеграмму через своего доверенного друга врача Расима Ферита, проживавшего в столице.⁹ Уровень секретности был высоким, т.к. Кемаль этим посланием фактически начинал борьбу за власть, оставаясь на военной службе. В телеграмме он требовал уведомить султана о своем ожидании получения министерской должности в новом правительстве.¹⁰ Однако его амбиции на этом не ограничивались, т.к. он также предложил султану назначить на ключевые посты нового правительства нескольких своих друзей, включая кандидатуру на пост садразама (главы правительства).¹¹ То есть Кемаль планировал захват власти в Османской империи вместе со своими друзьями-заговорщиками.

Однако он переоценил свои возможности. Султан не ответил на его требования, и Кемаль не получил должности в новом правительстве, в отличие от некоторых своих друзей, которые были назначены министрами. Среди них был Рауф бей, один из близких друзей Кемалья, который позже стал его верным соратником.¹²

Неудача в попытке захвата власти не обескуражила Кемалья, и он не отказался от своих намерений. Он просто изменил тактику, т.к. понял, что даже в условиях хаоса во власти, которые он считал хаотическими, невозможно бороться за власть на расстоянии нескольких сотен километров. Нужно было находиться в центре событий лично. По этой при-

⁹ См. об этом: Şahin M., Cumhuriyet'in Temelinin Atilması Yolunda Atatürk'ün Mondros Mütarekesi Sonrası Şişli günleri, Sosyal Bilimler Dergisi, Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 55, Aralık 2015, s. 216.

¹⁰ См. в тексте телеграммы: Yeni bir Kabinenin Kurulması gereği, Başyaver Naci Bey'e, 14.10.1918, Çok Gizlidir [Atatürk], Gazi Mustafa Kemal Atatürk'ten Bize: Söylevleri, Konuşmaları, Söyleşileri, Anıları, Genelgeleri, Yazışmaları (1903 -1938)ö c. I (1903 - 22/4/1920), İstanbul, 1987, s. 245.

¹¹ Там же.

¹² Впоследствии занимал видные посты в кемалистском движении и в Турецкой Республике. Принял фамилию Орбай.

чине Мустафа Кемаль быстро подчинился приказу султана и немедленно отправился в столицу, чтобы продолжить борьбу за власть. Он стремился как можно быстрее воспользоваться сложившейся ситуацией, понимая, что после бегства лидеров младотурецкой партии в высшем эшелоне власти царит большая неопределенность, т.к. младотурки сосредоточили всю власть в руках небольшой группы членов Центрального комитета под руководством Талаата и Энвера. Теперь, когда они покинули страну, высшее звено не имело реальной власти, т.к. правительство, сменившее младотурок, полностью не контролировало рычаги власти. Мустафа Кемаль, имея значительный опыт в закулисных политических процессах и интригах в Османской империи в период правления младотурок, хорошо понимал, что в сложившейся ситуации для него открываются возможности проложить путь к высшим эшелонам власти в империи.

13 ноября 1918 г. Мустафа Кемаль уже был в столице. По странному стечению обстоятельств в этот же день вооруженные силы Антанты взяли под контроль стратегические пункты Константинополя. Население положительно восприняло их присутствие, что, вероятно, объясняется тем, что большинство населения составляли христиане, а среди мусульман было много не турок.¹³ Начинался последний период в истории Османской империи, известный в турецкой историографии как «период перемирия» (*mütarekede devri*).

Особенностью этого периода в Константинополе было то, что в нем сконцентрировалась основная часть элиты младотурецкой партии, управлявшей империей около десяти лет. Среди них было много преступников, ответственных за Геноцид армян, которые чувствовали угрозу ареста и наказания за свои преступления. В целом, оставшиеся в столице младотурки представляли собой хаотичную группу разгромленных, отчаявшихся и деморализованных людей.¹⁴ Однако тайная

¹³ Bilge C. N., *İstanbul under Allied Occupation 1918-1923*, Leiden: Brill, 1999, p. 7.

¹⁴ См. об этом: Akal E., *Mustafa Kemal, İttihat Terakki ve Bolşevizm Milli Mücadelenin Başlangıcında*, 2. Basım (genişletilmiş ve gözden geçirilmiş), İstanbul, 2006, s. 141.

преступная организация младотурок «Тешкилат-и Махсуса» («Особая организация») продолжала свою деятельность. Более того, лидеры младотурок, перед побегом из страны, успели создать другую тайную организацию – «Каракол», с целью подготовить свое возвращение и восстановление власти.

Прибыв в столицу, Мустафа Кемаль сначала поселился в одной из самых известных гостиниц того времени – “Пера Палас”, а через несколько дней переехал в дом одного из своих друзей. Однако, опасаясь своего ареста союзниками, он решил сменить место жительства и арендовал трехэтажный дом в районе Шишли. Хозяйкой дома была армянка по имени Аник Касабян.¹⁵ Второго декабря 1918 года он переехал туда, где и проживал до самого своего отъезда из столицы в мае 1919 года.

В столице Мустафа Кемаль сразу же погрузился в водоворот политических интриг, стремясь реализовать свою давнюю мечту занять высокое место в верхушке власти. Его расчет был прост: чтобы захватить власть надо воспользоваться тем, что лидеры младотурок бежали, и в верхах власти царит хаос. Для достижения этой цели ему нужно было найти сторонников, которые могли бы способствовать его восхождению к вершинам власти. Ему удалось окружить себя небольшим количеством давних приятелей: Али Фетхи¹⁶, Рауф¹⁷ и Исмаил Джанбулат¹⁸.

Примечательны и символичны его первые три встречи, состоявшиеся на следующий день после прибытия в столицу – 14 ноября. Если

¹⁵ Там же.

¹⁶ Али Фетхи в республиканский период принял фамилию Окьяр. Он был активным и авторитетным членом младотурецкой партии, принадлежал к ее руководящей группировке, избирался генеральным секретарем партии. Занимал руководящие посты и в годы кемалистского движения, и в республиканский период.

¹⁷ Упомянутый выше Рауф Орбай.

¹⁸ Исмаил Джанбулат был членом Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и одним из главных ответственных за Геноцид армян. См. об этом, например, British Foreign Office Dossiers on Turkish War Criminals by Vartkes Yeghiayan. LaVerne: American Armenian International College, 1991, p. 54. В 1926 г. он был повешен за участие в заговоре против своего бывшего друга Мустафы Кемаля.

две из них, встречи с давним другом Рауфом-беем и совместный визит к бывшему садразаму Ахмету Иззету Паше, широко освещались в турецкой историографии, то третья встреча, несмотря на её значимость, была описана турецкими исследователями весьма поверхностно.

Причина в том, что третья встреча Мустафы Кемалья, инициированная по его просьбе, не соответствует его мифологизированному образу и представляет его в неблагоприятном свете, поскольку он фактически предложил свои услуги британцам. Речь идет о встрече с английским журналистом, корреспондентом газеты «Daily Mail» в Константинополе Уордом Прайсом, который был известен своими тесными связями с британской разведкой. Кемаль представил ему следующий план: британцы берут под свой мандат восточные районы Османской империи, включая Западную Армению, и назначают его правителем этих районов, учитывая его богатый военный опыт. Источником этой информации является сам Уорд Прайс, который описал эту беседу в своих мемуарах, опубликованных в 1957 г. В научный оборот эту информацию ввел британский историк и автор фундаментальной биографии Ататюрка Лорд Кинросс.¹⁹

Журналист сообщил об этом предложении представителю британской военной разведки, который, однако, проигнорировал его, посчитав, что Кемаль не представляет интереса для Британии.²⁰ Понятно, что Кемаль нигде не упоминает об этой темной странице своей биографии. Ведь она явно свидетельствует о том, что он был готов вступить в ряды британской разведки и служить интересам Лондона, надеясь получить поддержку в борьбе за власть.

¹⁹ См. Lord Kinross, *Atatürk: The Rebirth of a Nation*, London: Weidenfeld and Nicolson, 1965, p. 141-142. Об этом писали и некоторые другие хорошо информированные западные авторы. См. Zürcher E. J., *The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement 1905- 1926*. Leiden: Brill, 1984, p. 107; Mango A., *Atatürk: The Biography of the Founder of Modern Turkey*, New York, 2002, pp. 201-202.

²⁰ Mango A., *Atatürk: The Biography of the Founder of Modern Turkey*. New York, 2002, p. 202.

Попытка установить контакт с британцами не была случайной. Кемаль был убежден, что британцы в основном положительно настроены к Османской империи. Эта мысль была выражена им в интервью газете “Vakit”, в котором он призывал правительство как можно быстрее понять, чего хотят британцы, и действовать соответственно.

С точки зрения стратегии Кемаль был прав, поскольку Великобритания традиционно рассматривала Турцию как противовес России, стратегической целью которой было завоевать проливы Босфор и Дарданеллы и Средиземное море. Будучи высокопоставленным военным, он был уверен, что британцы продолжают эту стратегию даже после Первой мировой войны и Русской революции 1917 г.

Биографы Кемаля подтверждают, что он не отчаялся после этой неудачи и в первые дни пребывания в столице продолжал встречаться с британскими представителями, ища возможности предложить им свои услуги. Так, на следующий день после встречи с Прайсом он встретился с британским генералом Уильямом Бирдвудом.²¹ Последний не оставил мемуаров, что означает, что тема их беседы никогда не станет известной.

Как уже упоминалось выше, англичане проигнорировали предложение Мустафы Кемаля. Однако последующие события показывают, что они не забыли об этом турецком паше, предлагавшем им свои услуги. Например, когда в январе 1919 года начались аресты и ссылка лидеров младотурецкой партии на остров Мальта, его не тронули, несмотря на то, что среди арестованных были его близкие друзья и соратники, с которыми он участвовал в активной подпольной заговорщической деятельности. Или же другой факт: назначение Мустафы Кемаля султаном на высокую военную должность в восточных провинциях империи произошло с одобрения британцев. Агент британской разведки Джон Беннетт в своих мемуарах свидетельствует, что когда он выразил сомнение в том, стоит ли выдавать Мустафе Кемалю пропуск и разрешать

²¹ Kocatürk U., Doğumundan Ölümüne Kadar Kaynakçali Atatürk Günlüğü, 2. basım, Ankara: AKDYYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2007, s. 119.

ему отправиться в восточные вилайеты, он получил указание от офиса верховного комиссара Великобритании немедленно предоставить ему пропуск.²²

Британцы осознали свою ошибку только тогда, когда Мустафа Кемаль укрепил свои позиции как лидер антигосударственного восстания, но было уже слишком поздно.

Как уже упоминалось, Мустафа Кемаль начал свою деятельность в столице с трех встреч, имеющих символическое значение и позволяющих понять основные направления его бурной деятельности, направленной на достижение высших позиций во власти. Так, в ходе беседы с бывшим садразамом Ахметом Иззет-пашой он предложил тому сделку: Кемаль использует свои связи среди младотурков, чтобы вернуть Иззет-пашу на пост премьера, а тот в благодарность за это назначает его военным министром. Но этот план провалился. Кемалю также не удалось добиться успеха и в ряде других подобных начинаний, поскольку он не смог завоевать доверие остающихся в столице авторитетных деятелей младотурецкой партии. Они, зная такие негативные черты его характера, как непомерная амбициозность, диктаторские замашки и склонность к интригам, не доверяли ему.²³ Поэтому даже после бегства за границу высших руководителей партии Талаата, Энвера и ряда других и фактического вакуума власти, ему не удалось занять руководящие позиции в правительстве или стать лидером младотурок.

Отчаявшись добиться власти путем политических интриг Кемаль вместе со своими близкими друзьями Фетхи, Рауфом и Джанбулатом создал тайную группу заговорщиков, стремящихся к захвату власти в империи путем насильственного захвата власти. Группа называла себя «Революционный комитет».²⁴ Один из турецких исследователей пишет, что заговорщики считали себя «естественными кандидатами на

²² [Benneth] Witness: The autobiography of John G. Benneth, Tucson: Omen Press, 1974, p. 14.

²³ Yalçın E. S., Mütareke döneminde Mustafa Kemal Paşa'nın İstanbul'daki faaliyetleri (30 Ekim 1918-16 Mayıs 1919), Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Araştırmaları Dergisi, 17 (28), 1995, s. 187.

²⁴ Там же.

власть».²⁵ Эти планы не были реализованы, т.к. Джанбулат изменил свою позицию и выступил против этих планов.²⁶ Но насколько обоснованны были претензии Мустафы Кемаля на власть? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть его связи с партией «Единение и прогресс» и её тайными организациями.

Вопрос членства Мустафы Кемаля в партии «Единение и прогресс» многократно обсуждался в турецкой и зарубежной историографии. Последние исследования однозначно свидетельствуют, что он был членом этой партии и входил в её руководящую группу в первые годы правления младотурок.²⁷ Некоторые авторы утверждают также, что он был одним из самых доверенных членов тайной организации младотурок «Тешкилат-ы Махсуса».²⁸ Это делает более достоверными свидетельства о том, что другая тайная организация младотурок «Каракол» значительно способствовала назначению Мустафы Кемаля на высокую должность в восточных вилайетах. Есть сведения о том, что в период его пребывания в Константинополе она снабжала его секретной информацией о деятельности оккупировавших столицу вооруженных сил Антанты.²⁹

Приведенные факты свидетельствуют о том, что претензии Мустафы Кемаля на власть объективно были обоснованы его положением в младотурецкой партии и его сотрудничеством с тайными организациями, созданными лидерами младотурок.

Остающиеся в столице ведущие деятели младотурецкой партии «Единение и прогресс» и правительства осознавали это и опасались за

²⁵ Koç N., Milli Mücadelenin Başlarındaki Gelişmelerin Hatıralar Çerçevesinde Değerlendirilmesi - Assessment of the Developments at the Beginning of Independence War within the Framework of Recollections, The Journal of Academic Social Science Studies, 6 (3), March 2013, s. 1237.

²⁶ Ünal S., Mustafa Kemal Paşa'nın Mütareke İstanbul'undaki Faaliyetleri, Tarih Okulu Dergisi (TOD), Yıl 7, XIX, Eylül 2014, s. 609-610.

²⁷ См., например, следующую работу: Akal E., Mustafa Kemal, İttihat Terakki ve Bolşevizm Milli Mücadelenin Başlangıcında. 2. Basım (genişletilmiş ve gözden geçirilmiş). İstanbul, 2006, s. 57-60.

²⁸ Şimşek E., Bahar İ., Türkiye'de İstihbaratçılık ve MİT. İstanbul, 2004, s. 173.

²⁹ Müezzinoğlu E., Millî Mücadele Döneminde İttihatçılar Üzerine bir Değerlendirme, İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi, 5 (8), 2016, s. 2918.

свое положение. Поэтому было принято решение отправить Кемалья как можно подальше от столицы, на восток империи, где можно было бы использовать его огромную энергию и организаторские способности, не беспокоясь за свое лидирующее положение. Примерно так же поступал один из высших руководителей младотурецкой партии и военный министр Энвер-паша в годы Первой мировой войны, который предпочитал держать Мустафу Кемалья подальше от себя и даже отправил его на месяцы на «лечение» за границу в самый разгар тяжелых боев.

По всей видимости, именно по этой причине зародилась идея назначить Кемалья инспектором 9-й армии, расквартированной в восточных вилайетах Османской империи. Опубликованные документы позволяют восстановить процесс назначения Мустафы Кемалья на эту должность. 30 апреля 1919 г. военный министр Шакир-паша предложил султану назначить Кемалья инспектором 9-й армии.³⁰ В тот же день султан издал соответствующий указ, который был передан тому же Шакир-паше³¹. Шестого мая военный министр уведомил Кемалья о принятом решении и приказал как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей.³² Шакир-паша приложил к приказу утвержденные правительством инструкции, которым Кемаль должен был следовать на новой должности.³³

Быстрота этого процесса свидетельствует о том, что руководство империи было заинтересовано в отправке Кемалья в восточные регионы. Анализ этих документов показывает, что Кемаль получил широкие полномочия, позволяющие ему контролировать не только все вооружен-

³⁰ См. в тексте проекта указа султана Вахиддина, составленном военным министром Шакир-пашой и направленном им султану: [Atatürk], Atatürk ile İlgili Arşiv Belgeleri: 1911-1921 Tarihleri Arasina ait 106 Belge, Ankara: T.C. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1982, s. 21.

³¹ См. в тексте султанского указа, подписанного также *садразом* и военным министром: [Atatürk], Atatürk ile İlgili Arşiv Belgeleri: 1911-1921 Tarihleri Arasina ait 106 Belge, Ankara: T.C. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1982, s. 22.

³² См. в тексте подписанных Шакир-пашой инструкций: [Atatürk], Atatürk ile İlgili Arşiv Belgeleri: 1911-1921 Tarihleri Arasina ait 106 Belge, Ankara: T.C. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1982, s. 22.

³³ См. там же, с. 23-24.

ные подразделения 9-й армии, но и гражданские власти вилайетов Трабзона, Эрзурума, Сиваса, Вана, а также отдельных санджаков Эрзинджана и Джаника. Фактически он становился правителем восточной части Османской империи.

Опубликованные в Турции официальные документы не позволяют понять истинные мотивы происходящего. Это характерно для Османской империи. Чтобы понять истинные причины, ход и цели событий, нужно обладать дополнительной информацией, не отраженной в официальных документах. Намек на нее можно найти в воспоминаниях одного из лидеров организации «Тешкилат-ы Махсуса» Хюсаметтина Эртюрка, который пишет, что агенты этой организации помогли Кемалю получить назначение на Востоке с целью создания там крупной организации.³⁴

Это объясняет также то обстоятельство, что ядро кемалистского движения составляли младотурки, в основном члены «Тешкилат-ы Махсуса». Приведем лишь следующий факт: из 60 участников состоявшегося в июле 1919 г. Эрзурумского конгресса кемалистов, ставшего фактически учредительным, 34 были членами младотурецкой партии.³⁵ Кемаль широко опирался на членов партии «Единение и прогресс» и организации «Тешкилат-ы Махсуса» также и в республиканский период. В частности, крупные посты занимали Кушчубаши Эшреф, Шукрю Кая и ряд других деятелей, участвовавших в Геноциде армянского народа. Примечательно, что членом «Тешкилат-ы Махсуса» был также третий президент Турецкой Республики Джелал Баяр, который при Кемале занимал пост премьер-министра.

³⁴ См. [Ertürk Hüsametdin], Samih Nafiz Tansu, İki Devrin Perde Arkası. Anlatan: Hüsametdin Ertürk, İstanbul: Çınar. 1969, s. 217.

³⁵ Расчет произведен нами на основе данных о партийной принадлежности участников конгресса, приводимых турецким исследователем Кылычкая М. Д.. Примечательно, что он Мустафу Кемалю причисляет к младотуркам. См.: Kiliçkaya M. D., Milli Mücadele'de Kongreler ve İttihatçılık Sorunu, <http://www.ait.hacettepe.edu.tr/akademik/arsiv/kongr.htm> (дата обращения 28.10.2023)

Как показало дальнейшее развитие событий, этот план лидеров младотурок был выполнен лишь частично. Организация была создана, но постепенно перешла под единоличную власть Мустафы Кемаля. Младотурецкие соратники были вынуждены подчиниться его воле и ждать его милости. В борьбе за власть он в конечном счете одержал победу.

ՄՈՒՍԹԱՖԱ ՔԵՄԱԼԸ ԿՈՍՏԱՆԴՆՈՒՊՈԼՍՈՒՄ. ԻՇԽԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՐ ՊԱՅՔԱՐԻ ԴՐՎԱԳՆԵՐ (1918 Թ. ՆՈՅԵՄԲԵՐ - 1919 Թ. ՄԱՅԻՍ)

Ռուբեն Սաֆրաստյան³⁶

Հոդվածում քննարկվում է Մուսթաֆա Քեմալի գործունեությունը Կոստանդնուպոլսում 1918 թվականի նոյեմբերից մինչև 1919 թվականի մայիսը: Հեղինակը քննության է առնում նրա քաղաքական ներգրավվածությունը մայրաքաղաքում, ներառյալ հանդիպումները Անտանտի ներկայացուցիչների հետ և իր հավակնությունների համար բրիտանական աջակցություն ապահովելու նրա փորձերը: Հոդվածում նշվում է, որ Մուսթաֆա Քեմալն օգտագործել է իր կապերը երիտթուրքական գաղտնի կազմակերպությունների հետ և խորապես ներգրավված է եղել քաղաքական ինտրիգների մեջ, որոնք ի վերջո հանգեցրել են նրա հաջողությանը: Օսմանյան կայսրության արևելյան նահանգներում լայն լիազորություններ ունեցող 9-րդ բանակի տեսուչ նշանակվելը թույլ տվեց նրան դառնալ իր անունը կրող ազգայնամոլական շարժման առաջնորդը, իսկ հետագայում՝ Թուրքիայի Հանրապետության հիմնադիրը:

Բանալի բառեր՝ Մուսթաֆա Քեմալ, Կոստանդնուպոլիս, իշխանության համար պայքար, երիտթուրքեր, գաղտնի կազմակերպություններ, 9-րդ բանակի տեսուչ, քեմալական շարժում

³⁶ Ռուբեն Սաֆրաստյանը ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս է, պ.գ.դ., պրոֆեսոր, էլ. փոստ՝ rsafrastryan@aua.am, ORCID: 0000-0002-4688-6412:

MUSTAFA KEMAL IN CONSTANTINOPLE: EPISODES OF THE STRUGGLE FOR POWER (NOVEMBER 1918 – MAY 1919)

Ruben Safrastyan³⁷

The article discusses Mustafa Kemal's activities in Constantinople from November 1918 to May 1919. During this period, he actively sought power in the Ottoman Empire. The author examines his political involvement in the capital city, including meetings with representatives of the Entente and his attempts to secure British support for his ambitions. In the article, it is noted that Mustafa Kemal utilized his connections with secret Young Turk organizations and was deeply involved in political intrigues, which ultimately led to his success. Appointment as inspector of the 9th Army, with extensive powers in the eastern provinces of the Ottoman Empire, allowed him to become the leader of the nationalist movement bearing his name and, later, the founder of the Republic of Turkey.

Keywords: Mustafa Kemal, Constantinople, struggle for power, Young Turks, secret organizations, inspector of the 9th Army, Kemalist movement

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Atatürk ile İlgili Arşiv Belgeleri: 1911-1921 Tarihleri Arasına ait 106 Belge, Ankara: T.C. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1982.
2. Witness: The autobiography of John G. Benneth, Tucson: Omen Press, 1974.
3. Tansu S. N., İki Devrin Perde Arkası. Anlatan: Hüsamettin Ertürk, İstanbul: Çınar. 1969.
4. Akal E., Mustafa Kemal, İttihat Terakki ve Bolşevizm Milli Mücadelenin Başlangıcında, 2. Basım (genişletilmiş ve gözden geçirilmiş), İstanbul, 2006.
5. Bilge C. N., İstanbul under Allied Occupation 1918-1923, Leiden: Brill, 1999.
6. British Foreign Office Dossiers on Turkish War Criminals by Vartkes Yeghiayan. LaVerne: American Armenian International College, 1991

³⁷ Ruben Safrastyan is a Member of the National Academy of Sciences RA, professor, E-mail: rsafrastyan@aua.am, ORCID: 0000-0002-4688-6412.

7. Kemal C., Mustafa Kemal'in Mondros Mütarekesi'ne Tepkisi, Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi, 46, Güz 2010, s. 367 - 400.
8. Kiliçkaya M. D., Milli Mücadele'de Kongreler ve İttihatçılık Sorunu, <http://www.ait.hacettepe.edu.tr/akademik/arsiv/kongr.htm> (Accessed 28.10.2023)
9. Kocatürk U., Doğumundan Ölümüne Kadar Kaynakçalı Atatürk Günlüğü, 2. basım, Ankara: AKDTYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2007, s.119.
10. Koç N., Milli Mücadelenin Başlarındaki Gelişmelerin Hatıralar Çerçevesinde Değerlendirilmesi - Assessment of the Developments at the Beginning of Independence War within the Framework of Recollections, The Journal of Academic Social Science Studies, 6 (3), March 2013, s. 1237.
11. Lord Kinross, Atatürk: The Rebirth of a Nation, London: Weidenfeld and Nicolson, 1965, p. 141-142.
12. Mango A., Atatürk: The Biography of the Founder of Modern Turkey, New York, 2002
13. Müezzinoğlu E., Millî Mücadele Döneminde İttihatçılar Üzerine bir Değerlendirme, İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi, 5 (8), 2016, s. 2918.
14. Sadriazam ve Harbiye Nâziri Ahmed İzzet, Mehmed Vahideddin, İrâde-i Seniyye, Fî 2 Safer sene 1337 - Fî 7 Teşrîn-i Sâni sene 1334: Harbiye Nezâreti, Muamelât-i Zâtiye Müdüriyeti 700, DÜİT, 163/20_1-3, - [Atatürk], Osmanlı Belgelerinde Millî Mücadele ve Mustafa Kemal Atatürk. Yayına Hazırlayanlar: K. Gurulkan, Y. İ. Genç, M. Küçük ve ötekiler, Ankara, 2007.
15. Sonyel R. S., Gizli Belgelerde Mustafa Kemal, Vahdetin ve Kurtuluş Savaşı. Ankara, 2010.
16. Şahin M., Cumhuriyet'in Temelinin Atılması Yolunda Atatürk'ün Mondros Mütarekesi Sonrası Şişli günleri, Sosyal Bilimler Dergisi, Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 55, Aralık 2015.
17. Şimşek E., Bahar İ., Türkiye'de İstihbaratçılık ve MİT. İstanbul, 2004.
18. Ünal S., Mustafa Kemal Paşa'nın Mütareke İstanbul'undaki Faaliyetleri, Tarih Okulu Dergisi (TOD), Yıl 7, XIX, Eylül 2014.
19. Yalçın E. S., Mütareke döneminde Mustafa Kemal Paşa'nın İstanbul'daki faaliyetleri (30 Ekim 1918-16 Mayıs 1919), Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Araştırmaları Dergisi, 17 (28), 1995.

20. Yeni bir Kabinenin Kurulmasi gereği, Başyaver Naci Bey'e, 14.10.1918, Çok Gizlidir.[Atatürk], Gazi Mustafa Kemal Atatürk'ten Bize: Söylevleri, Konuşmaları, Söyleşileri, Anıları, Genelgeleri, Yazışmaları (1903 -1938)ö c. I (1903 - 22/4/1920), İstanbul, 1987.

21. Zürcher E. J., The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement 1905- 1926. Leiden: Brill, 1984.

Ваграм Петросян¹

к. ист. н., доцент,
директор Института арменистики ЕГУ

Александр Сафарян²

к. ист. н., профессор,
заведующий кафедрой тюркологии ЕГУ

«ТЮРКЧЮЛЮК» В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ (ВЗГЛЯД ИЗ ЕРЕВАНА)

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.102

В статье рассматривается проблематика восприятия в Российской Федерации, в тюркских странах постсоветского пространства и Армении возможностей претворения в жизнь фундаментальных целей программы тюркчюлюка через сто лет после ее формирования виднейшим апологетом этой идеологии З. Гекальпом (1876-1923). Идея тюркского единства активно обсуждается в СМИ, научно-общественных и политических кругах, утверждение общетюркских ценностей и широкомасштабное межтюркское сотрудничество в разных областях воспринимались политическими и культурными элитами тюркоязычных стран Центральной Азии как некий адаптационный механизм в условиях соседства со сверхмощными державами – Россией и Китаем. Несмотря на абсолютную уверенность Гекальпа в том, что главным препятствием на пути тюркчюлюка была лишь Советская Россия, и через тридцать лет после распада СССР политические, экономические, культурные элиты постсоветских тюркоязычных стран прагматически осознают возможности реального единения и линии дифференциации. Императивом для армянской историографии был постулат: именно Россия способна и безальтернативно будет противостоять тюркизму, решение же

¹ Эл. почта: v.petrosyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-7496-8773.

² Эл. почта: alexander-safarian@ysu.am, ORCID 0009-0006-2250-4877.

проблематики безопасности Армении экзистенциально выводилось из этого утверждения. Сегодня в российской тюркологии звучат голоса, призывающие к более «гибкому» пониманию самого термина «тюркизм», да и истории Османской империи и российско-турецких отношений, по-новому представляется картина не только многовекового жесткого противостояния, но и периодов позитивного взаимодействия, акцентируется важность построения «нового модуса» политики России и взаимовыгодного сотрудничества с тюрко-мусульманским миром. В условиях имплементации видения многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского Партнерства, по мнению российских и турецких исследователей, представляется важным участие Армении в формате «3+3», который для востоковедов и политологов является оптимальной площадкой для согласования острых дискуссионных вопросов многостороннего сотрудничества, и по оптимистическому сценарию может способствовать процессу нормализации отношений Армении с Азербайджаном и Турцией.

Ключевые слова: тюркчюлюк, Зия Гекальп, тюркские страны постсоветского пространства, российско-турецкие и российско-азербайджанские отношения, армяно-азербайджанские и армяно-турецкие отношения

Зия Гекальп – «великий «наставник» (мюршид) (как его называли последователи)³, крупнейший идеолог тюркизма, в своей фундаментальной работе «Основы тюркизма»⁴ сформулировал теоретические основы и программу длительных алгоритмов действий для последовательного достижения конечной исторической цели – создания великого Турана. В данной статье мы постараемся по возможности сжато обрисовать ситуацию, связанную с реалиями претворения в жизнь и

³ См. Гордлевский В., Идеология новой Турции, Избранные сочинения, т. 3 (История и культура), Москва, 1962, с. 497, Safaryan Al., Ziya Gökalp on National Education, Iran and the Caucasus, 8.2, Brill, Leiden-Boston, 2004, pp. 219–229. Об осмыслении роли Зии Гекальпа в турецкой историографии и публицистике см. подробнее Սաֆարյան Ա., Թուրքական գործադիպարության պատմությունից, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 2 (647), մայիս-օգոստոս, Երևան, 2016, էջ 86-93. См. и ср. Также Սիմոնյան Ա., Սաֆարյան Ա., Հայաստանյան պատմաբանների աշխատություններում թյուրքականության գաղափարախոսության գնահատման պատմությունից, Պատմություն և մշակույթ, 2, Երևան, 2019, էջ 129-136:

⁴ Gökalp Z., Türkçülüğün Esasları, 4. basılış, İstanbul, 1961, далее – “Türkçülüğün Esasları”

эволюции идей Зии Гекальпа в тюрко-мусульманском мире и соседних странах через столетие после выхода его труда и обозначить проблему модуса выработки соответствующих «адаптационных механизмов» для внешней политики Республики Армения и формирования повестки дня общеармянского общественно-политического дискурса.

Как подчеркивала известный российский востоковед С.Ф. Орешкова «существовавшие издревле тюрко-славянские связи порождали необходимость у живущих по соседству народов накапливать знания друг о друге. Россияне, хотя и считают себя традиционно принадлежащими к европейскому миру, всегда учитывали свое тесное соседство с миром Востока <...> В России раньше, чем в других странах, почувствовали многообразие тюркского мира, а это породило возникновение в российском востоковедении двух терминов: «тюркология» и «туркология». <...> Разделение таких понятий, как «турки» и «тюрки», естественно и закономерно, но до сих пор не всегда принимается зарубежным востоковедением, где слово *turk* зачастую относят как к населению Турции, так и ко всем народам тюркской группы».⁵ Кажущаяся лишь терминологической проблема «чувствительно» перекликается с продвижением доктрин туранизма, или пантюркизма.⁶

После распада СССР Турция живо реагировала на «просыпающиеся» национальные идеи в приобретших независимость тюркоязычных странах и последовательно добивалась заполнения создавшегося идеологического вакуума посредством использования религиозной и лингвогенетической общности. Идея тюркского единства, начиная с девяностых годов прошлого столетия, активно обсуждается в турецких СМИ, научных, общественных и политических кругах. Одновременно

⁵ Орешкова С., Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики, *Turcica et Ottomanica*, сост.: Зайцев И., Орешкова С., Москва: Ин-т востоковедения РАН 2006, с.15.

⁶ См. Սաֆարյան Ա., Պողոսյան Ն., Հայագիտության և թյուրքագիտության «հատման տիրույթի» սուր բանավիճային հիմնահարցերի ուսումնասիրության ոլորտում եվրասիական համալսարանների համագործակցության մասին, Հայ-ռուսական ռազմավարական դաշինքի ընտիր էջեր: Հոդվածների ժողովածու, Երևան, 2022, էջ 38-39:

надо отметить, что утверждение общетюркских ценностей и воистину широкомасштабное межтюркское сотрудничество в самых разных областях воспринимались политическими и культурными элитами тюркоязычных стран Центральной Азии более как некий адаптационный механизм в отношениях с соседними сверхмощными державами – Россией⁷ и Китаем, однако “классическая” (в понимании Зии Гекальпа) политика не стала действительностью, т.к. противостояла реальному, давно сложившемуся казахскому, киргизскому, узбекскому, туркменскому национальному самосознанию: ведь узбекский, казахский, туркменский, киргизский языки не только имеют богатейшие литературные традиции, но и де-факто и де-юре являются конституционно закрепленными государственными языками суверенных государств, и сама гекальповская постановка вопроса возможности определения вышеназванных языков как “диалектов” единого турецкого сегодня может прозвучать в тюркоязычных странах Центральной Азии как нонсенс. Даже в Азербайджане, где претворяется в жизнь лозунг “Одна нация, два государства”, “азербайджанский турецкий”, давно и безвозвратно получивший статус государственного и литературного языка (по фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям), отличен от турецкого, хотя в некоторых турецких словарях он традиционно продолжает именоваться азербайджанским диалектом. Естественно, подавляющее большинство верующих мусульман в Азербайджане являются шиитами и их религиозное самосознание не идентично национально-религиозному самосознанию – идеалу Зии Гекальпа.⁸ Несмотря на то, что конкретный анализ текста «Основы тюркизма» показывает абсолютную уверенность Гекальпа в том, что главным препятствием на пути тюркчюлюка,

⁷ Проф. Л. Хуршудян, еще до создания ЕАЭС, настаивал: “Народы союзных республик, которые спаслись от длительных национальных репрессий, провозгласив свою национальную независимость, ныне признавая необходимость интегрирования с Россией, хотят быть не в ее составе, а рядом, не в федеративном или конфедеративном государстве с русскими, а в составе объединения, похожем на Евросоюз” [Խորշուդյան Լ., Հայրց ազգային գաղափարախոսություն, Երևան, 1999, էջ 96].

⁸ См. Türkçülüğün Esasları, s. 124.

особенно второго его периода – огузджулука, было лишь политическим (т.е. доминирование Советской России), и сегодня через тридцать лет после распада СССР политические, экономические, культурные элиты постсоветских тюркоязычных стран прагматически осознают возможности реального единения и линии дифференциации.⁹

Преобладающим и незыблемым для армянской исторической мысли двадцатого-начала двадцать первого веков являлось понимание геополитических императивов, связанных с постулатом, что именно Россия способна и безальтернативно будет противостоять тюркизму: решение же проблематики безопасности Армении экзистенциально выводилось из данного постулата. Сотрудничество «Ленин-Ататюрк» и в двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия между Турцией и СССР «автономно» рассматривалось армянской советской историографией и публицистикой (на протяжении второй половины двадцатого-начала двадцать первого веков) как некая «ошибка» или отклонение большевиков от понимания исторического предназначения российской имперской миссии.¹⁰ Нельзя не констатировать, что и сам Зия Гекальп в «Основах тюркизма» безоговорочно настаивал, что главными врагами идеологии туранизма являются именно социализм и Россия.¹¹ В советской же тюркологии доминировало дифференцированное отношение – однозначно негативное к пантюркизму (пантуранизму), но «пренебрежительное» или «одобрительное» к туркизму¹², в соответствующих русскоязычных исследованиях, как пра-

⁹ См. подробнее Սաֆարյան Ա., Հիշա Գյոքալփը և «Թյուրքականության հիմունքները», Երևան, 2012, էջ 242-248.

¹⁰ См. Խոսրոսյան Լ., Հայոց ազգային գաղափարախոսություն, Երևան, 1999:

¹¹ См. Türkçülüğün Esasları, s. 19, см. и ср. также Gökalp Z., Türkleşmek, İslamlaşmak, Müasirlaşmak (Hazırlayan: K. Bek), İstanbul, 2004, ss. 88-90, Սաֆարյան Ա., Հիշա Գյոքալփը և «Թյուրքականության հիմունքները», էջ 68-78.

¹² См. в частности Тверитинова А., Младотурки и пантюркизм, “Краткие сообщения Института Востоковедения АН СССР”, XXII, 1956, сс. 69-70, Ибрагимов А., Печать Турции, Москва, 1965, с. 13, Гасанова Э., Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914), Баку, 1966, с. 6, Рустамов Ю., Современная турецкая буржуазная социология (критический очерк), Баку, 1967, его же: Ислам и общественная мысль современной Турции, Баку, 1980, Фадеева И., Об эволюции светских тенденций в социально-политическом развитии Турции. К постановке вопроса,

вило, умалчивался или затушевывался тот факт, что в «Основах тюркизма» Зии Гекальпа турецкий национализм (Türkiyecilik), императив единения огузских народов – турок, азербайджанцев и туркмен (Oğuzculuk) и пантюркизм (Turancılık) безоговорочно рассматриваются как три исторические ступени единой программы тюркизма (Türkçülük).¹³

После распада Советского Союза в российской тюркологии прозвучали голоса, призывающие к более «гибкому» пониманию самого термина «тюркизм», да и истории Османской империи и российско-турецких отношений. Предлагалось по-новому обрисовать картину не только многовекового жесткого противостояния, но и периодов позитивного взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества. С.Ф. Орешкова настаивала на том, что «перед османистикой в настоящее время стоят новые задачи: сбросить политическую шелуху, заново продумать исторические закономерности возникновения и столь длительного существования Османской империи, отказаться от предвзятости в оценке российско-османских отношений и утверждений о якобы предопределенной враждебности двух империй друг другу, выявить культурные, социально-политические и этнопсихологические последствия объединения разных народов в одно государственное образование».¹⁴

Взгляд на российско-турецкие (тем более русско-тюркские) многовековые отношения как на исключительно антагонистические, сегодня подвергается пересмотру в историографии и востоковедении как российской, так и других постсоветских стран: ведь ретроспективно можно обрисовать и модель исторических периодов – «приливов и отливов», и такое «диалектическое» понимание исторических процессов и политических реалий современности, к сожалению, не привито в армянской

Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока, 7, Москва, 1982, с. 88, Алиев А., Роль националистических идей Зии Гекальпа в формировании идейно-политической платформы кемализма, Вестник Ленинградского университета, 20 (4), Ленинград, 1982, Дятлов Ю., Некоторые аспекты националистической доктрины турецкого философа Зии Гекальпа, в кн. Османская Империя. Государственная власть и социально-политическая структура, Москва, 1990, сс. 322-335.

¹³ См. Türkçülüğün Esasları, ss. 17-21.

¹⁴ См. Орешкова С., указ. соч., с. 28.

действительности, несмотря на бесспорную «экзистенциальность» проблемы для нашей государственности.¹⁵

После поражения в сорокачетырехдневной войне в армянском общественно-политическом дискурсе объективно возник императив выработки адаптационных механизмов к новым реалиям, учитывающим новые форматы взаимодействия России и Турции (в том числе на постсоветском пространстве), всевозрастающей роли и активности Турции в Закавказье и Центральной Азии. Однозначное декларирование поиска союзников по созданию некой антитурецкой коалиции или же традиционное рассмотрение роли Армении как непреодолимого препятствия и даже уникального «незыблемого бастиона» на пути интеграционных процессов в тюрко-мусульманском мире сегодня подвергаются последовательной критике со стороны многих оппонентов, в том числе сторонников сохранения и укрепления армяно-российских союзнических отношений. В самой же российской действительности сегодня весьма осторожно, точнее трепетно, относятся к интерпретациям самого термина «тюркизм» и к проблематике отношений с Турцией и стратегического партнерства с тюркоязычными странами постсоветского пространства, понимают чувствительность комплекса вопросов для тюркоязычных народов Российской Федерации. Открыто звучат и призывы рассматривать тюркизм как растущий и развивающийся проект и (несмотря на констатацию преобладания в целом антироссийских форм и потенциальной угрозы) утверждается, что «Россия совершенно точно обладает

¹⁵ Проф. Л. Хуршудян писал: «Если претворение в жизнь идеи великого Турана с одной стороны грозит поголовным уничтожением армянскому народу, созданному вновь независимой армянской государственности, то с другой – оно раздробит Российскую империю, отделив от нее территории, населенные тюркоязычными народами. Турция и Россия на этой почве стали вечными и непримиримыми врагами. Идеологи пантюркизма вырыли те окопы, с одной стороны которых оказалась Турция, с другой – Россия и Армения как союзники. История оставила армянскому народу один путь противостояния пантюркизму, спасение от геноцида – союз с Россией». См. Խուրշուդյան Լ., Հայրը ազգային գաղափարի փոփոխություն, էջ 76-77. Данная формулировка явно требует разъяснений и «уточнений» в современных конкретных условиях – исторического периода открыто декларированного прагматического взаимодействия и сотрудничества Российской Федерации и Турции.

всеми возможностями и средствами для того, чтобы превратить тюркизм в дружественную России силу, сформировать его повестку и даже «возглавить» его.¹⁶ Утверждается и мысль, что для следования по пути наименьшего сопротивления «средств и усилий <...> много не нужно. Нужна воля и творческая инициатива».¹⁷

В период взаимовыгодного сотрудничества России с Турцией и Азербайджаном и сближения тюркских стран, имплементации российского видения многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского Партнерства, поиска новых аргументов для развития союзнических отношений между Арменией и РФ, представляется важным участие Армении в формате «3+3». Как известно, вышеназванный формат предполагает участие Азербайджана, Армении и Грузии и одновременно соседей региона – России, Турции и Ирана, и превращение Южного Кавказа в регион активного совмещения транспортных путей с Севера на Юг и с Запада на Восток по весьма оптимистическому сценарию – создание торгового и цивилизационного перекрестка. Для многих востоковедов и политологов (в том числе российских) именно формат «3+3» является оптимальной площадкой для согласования политических и экономических вопросов многостороннего сотрудничества, и может способствовать процессу нормализации отношений Армении с Азербайджаном и Турцией.

¹⁶ Бахревский Е.: “Россия может превратить тюркизм в дружественную силу”, “Мягкая сила” и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями. Коллективная монография, ред. Я. Амелина, Кавказский геополитический клуб., Москва, 2023, с. 359.

¹⁷ Там же.

ԹՅՈՒՐՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ XXI ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ. ԻՄՊԼԵՄԵՆՏԱՑԻԱՆ և ԷԿՈԼՅՈՒՑԻԱՆ (ՀԱՅԱՑՔ ԵՐԵՎԱՆԻՑ)

Վահրամ Պետրոսյան¹⁸, Ալեքսանդր Սաֆարյան¹⁹

Հոդվածում քննվում է Ռուսաստանի Դաշնությունում, հետխորհրդային տարածքի թյուրքալեզու երկրներում և Հայաստանում թյուրքականության ծրագրի հիմնարար նպատակների կենսագործման հնարավորության ընկալումը՝ այդ գաղափարախոսության ամենաականավոր ջափագով Զիյա Գյոքալփի (1876-1923) կյանքից ու գործունեությունից մեկ դար անց: Թյուրքական միասնության դրսևորումները լուսաբանվում են ՁԼՄ-ներում, քննարկվում գիտական ու հասարակական-քաղաքական շրջանակներում, համաթյուրքական արժեքների հաստատումը և լայնամասշտաբ միջթյուրքական համագործակցությունը ամենատարբեր ոլորտներում Կենտրոնական Ասիայի թյուրքալեզու երկրների քաղաքական և մշակութային ընտրանու կողմից առավելապես դիտարկվում են որպես որոշակի ադապտացիոն մեխանիզմ՝ գերհզոր տերությունների՝ Ռուսաստանի և Չինաստանի հարևանության պայմաններում: Թեև Գյոքալփը աներկբա պնդում էր, որ թյուրքականության ճանապարհի գլխավոր խոչընդոտը խորհրդային Ռուսաստանն է, անգամ ԽՍՀՄ փլուզումից երեք տասնամյակ անց հետխորհրդային տարածքի թյուրքալեզու երկրների քաղաքական, տնտեսական, մշակութային ընտրանին պրագմատիկ կերպով է ընկալում իրական միավորման հնարավորությունները և տարբերակման գծերը: Հայ պատմագրության համար հրամայական է եղել այն պնդումը, որ հենց Ռուսաստանն է ի զորու հակազդելու թյուրքականությանը և դա անելու է մշտապես և անվերապահ: Հայաստանի անվտանգության հիմնահարցերի գոյաբանական լուծումներն էլ ածանցվել են այս պնդմանը: Այսօր ռուսաստանյան թյուրքագիտության մեջ հնչում են ձայներ, որոնք կոչ են հղում ավելի «ճկուն» ընկալել թյուրքականության եզրույթն իսկ, և նույնիսկ Օսմանյան Կայսրության ու ռուս-թյուրքական հարաբերությունների պատմությունը, նորովի է ներկայացվում ոչ միայն բազմադարյա հակամարտության, այլև պոզիտիվ փոխգործակցության փուլերի պարկերը, շեշտադրվում է Ռուսաստանի Դաշնության քաղաքակա-

¹⁸ Վահրամ Պետրոսյանը ԵՊՀ Հայագիտության ինստիտուտի տնօրենն է, պ.գ.թ., դոցենտ, էլ. փոստ՝ v.petrosyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-7496-8773:

¹⁹ Ալեքսանդր Սաֆարյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի թյուրքագիտության ամբիոնի վարիչն է, պ.գ.թ., պրոֆեսոր, էլ. փոստ՝ alexander-safarian@ysu.am, ORCID 0009-0006-2250-4877:

նության «նոր մոդուսի» ձևավորման և թյուրք-մուսուլմանական աշխարհի հետ փոխշահավետ համագործակցության կարևորությունը: Եվրասիական լայնամասշտաբ փոխգործակցության շրջանակներում ռուսաստանյան ու թուրք հետազոտողները կարևորում են Հայաստանի Հանրապետության մասնակցությունը «3+3» ձևաչափին, որը արևելագետների և քաղաքագետների կողմից ընկալվում է, որպես տարածաշրջանի երկրների՝ սուր բանավեճերի քննարկման օպորտուն հարթակ, որը լավատեսական սցենարով կարող է նպաստել Հայաստանի՝ Ադրբեջանի և Թուրքիայի հետ հարաբերությունների կարգավորմանը:

Քանալի բառեր՝ թյուրքականություն, Զիյա Գյոքալփ, հետխորհրդային տարածքի թյուրքական երկրներ, ռուս-թուրքական և ռուս-ադրբեջանական հարաբերություններ, հայ-ադրբեջանական և հայ-թուրքական հարաբերություններ

“TÜRKÇÜLÜK” AT THE BEGINNING OF THE 21 ST CENTURY: IMPLEMENTATION AND EVOLUTION (A VIEW FROM YEREVAN)

Vahram Petrosyan²⁰, Alexander Safarian²¹

The article investigates the issues of perception in the Russian Federation, Turkic countries of the post-Soviet region, and Armenia regarding the potential realization of the fundamental objectives of türkçülük, a century after its formulation by its prominent apologist, Ziya Gökalp (1876-1923). The notion of Turkic unity is actively ongoing in the media, academic, and political spheres. The endorsement of pan-Turkic principles and the encouragement of extensive Turkic cooperation in diverse areas are viewed as an “adaptive mechanism” by the political and cultural elites of Turkic-speaking countries in Central Asia to counterbalance neighbouring superpowers such as Russia and China. Despite Gökalp’s absolute confidence that Soviet Russia was the main obstacle to türkçülük, thirty years after the USSR’s collapse, the political, economic, and cultural elites of post-Soviet Turkic-speaking countries pragmatically recognize the possibilities for real unity and differentiation. The imperative concept for Armenian historiography was that Russia was capable and would have no alternative to resist

²⁰ Vahram Petrosyan is a Head of the Institute of Armenology at YSU, PhD, associate professor, E-mail: v.petrosyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-7496-8773.

²¹ Alexander Safarian is a Head of the Chair of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, professor, E-mail: alexander-safarian@ysu.am, ORCID 0009-0006-2250-4877.

pan-Turkism: the solution to the existential security issues of Armenia was deduced from the above-mentioned statement. Today, voices in Russian Turkology call for a more “flexible” understanding of the term “Turkism”, as well as of the history of the Ottoman Empire and Russian-Turkish relations. A new perspective emerges not only on centuries-old confrontation but also on periods of positive interaction, emphasizing the importance of constructing a “new modus” for Russia’s policy and mutually beneficial cooperation with the Turkic-Muslim world. In the context of implementing a vision of multilateral cooperation within the framework of the Greater Eurasian Partnership, Armenia’s participation in the “3+3” format appears crucial, serving as an optimal platform for orientalists and political scientists to coordinate contentious issues of multilateral cooperation, and optimistically contributing to the process of normalizing Armenia’s relations with Azerbaijan and Turkey.

Keywords: *Türkçülük, Ziya Gökalp, Turkic countries of the post-Soviet space, Russian-Turkish and Russian-Azerbaijani relations, Armenian-Azerbaijani and Armenian-Turkish relations*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Խուրշուդյան Լ., Հայոց ազգային գաղափարախոսություն, Երևան, 1999:
2. Սաֆարյան Ա., Զիյա Գյոքալփը և «Թյուրքականության հիմունքները», Երևան, 2012:
3. Սաֆարյան Ա., Թյուրքական գյոքալփագիտության պատմությունից, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 2 (647), մայիս-օգոստոս, Երևան, 2016, էջ 86-93:
4. Սաֆարյան Ա., Պողոսյան Ն., Հայագիտության և թյուրքագիտության «հատման տիրույթի» սուր բանավիճային հիմնահարցերի ուսումնասիրության ոլորտում եվրասիական համալսարանների համագործակցության մասին, Հայ-ռուսական ռազմավարական դաշինքի ընտիր էջեր: Հոդվածների ժողովածու, Երևան, 2022, էջ 38-39:
5. Սիմոնյան Ա., Սաֆարյան Ա., Հայաստանյան պատմաբանների աշխատություններում թյուրքականության գաղափարախոսության գնահատման պատմությունից, Պատմություն և մշակույթ, 2, Երևան, 2019, էջ 129-136:

6. Алиев А., Роль националистических идей Зии Гекальпа в формировании идейно-политической платформы кемализма, Вестник Ленинградского университета, 20 (4), Ленинград, 1982,
7. Гасанова Э., Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914), Баку, 1966.
8. Гордлевский В., Идеология новой Турции, Избранные сочинения, т. 3 (История и культура), Москва, 1962.
9. Дятлов Ю., Некоторые аспекты националистической доктрины турецкого философа Зии Гекальпа, в кн. Османская Империя. Государственная власть и социально-политическая структура, Москва, 1990, сс. 322-335.
10. Е. Бахревский, Россия может превратить тюркизм в дружественную силу, “Мягкая сила” и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями. Коллективная монография, ред. Я. Амелина, Кавказский геополитический клуб., Москва, 2023.
11. Ибрагимов А., Печать Турции, Москва, 1965,
12. Орешкова С., Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики, *Turcica et Ottomanica*, сост.: Зайцев И., Орешкова С., Москва: Ин-т востоковедения РАН 2006.
13. Рустамов Ю., Ислам и общественная мысль современной Турции, Баку, 1980,
14. Рустамов Ю., Современная турецкая буржуазная социология (критический очерк), Баку, 1967.
15. Тверитинова А., Младотурки и пантюркизм, Краткие сообщения Института Востоковедения АН СССР, XXII, 1956.
16. Фадеева И., Об эволюции светских тенденций в социально-политическом развитии Турции. К постановке вопроса, Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока, 7, Москва, 1982.
17. Gökalp Z., *Türkçülüğün Esasları*, 4. basılış, İstanbul, 1961.
18. Gökalp Z., *Türkleşmek, İslamlaşmak, Muâsirlaşmak* (Hazırlayan: K. Bek), İstanbul, 2004, ss. 88-90,
19. Safaryan A., Ziya Gökalp on National Education, Iran and the Caucasus, 8.2, Brill, Leiden-Boston, 2004, pp. 219–229

Лусине Саакян¹

к.ф.н., доцент,

заведующая отделом армяно-османских связей института

Арменистики ЕГУ

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН ХАХТИК (ХАЛДИЯ) В ВИЗАНТИЙСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛЕНИЯХ

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.114

Согласно греко-римским и армянским источникам, местность Хахтик (Халдия), разбросанная среди Какчкарских холмов Пархарьянских (Понтаканских) гор на северо-западе Великой Армении, граничащая с провинцией Тайк, была одной из колыбелей армян в древние времена. Подтверждение тому древние армянские топонимы региона и хахтик-амшенский диалект. В частности, в древнем мире армян Хагтика помнят под именем Арменохалиб. Халиб указан не как этноним, а как ремесло местных армян. Люди Хатика были известны как первооткрыватели железа, земледельцы и торговцы, а также храбрые воины. В Хахтике армянский народ вместе с другими народами создавал свою военно-политическую, духовную и культурную историю, которая впоследствии стала основой формирования полунезависимого армянского княжества Амшена в VIII в. На протяжении веков в Хахтике правили армянские князья. Северо-западные районы региона были владением княжеского рода Мамиконян. Неслучайно в V в., во время Вардананской войны, горы и крепости Хагтика служили важными военными базами для армянских князей. В VII-VIII вв. в византийском административном делении Хахтик входил в состав второй по численности фемы империи – Армениакона. В IX в. она отделилась и стала отдельной фемой. После завоевания Трапезунда османами Хахтик попал под османское правление.

Ключевые слова: Халдия (Хахтик), арменохалиб, колыбель армян, переработчик железа, фема, армянское княжество, фема Армениак, Мамиконян

¹ Эл. почта lsahakyan@ysu.am, ORCID 0009-0001-2072-2778.

Вступление

История страны Хахтик (Халдия) ждет новых открытий. Порой создается неверное представление, будто массовое заселение армянами этой провинции началось с основания в VIII в. княжества Амшен, в то время как анализ и сопоставление исторических фактов подтверждают, что провинция Хахтик всегда являлась неделимой частью колыбели армян и армянского государства. Для того, чтобы детально изучить историю расположенной в долинах Каджкарского хребта Хахтиксских или Пархарских (Понтийских) гор армянской провинции Хахтик и основанного на ее территории княжества Амшен, необходимо иметь четкое представление об историко-географической ситуации в регионе. С древних времен военно-политические события, происходившие там, оказывались фатальными для территории в целом и для армян этого региона в частности. Факты из источников показывают, что историю провинции Хахтик следует изучать в контексте Великой Армении, тем самым восстанавливая истинную панораму событий этого региона. Время от времени Хахтик был либо частью армянского государства, либо находился под контролем армянских царей.

Халдия (Хахтик) – колыбель армян

В греко-римских и армянских первоисточниках задокументированы достоверные факты, подтверждающие, что, по соседству с другими народами, в области Халдия, или Хахтик, жил и созидал армянский народ, творил свою политическую, духовную и культурную историю, шел военным путем, что в общей сложности подготовило почву для возникновения впоследствии, в VIII в., на северо-восточной окраине региона армянского княжества Амшен. Местность эту греки называли *Халб* или *Арменохалб*, обитателей – *арменохалибами*, а страну, соответственно, *Халиб*. Римский историк Плиний Старший (61-113 гг.) в разделе «Географии» своей «Естественной истории» (*Naturali Historia*) сообщает важные сведения о Балканах и прибрежных районах Черного моря, а также об области Хахтик (Халдия). Живших по соседству с армянами

историк называет халибов *Армено халибс* (*Armeno chalibes*), а Халдию иногда называет Страной армян.²

Известный историк Н. Адонц пишет, что Chald-in – это название армян-халибов, т.е. хахтикских армян, а в топониме Халдия – по-армянски Хахтик, мы видим корень *хах-* (*Chal*), означающий «металл», морфему собирательного существительного *-ти*, и числообразующую *-к*. Хах-тикцы были известными добытчиками железной руды. Из их карьеров поначалу добывалось серебро.³ Греческие историки характеризовали хахтицев как открывателей железа, а наименование Хахтик (Халиб) упоминалось ими не как этноним, а как профессия хахтицев.⁴ Для большинства из них источником средств существования была переработка железа.⁵

Античные греческие историки считали, что населенные пункты хахтицев располагались на южном побережье Черного моря к западу от моссинойков и восточнее тибаренов⁶. По локализации Н. Адонца, Хахтик, или страна хахтицев, занимала территорию между рекой Чорох и Понтийскими горами, тянувшимися до Трапезунда.⁷ Страну Хахтик, которой в дальнейшем суждено было стать «византийской фемой Халтис», А. Ташян размещал «по краю Черного моря, до самого устья Чороха».⁸

А. Мелконян пишет: «Нередко являясь частью земли Тайк, страна Хахтик в действительности с древнейших времен была заселена армянами. Неслучайно первых обитателей этих мест греки называли арменохалибами, что значит армянские обитатели земли Хахтик-Халиб. Кстати, армяне также населяли весь Тайк и северо-западные территории

² Pliny, *Naturali Historia, Geography and Ethnography*, Loeb Classical Library, Translated by H. Rackham, Books 1-2, 1938. p. 350. Ср.: Ադոնց Ն., Հայաստանը Հուստինիանոսի դարաշրջանում, Երևան, 1975, էջ 72.

³ Ադոնց Ն., там же.

⁴ Арутюнян Б., К вопросу об этнической принадлежности населения бассейна реки Чорох VII-IV вв. до н.э., *Патма-банасиракан андес*, 1-2, Ереван, 1998, сс. 234-235.

⁵ Քսենոփոն, Անաբասիս, թարգմ., Ս. Կրկյաշարյանի, Երևան, 1970, էջ 94.

⁶ Арутюнян Б., указ. соч., с. 234.

⁷ Ադոնց Ն., указ. соч., с. 36.

⁸ Архим. Ташян. А., *Тайк, соседи и Хоторджур, Историко-топографическое исследование*, Вена, тип. Мхитарян, 1973, том II [1], с. 72 (на арм. яз.).

Армении в IX–III вв. до рождения Христова – во времена Араратского царства и династии Ервандидов».⁹

Прибрежные районы Черного моря, помимо хахтикцев, населяли также племена, именуемые колхами, москами, тибаренами, макронами и моссинойками.¹⁰ Этот край назывался также *Тјаник*, или страна *тјанов* – по названию одного из племен, населявших Хахтик.¹¹

До появления в регионе Понтийского царства и Римской империи область Халдия (Хахтик) располагалась на территории царств Хайаса, Ван (Арарат) и в дальнейшем – *Покр Айк* (Малая Армения), находясь под их непосредственным контролем либо в сфере их военно-политического влияния.¹²

Исследователи устанавливают территорию одной из колыбелей армян – царства Хайаса (упоминается в хеттских текстах XVI–XIII в. до н.э.): оно простиралось от Черного моря и верховьев реки Чорох до Евфрата, гор Армянского Тавра и озера Ван.¹³ Оно охватывало северо-западные окраины исторической Армении, область Хахтик и долину Чороха с прилегающими к ней землями.¹⁴ В конце XV–начале XIV вв. до н.э. царство Хайаса в короткий срок добивается главенствующих позиций в обозначенном регионе. А значит, территория Хахтика вполне

⁹ Мелконян А., Амшен: историко-географический очерк (XVI–XX века), *Амшен и амшенские армяне* (материалы научной коференции), Ереван-Бейрут, 2007, с. 30 (на арм. яз.).

¹⁰ Геродот *История в девяти книгах*, пер. С. Кркияшарян, Ереван, 1986, сс. 410–411 (на арм. яз.).

¹¹ Адонц Н., указ. соч., с. 79.

¹² Տաշեան Հ. Յ. վ., Հայ բնակչությունը Սեւ ծովէն մինչեւ Կարին, պատմական-ազգագրական հարեանցի ակնարկ մը, Վիեննա, Մխիթարեան տպ., 1921, էջ 9–10, Տե՛ս. նաև: Վարդանյան Ս., Կրոնափոխ համընդհանրային բարբառը, բանահյուսությունը և երգարվեստը (նյութեր և ուսումնասիրություններ), Երևան, 2009, էջ 9–18:

¹³ Капанцян Г., *Хайаса – колыбель армян*, Этногенез армян и их начальная история, Ереван, 1947, с. 27.

¹⁴ Martirosyan H., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, Edited by A. Lubotsky, 8, Leiden-Boston, 2010, p. 384.; Տե՛ս: Մարտիրոսյան Հ., Լեռնային ակունքի ֆառնը, Արշալույսի դիցուհին և գլխի ու մորթու զոհածեսը վիշապակոթողների իմաստաբանական հենքում, Վիշապ քարակոթողները, Երևան, 2015, էջ 136–171, էջ 146:

закономерно считается одной из колыбелей формирования армянского народа.¹⁵

Г. Джаукян предлагает еще одну точку зрения: названия стран *Ḥai_āša* [Хайаса] и *Хай-к* (род. пад. *Хайоц*) восходят к индоевропейскому корню **h2ei_ōs-* [**Hai_ōs-*] (s-основание, нейтральный род), что переводится как «металл, медь, железо», т.е. Хайаса означает «страна металла, железа», а исконное значение названия армянского этнонима – «обитатель страны металла, железа».¹⁶ По интерпретации Г. Мартиросяна, «...аналогичную семасиологическую основу имеет распространенный на примыкающих территориях этноним *халюб* (имеется в виду *халиб-хахтик* – Л.С.), происходящий от греческого слова *χάλυψ* – закаленное железо, сталь».¹⁷ Г. Мартиросян высказывает следующее мнение: после распада праиндоевропейского языка (IV-III тысячелетия до н.э.) носители протоармянского языка, «...по всей видимости, длительное время продолжали населять и перемещаться вдоль черноморского побережья. Об этом периоде свидетельствует армяно-европейский и причерноморско-средиземноморский субстрат».¹⁸

Греческий историк Ксенофонт характеризует халибов как искусных мастеров железных дел (*ο ἰσίδηρο τέκτονες χάλυβες*).¹⁹ О наличии железных копий Хахтика свидетельствует также греческий географ и историкограф Страбон. Он пишет, что находящийся по соседству со Спером Хахтик богат месторождениями железа и серебра, и что жители этого края в основном занимались добычей руды.²⁰

¹⁵ Капанцян Г., указ. соч., с. 129-130.

¹⁶ Jahukyan G., *The Hayaša Language and its Relation to the Indo-European Languages. Archiv Orientalní*, N 29. Prague, pp. 353-405.; см. также: Մարտիրոսյան Հ., Լեոնային ակունքի ֆառնը, էջ 146.

¹⁷ Там же. См.: тот же автор, *Etymological Dictionary of the Armenian inherited lexicon*, pp. 338-339.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: также: Նահապետյան Ռ., Հունական և հռոմեական անտիկ սկզբնաղբյուրների ազգագրական տեղեկությունները Հայաստանի և հայերի մասին, Երևան, 2018, էջ 94: см.: Ստրաբոն, Աշխարհագրություն, կազմ. և առաջաբան՝ Ս. Հովհաննիսյան, Երևան, 2011:

Исходя из вышеизложенного, можем заключить, что: а) с древнейших времен на территории Хахтика жили армяне; б) они были искусными мастерами по обработке железа; в) их называли арменохалибами, либо, по А. Ташяну, арменохатикцами.²¹

Как уже отмечалось, входящие в систему Понтийского хребта Каджкарские горы, а соответственно и горы сформированной в дальнейшем на этой территории области Амшен, были известны богатыми залежами железа. По топографии Г. Алишана, в Хахтикской, или Понтийской горной цепи, «на севере были горы Пархарские с вершиной Хачакар, с Варсампек (то же, что Варшамак), примерно 12000²² со стороны Амшена, это ответвление тянется вдоль южного Понта».²³ Примечательно, что одна из вершин амшенских гор называется Демир даг (Demir Dağ), или в переводе – «Железная гора». О. Озтурк в своем труде «Черное море: энциклопедический словарь» сообщает, что село Егновит Амшена некогда славилось своими кузницами; там обрабатывалась добываемая в ближайших горах железная руда.²⁴ Местные жители подтверждают, что кузницы были в окрестностях Зил кале (в переводе: Нижняя крепость) в области Амшен, в заброшенном селе Айдвар (Артвар), что по соседству с одним из горных сел Сеноза – Кегутом (Гехут, ныне возрожден как дачный поселок и пастбище). Интересная деталь: в крепости Кале-и Бала (Kale-iBala, Верхняя крепость) Амшена в османском реестре 1530 г. перечисляются разновидности османского оружия, предметы домашнего обихода, и там же упоминается о десяти слитках армянского железа – *Ermeni demirü* и четверых живших в крепости кузнецах²⁵. Судя по всему, железное литье армянских кузнецов

²¹ Տաշեան Հ. Յ. վ., Հայ բնակչութիւնը Սեւ ծովէն մինչեւ Կարին, պատմական-ազգագրական հարեանցի ականարկ մը, Վիեննա, Մխիթարեան տպ., 1921, էջ 18.

²² Имеется в виду высота в футах (Տաշեան Հ. Յ. վ., Տայք, դրացիք եւ խոսողներ, հ. Ա, Վիեննա, Մխիթարեան տպարան, 1980, էջ 79.

²³ Ալիշան Դ., Տեղագիր Հայոց Մեծաց, Վենետիկ, Սր Դազար, 1855, էջ 1:

²⁴ Ö. Öztürk, Karadeniz. Ansiklopedik Sözlük, *Heyamola Yayinlari*, İstanbul, 2005, с. 1, s. 350-351.

²⁵ 387 Numaralı Muhâsebe-i Vilâyet-i Karaman ve Rûm Defteri (937/1530), II, Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Defter-i Hâkânî Dizisi:III, Ankara, 1997, ss. 732, 733.

отличалось высоким качеством и поэтому было известно под названием «армянское железо».

Территория Хахтика в определенный период своей истории входила в административный состав Малой Армении. Свидетельствует об этом Страбон: «Выше Фарнакии (ныне Киресун – Л.С.) и области Трапезунд до Малой Армении находились тибарены и хахтикцы. Земля в Малой Армении довольно плодородная. Как и в Цопке, здесь всегда были свои местные князья, которые то дружили с Великой Арменией, то становились самоуправными. Им подчинялись хахтикцы и тибарены. Таким образом, их владычество простиралось до Трапезунда и Фарнакии».²⁶

Описывая отступление десятитысячного греческого войска в 410 г. до н.э., греческий историк и полководец Ксенофонт в своем «Анабасисе» сообщает ценную информацию о данном регионе и, в частности, о Хахтике. Армения в то время имела административный статус сатрапии. Чтобы пройти с юга на север, греческое войско должно было пересечь также Понтийские горы и Трапезунд. Историк пишет, что территории на северных границах Армении: области Халдиа (Хахтик) и Тоах (Тайк), были охвачены мятежом и создавали большие трудности для продвижения греческих войск. Ксенофонт характеризует население Хахтика и Тайка как отличающееся храбростью и воинственностью. Халибы (Хахтикцы – Л.С.) и таохи (тайкцы – Л.С.) в качестве наемников служили в персидском войске Кира Младшего.²⁷ Двигаясь вперед от реки Фасис (Чорох), греческие наемники в ущелье натолкнулись на халибов, таохов и фасиан (басенцев – Л. С.)²⁸, что свидетельствует о сопредельности этих трех армянских племен и наличии прочного военного союза между ними.

Несмотря на то, что территория Хахтика переходила к Понту, а затем управлялась Римом, там продолжали править потомственные армянские

²⁶ Ստրաբոն, Աշխարհագրություն, քաղեց և թարգմանեց Հ. Աճառյանը, Երևան, 1940, էջ 75; The Geography of Strabo, Loeb Classical Library edition, vol. V, 1928, с. 555.

²⁷ Ксенофонт, указ. соч., с. 105-106.

²⁸ Ксенофонт, указ. соч., с. 101.

князя.²⁹ Как пишет Адонц, согласно «Ашхарацуйцу («География»), эта долина находилась за пределами Малой Армении, но продолжала ей принадлежать. Византийский историк Прокопий Кесарийский также считает Малую Армению армянской территорией и размещает там несколько городов и крепостей.³⁰

Хахтик в византийских административных делениях (IV-VI вв.)

В начале IV в. прибрежные районы Черного моря до Хазика (Лазика) находились в подчинении должностного лица, именуемого дукой Армении (dux Armenia). Император Византии Константин Великий (306-337 гг.) разделил империю на диоцезы (фемы) и провинции. Первый и Второй Айки, Понт Полемонский были объединены и подчинялись дуке Армении³¹, что свидетельствует о весе и влиянии армянской элиты в Понте Полемонском.

Б. Арутюнян основательно изучил вопрос о вхождении Хахтика как административной единицы в Великую Армению. На основе сравнения административных делений Великой Армении в трудах известного географа из Александрии Клавдия Птолемея (100-160 гг.), историка IV в. Агатангелоса и «Ашхарацуйца», Б. Арутюнян отмечает, что Армянское царство в IV в. – согласно Клавдию Птолемею – административно делилось на 20 ашхаров (провинций), в числе которых упоминается также Арсеса (Arsesa) – Арсик, или Хахтик.³² В свидетельствах Агатангелоса Хахтик фигурирует как 16-я провинция Великой Армении. И, наконец, согласно «Ашхарацуйцу», Великая Армения административно делилась на 15 провинций. Б. Арутюнян склонен считать автором «Аш-

²⁹ Ստրաբոն, Աշխարհագրություն, քաղեց և թարգմանեց Հ. Աճառյանը, Երևան, 1940. См. также: Geography of Strabo, книга XII, глава 3, с. 556, § 29.

³⁰ Ադոնց Ն., Հայաստանը Հռոմի նիւնոսի դարաշրջանում, Երևան, 1987, էջ 73.

³¹ Адонц Н., указ. соч., с. 112.

³² См.: Арутюнян Б., Деление Армянской Церкви на епархии при архипастырстве Григора Лусаворича (Просветителя), *Историко-филологический журнал*, № 2, Ереван: 2000, с. 118 (на арм. яз.). Ср. Claudii Ptolemaei Geographia, E codicibus recognovit. prolegomenis, annotatione, indicibus, tabulis instruxit Carolus Müllerus, Voluminis primi, pars prima, (secunda), Parisiis, 1901, V, cap XII, p. 1-10.

харацуйца» Мовсеса Хоренаци³³; он отмечает, что, хотя для родоначальника армянской истории основанием служили реестры (переписи населения) III в., хронологически близкие эпохе Птолемея, однако, «поскольку писал он в V в., в нем нашли отражение административные реалии V в.», и «Арсеса-Хахтик была частично присоединена к Акилисене (имеется в виду область Екехик – Л.С.), основав Бардзр Айк».³⁴

Отметим, что Хахтик упоминается Агатангелосом как «страна собственного правления» армянских царей.³⁵ Б. Арутюнян, основываясь на «Гахнамаке» (Табель армянских нахараров), обнаруживает, что в начале IV в. Хахтик с наместником – дукой Багратуни – был одним из епископских престолов Армянской церкви. А подобные епархии могли создаваться только во владениях наиболее влиятельных и известных нахарарских семей. Отметим, что на эти административные единицы возлагалась обязанность выводить в военное время более 500 воинов³⁶. Отсюда вытекает, что и Хахтик, как административная единица, имел свое отдельное армянское войско.

В связи с делением Великой Армении между Римом и Персией в 387 г. и падением армянского царства, в стране создается новая ситуация: меняются границы, административная и епархиальная структуры. Хахтик вместе с остальными западными провинциями Армении переходит под византийское владычество.

Область Хахтик известна своей природной неприступностью, непроходимыми лесами и горами, густыми туманами и облачной погодой. «Бессветный край Хяхтяц»³⁷ – так назвал Хахтик историк V в. Егише. Любопытны упоминания Агатангелоса о Хяхтике: Григор Лусаворич (Просветитель), при содействии царя Трдата III, начал проповедовать в

³³ Арутюнян Б., Административно-политическое деление Великой Армении согласно «Ашхарацуйцу», Часть 1, Ереван, 2001 (на арм. яз.).

³⁴ Арутюнян Б., Деление Армянской церкви на епархии при архипастырстве Григора Лусаворича, с. 118.

³⁵ Арутюнян Б., указ. соч., с. 120.

³⁶ Арутюнян Б., указ. соч., с. 123.

³⁷ Егише, *О Вардане и войне армянской*, пер. на новоармянский и комментарии Ерванда Тер-Минасяна, Ереван, 1994, с. 90 (на арм. яз.).

области Даранагяц и «...каждого учил набожности, жителям области великие чудеса явились: бесы, переиначившись, пустились в бега в сторону Хахтика».³⁸ А. Ташян полагает, что Агатангелос имел в виду *Каджеру лернер* (Каджкарские горы), упомянутый Егише *бессветный край*, или «более современный Амшен».³⁹ Историк, возможно, «бесами» называл язычников. Напомним, что одна из горных цепей вдоль границы Хахтика называется Каджкар: вполне вероятно, что данный топоним сложился из слов *каджк*, что означает ‘бес’ (а также: мифический дух добра или зла, уродливый человек), и *кар* ‘камень’.⁴⁰ А. Ташян вспоминает шуточную песенку со словами *Каджкару дев* ‘бес Каджкара’: «Иди сюда, старая, похвалю я тебя: походишь ты на бесов Каджкара».⁴¹ По всей видимости, гора стала называться Хачкар (*хач* по-армянски ‘*крест*’) после распространения христианства. В армянском языке и сегодня есть слова с корнем *каджк*: *каджкот* ‘бесноватый’, *каджкотел* ‘взбесноваться’, *каджкаками* ‘смерч’, *каджкадзайн* ‘голоса бесов, эхо’, *каджкатун* ‘дом, где обитают злые духи’, *каджкакар* ‘скалы, где обитают злые духи’.⁴² В долинах Каджкара/Хачкара и образуется в дальнейшем армянская область Амшен. Амшенцы, проживающие в горных местностях Каджкара, и сегодня помнят и пересказывают услышанные от своих предков истории о *каджках*, злых духах.

³⁸ Ագաթանգեղոսի Պատմութիւն Հայոց, քննական բնագիրը Գ. Տեր-Մկրտչյանի և Ս. Կանայանի, աշխարհարար թարգմ. և ծանոթ. Ս. Տեր-Ղևոնդյանի, Երևան, 1977, էջ 440; см. также Архим. А. Ташян, *Тайк, соседи и Хоторджур*, т. II [1], с. 72.

³⁹ Архим. А. Ташян, там же.

⁴⁰ См.: Саакян Л., История поселения Егновит – Елевит и этимология топонима, *Лрабер асаракакан гитуюннери*, т. 2-3, Ереван, 2012, с. 306 (на арм. яз.). См. Л. Саакян, *Амшен в армянских рукописях*, Ереван, 2022, с. 30. По-армянски слово *кадж* означает также честный, добропорядочный, храбрый, богатырь, великан, больший, очень большой (см.: Г. Ачарян, Айерен арматакан бараран, т. Դ [4], 1979, с. 554 (на арм. яз.).

⁴¹ Архим. А. Ташян, указ. соч., с. 101.

⁴² Ачарян Р., указ. соч., с. 555.

По свидетельству источников, провинция Тайк и граничащий с ней Хахтик принадлежали вельможным князьям Мамиконянам.⁴³ После принятия армянами христианства в 301 г. род Мамиконянов долгое время оставался верным прежним армянским богам.⁴⁴ Пожалуй, именно это обстоятельство и побудило Агатангелоса дать упомянутым бесам убежище в Хахтике.

Род Мамиконянов упоминается в связи с Тайком со стародавних времен. До VIII в. они пользовались большим признанием и имели определенное военно-политическое влияние. Порой они буквально становились головной болью для армянских царей. Мамиконяны столетиями властвовали в Тайке.⁴⁵ Естественно, что их влияние ощущалось и на территории Хахтика, и в стране тџанов.⁴⁶ В 451 г. во время войны Вардананц, часть семей армянских нахараров нашла надежное убежище в соседней с Тайком области Хахтик.⁴⁷ При том, что одна ветвь рода Мамиконянов обосновалась в Тароне, одним из их главных родовых владений считался Тайк. Расположенные высоко в горах крепости служили семье этого нахарарского дома надежным укрытием.

Из вышеупомянутого свидетельства Егише следует, что Тайк и Хахтик были известными военными опорными пунктами, и именно в расположенных там крепостях закрепились последние мятежные силы Вардананц и оттуда вели ожесточенные освободительные бои против преследовавших их персов, что еще раз подтверждает тот факт, что котловины Понтийских гор области Хахтик были заселены армянами и принадлежали роду Мамиконянов. Данная историческая реальность задокументирована также в памятных записях, переписанных в XVI в. в

⁴³ Наименование этой династии, согласно Н. Адонцу, происходит от имени «Мамик», этимологизирующегося как «отец рода, родоначальник», переросшего в дальнейшем в родовую фамилию *Мамиконян* (Н. Адонц, указ. соч., с. 461).

⁴⁴ Ованнисян Г., *Армянские властители*, Ереван, 2012, сс. 93-94 (на арм. яз.).

⁴⁵ Адонц Н., *Армения в эпоху Юстиниана*, сс. 145, 261. См. также: *История армянского народа*, т. III, Ереван, 1976, с. 107 (на арм. яз.).

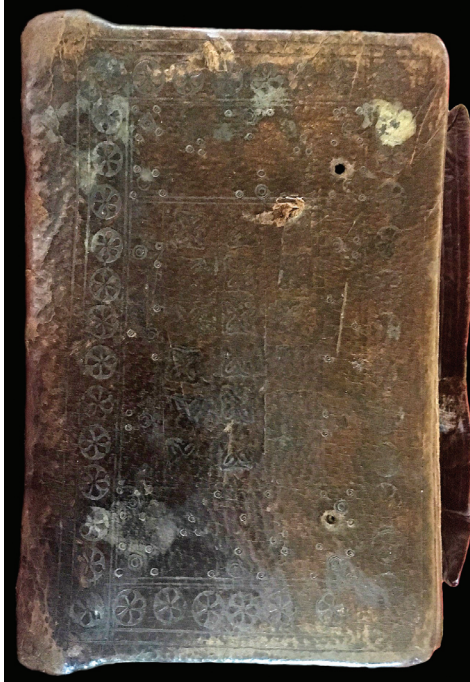
⁴⁶ В Тайке центрами дома Мамиконянов были крепости Эрахани и Тайоц кар и село Ишханац (см.: Г. Ованнисян, указ. соч., с. 88).

⁴⁷ Егише, *О Вардане и войне армянской*, с. 90.

Амшене из манускриптов, согласно которым в монастыре Сурб Хачик օր (Սուրբ Խաչիկ օր (Святого отца Хачика)) в селе Егновит (Элевит, ныне Яйлакёй) Амшена были собраны и похоронены останки мучеников Вардананц. Речь идет об Амаяке Мамиконяне и его соратниках. В частности, амшенский писец иерей Карапет⁴⁸ в памятных записях, скопированных им двенадцати рукописей, оставил следующие ценные строки: «...и Святых наших Вардананц , здесь собранных в защиту земли нашей и нашего края», «... и Святых наших Вардананц, кои упокоены здесь в защиту села нашего Еговит и земли нашей Амшеен», «... под покровительством Сурб Аствацацин, и Сурб Сиона, и мощей святых наших Вардананц, здесь собранных...», «... и наших Вардананц и святых...», «... в стране Амшен, в пустыни с. Сурб Хачик օր , под покровительством Пресвятой Богородицы и Святых наших Вардананц...», «... в стране Амамашин, в пустыни (Сурб Хачик օր, под покровительством Сурб Аствацацин и мощей наших Сурб Вардананц, что собраны здесь в защиту нашей страны и края...», «... и мощей святых Вардананц, что положены здесь в защиту и гордость края Амамашин». Они – однозначное свидетельство того, что еще в V в. монастырь Егновита был широко известен как место паломничества армян.⁴⁹ (см. рис. 1)

⁴⁸ Иерей Карапет с 1499г. по 1528 г. скопировал и иллюминировал известные нам сегодня двенадцать рукописных кодексов: «Ахтарский учебник» («Ախտարական բժշկարան» 1499), «Гимнарий» («Շարական» 1500), «Златочрев» («Ոսկեփորիկ» 1500-1524), «Псалтырь, часослов, лекционарий» («Սաղմոսարան, Ժամագիրք, Խորհրդատետր» 1503), «Месяцеслов-Евангелиарий» («Տօնացույց-Աւետարանացույց» 1504), «Гимнарий» («Շարական» 1505), «Гимнарий» («Շարական» 1512), «Маштоц» («Մաշտոց» 1525), «Маштоц» («Մաշտոց» 1527), «Маштоц» («Մաշտոց» 1528), «Гимнарий» («Շարական» 1528), «Поэма Нерсеса Шнорали «Сын Иисус»» («Ներսիսի Շնորհալոյ Բանք Չափավ Յրուիկ Որդի» 1528). В колофонах к перечисленным рукописям писец Карапет сообщает факты и сведения исключительной важности, касающиеся политической ситуации, занятий населения, народной медицины, языковых реалий (см.: Саакян Л., Амшен в армянских рукописях, сс. 94.)

⁴⁹ Саакян Л., Амшен в армянских рукописях, сс. 139-142.

Внц. рук. № 2062, “Шаракан”,
Амшен,
село Егновит, монастырь
Сурб Хачик Һор,
писец иерей Карает, 1500 г.

Не случайно и то, что один из месяцев старинного армянского календаря назывался Пархар (Понт). Это значит, что армяне, жившие в Пархарских (Понтийских) горах, поклонялись этим горам так, как поклонялись Масису (Арарату) и Арагацу⁵⁰. Примечательно, что одна из вершин Понтийского хребта вдоль границы провинций Ризе и Ардвин называется Марсис. Мамиконяны, потерпев поражение во время арабских нашествий, отступили в глубь Византии, уступив свои наследственные владения Тарон и Тайк армянским нахарарам Багратуни.⁵¹

Византийский император Юстиниан, взойдя на престол, в 528 г. объединяет Понт Полемонский, Первый и Второй Айки и из сатрапий Южной Армении формирует новую военную провинцию.⁵² Затем, в результате административных делений Юстиниана, на территории от Бардзр Айка до Кирасуна и Трапезунда в 536 г. формируется Первый, или Внутренний Айк; правителем назначается Акакиос, армянин по происхождению. Римский император наделяет его всеми существовавшими тогда вице-консульскими привилегиями.⁵³ Это административное деление сохранялось вплоть до эпохи императора Маврикия (582-602 гг.).

Таким образом, приведенные выше свидетельства из греко-римских и армянских источников подтверждают, что в долинах Понтийских гор и в прибрежных районах Черного моря армянский народ с древнейших времен играл важную роль в военно-политической и культурной жизни региона. На основании этого армянские поселения Хахтика, в частности, в районе Понтийских гор, следует рассматривать в единстве с Великой Арменией – как окраинные армянские территории.

⁵⁰ Анания Ширакаци, *Летопись*, перевод, предисловие и комментарии А. Г. Абраамяна, Г. Б. Петросяна, Ереван, 1979, с. 257 (на арм. яз.); см. также: Варданян С., Диалект, фольклор и песенное искусство обращенных амшенских армян (материалы и исследования), Ереван, 2009, с. 18.

⁵¹ *История армянского народа*, т. III, сс. 17, 107. См. также: Егиазарян А., *Государство армянских Багратидов (885-908)*, Ереван, 2011, сс. 28-29 (на арм. яз.).

⁵² Адонц Н., указ. соч., с. 190.

⁵³ Перевод 31-й Новеллы Юстиниана см.: Н. Адонц, указ. соч., с. 190.

Хахтик в составе фемы Армениак

В VII в. Византийская империя была административно разделена на ряд фем. Второй по значимости и величине была фема Армениак, куда входили восточные и северные области Малой Азии. Историки считают, что она была основана в 667-668 гг.⁵⁴, поскольку стратиг этой административно-политической единицы впервые упоминается в 667 г.⁵⁵ Однако Феофан Византийский и арабский историк Аль-Баладхури склоняются к более ранней дате формирования Армениака, а именно: к 629 г.

Об этой феме Феофан пишет: «Называлась она *Армениак* по той причине, что в ней и в соседних районах проживали армяне. Воинские соединения фемы формировались из армян».⁵⁶

Историк-византист Джон Хелдон, проанализировав на основании фактов, изложенных греко-римскими историками, структурный состав фемы Армениак, дал ей следующую характеристику: «Вдоль восточных границ эту фему называли пограничной или армянской, т.к. армяне там составляли основную часть населения. Это же наименование использовалось в организационной и культурной целях – чтоб отличать от более старой – «мощной» или «Римской» – фемы»⁵⁷.

Население фем Армениак и Себастья, куда входили некоторые районы Малой Армении, по свидетельству греческих и армянских историков в значительной мере состояло из армян⁵⁸. Под предводительством армянского стратига Армениака было 9000-ное⁵⁹, по другим источникам – 10000-ное⁶⁰ войско. Помимо этого, в этой феме было 17 городов-

⁵⁴ Haldon J., Warfare, State and Society in the Byzantine World, *The Journal of Hellenic Studies*, UCL Press, London, 1999, p. 73.

⁵⁵ *The Oxford Dictionary of Byzantium*, Edited by Alexander P. Kazhdan, Oxford University Press, vol. 1991, p. 177. W. Kaegi, Al-Baladhuri and Armeniak Themas, *Byzantium and the Early Islamic Conquests*, Cambridge University Press, 2000, p. 273-277.

⁵⁶ *Константин Циранин* (Багрянородный), *Византийские источники*, т. 6, перевод с оригинала, предисловие и комментарии Г. Бартияна, Ереван, 1970, с. VIII (на арм. яз.).

⁵⁷ Haldon J., указ. соч., с. 84; см. также: *Константин Циранин*, там же.

⁵⁸ *История армянского народа*, т. III, с. 106.

⁵⁹ См.: *Константин Циранин*, с. 319.

⁶⁰ Гельцер Г., Становление византийской военно-административной структуры фем, пер. на арм. Г. Гаранфилян, тип. Мхитарян, Вена, 1903, с. 48 (на арм. яз.).

войсковых стоянок⁶¹, вся подгорная равнина Понтийских гор, Хахтик-Халдия, охватывающая долины рек Гайл и Чорох. Константин Циранацин (Багрянородный) назвал ее армянской фемой⁶², и было у нее 4000-ное войско⁶³.

Арабский географ IX в. ибн Хордадбех вспоминает «фему аль-Арманиак, одну из крепостей – Кулуния (читай: Когония, позднее Шапин Гараисар – Л.С.) и шестнадцать других крепостей, фему Халдия (читай: Хахтик – Л. С.), граница коей Арминия. В ней есть шесть крепостей»⁶⁴. Здесь Когония (Кулуния) упоминается как часть Армениака, а Хахтик со стороны Тайка граничил с Арменией⁶⁵.

Формирование фемы Хахтик и ее территории

Халдия (Хахтик), отделившись в 840 г. от Армениака, образует самостоятельную фему⁶⁶ с центром в городе Трапезунд, который был важнейшим черноморским портом Армении и других стран халифата.⁶⁷

Она просуществует до появления в 1204 г. Трапезундской империи. Устанавливаются тесные связи с городом Карин. В состав фемы Хахтик входят области Спер, Баберд и Екехяц (Երզնկա) провинции Высокая Армения.⁶⁸ Вот почему в дальнейшем, отмечая место, где создавались

⁶¹ *The Oxford Dictionary of Byzantium*, p. 177. Ср.: Kaegi, Al-Baladhuri and Armeniak Themas, *Byzantium and the Early Islamic Conquests*, p. 181-205.

⁶² Ованнисян Г., указ. соч., с. 88.

⁶³ См.: Гельцер Г., указ. соч., с. 47.

⁶⁴ Тер-Гевондян А., Административные деления Армении согласно арабским реестрам, *Асаракакан гитутюннер*, АН Арм. ССР, № 5, Ереван, 1961, с. 66 (на арм. яз.).

Ubayd Alla-h b Ahlmad Ibn K_urda-d_bih, Kita-b al-Masa-lik wa-al-mama-lik prod. by M. J. de Goeje, *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, Vol. VI, Lugduni Batavorum, Brill, 1889, p. 108.

⁶⁵ Тер-Гевондян А., там же.

⁶⁶ Фема Армениакон была создана во время правления императора Гераклия (610-640 гг.), первым ее полководцем был Мжеж Гнуни. Резиденция находилась в Амисосе (Амасия) (см.: Советская армянская энциклопедия, т. 2, Ереван, 1975, с. 95 (на арм. яз.).

⁶⁷ *История армянского народа*, т. III, Ереван, 1976, с. 106.

⁶⁸ Архим. А. Ташян, *Тайк, соседи и Хоторджур*, т. I [2]; см.: Տաշեան Հ. Յ. վ., Հայ բնակչությանը Սեւ ծովին մինչև Կարին, պատմական-ազգագրական հարեանցի ակնարկ մը, Կիեննա, Մխիթարեան տպ., 1921, էջ 16., ср.: H. Gelzer, *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*, B. G. Teubner, Leipzig, 1899; см. также: Г. Гельцер,

армянские манускрипты Баберда и Спера, рядом с названиями областей армянские писцы традиционно приписывали старое административное название периода византийского владычества, а именно – область Хахтяц.⁶⁹ Между тем Баберд, как пишет А. Ташян, «с исконным «Хахтяц» в географическом смысле связан не был».⁷⁰

Отметим также, что Тјаник – страна тјанов, находящаяся в непосредственном соседстве с Хахтиком, также входила в эту фему. Согласно источникам, тјаны селились в горных районах между Трапезундом и Гюмушхане⁷¹. В современном Лазистане, т.е. в прибрежных районах

указ. соч., сс. 55-57. По мнению Г. Гельцера, Трапезунд и область Екехяц и в самом деле подчинялись Хахтику, а остальные (имеются в виду Спер и Баберд), возможно, были епископатами под владычеством Трапезунда, с. 57.

⁶⁹ Архим. А. Ташян заметил, что некоторые авторы памятных записей центром провинции Хахтяц называют Баберд, традиционно сохраняя название «старой византийской» фемы (см.: Архим. А. Ташян, указ. соч., с. 298); об этом см.: тот же автор, *Тайк, соседи и Хоторджур*, т. II [1], тип. Мхитарян, Вена, 1980, сс. 70-73 (на арм. яз.). : «... в провинции Хахтяц, в обители моей, где ангелы живут, называемой крепостью Бердак, под покровительством <...> и епископатом области Баберд... (См.: *Памятные записи в армянских рукописях ԺԵ (XV) века*, часть I (1401-1450 гг.), Составил Л.С. Хачикян, изд-во АН АССР, 1955, с. 661 (на арм. яз.). В переписанной в 1461 г. в Баберде другой рукописи памятная запись гласит: «И вот, переписал святое Евангелие в году ԶԺ. (1461) Армянского летоисчисления, в области Хахтяц, в святой пустыни, что именовали Сурб Георг, что в монастыре Палахор...» (См.: *Евангелие*, Карин, церковь Аствацацин, писец Карапет, (см.: Г. Пиргалемян, *Нотарк [Армянские писцы]*, тип. Ншан К. Перперян, Константинополь, 1883); см.: *Памятные записи в армянских рукописях ԺԵ (XV) века*, часть II, с. 166 (на арм. яз.). Добавим также, что монастырь Палахор (Балахор) находился в одноименном селе Баберда.

⁷⁰ Архим. А. Ташян, *Тайк, соседи и Хоторджур*, т. II [1], с. 70.

⁷¹ Ованнисян Г., указ. соч., с. 88. По топографии Н. Адонца, Тјаник, или Хахтик, занимая горный район между Чорохом и Черным морем, граничил с Тайком. По ту сторону от поселений тјанов, вдоль Эвксинского понта, главным его городом был Трапезунд, границы которого достигали Сусармене и Ризона, до которых от Трапезунда было два дня пути. Направо от них возвышаются горы Тјаника, где берет начало река Вох (Чорох), а за ними живут армяне, подданные Византии. Тјаны жили довольно далеко от моря, по соседству с армянами (см. Н. Адонц, указ. соч., с. 75). Вот как пишет о тјанах византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский: этот варварский – по его определению – народ не был ничьим подданным, был рассеян по вечно затянутым облаками отвесным заснеженным горам. Издавна жили автономно на территории, принадлежащей римлянам. В давние времена их называли *санами*. Наносили большой вред не только армянам, но и их соседям римлянам, занимались жестоким разбоем, ибо на их земле

области Пазар провинции Ризе до Сарпа, встречаются топонимы и фамилии с корнем *Tjan*. О Газика (Лазика – Л.С.) впервые пишет историограф Мовсес Хоренаци: Вагаршак (247-225 гг. до н.э.), брат парфянского царя Аршака⁷², вместе с храбрецами земли армянской совершает поход до границ Хахтика, «... ибо Лазика, Понт, Фригия, Мажак и другие страны» не имели известий о войне Аршака и хранили нерушимый союз с македонским государством.⁷³ Вполне вероятно, что упомянутая Хоренаци страна Лазика – это территория севернее Хахтика, включающая бассейн реки Фасис (ныне река Риони в Грузии). Нельзя путать ее с населенной *tjan*ами территорией от Трапезунда до Гюмушхане в межгорных котловинах Хахтика. О стране *tjan*ов – *Tjaneti* и о стране Хахтик рассказывает историк XI в. Аристакес Ластиверци. В своем труде он описывает нашествия турок-сельджуков на этот край: «...напали на область Хахтяц и с легкостью окружили их; по кровавадной своей природе, каждого, кто попадался им до самого леса Хрти в *Tjaneti*, разили мечом и многих взяли в плен, и вернулись с большой победой...»⁷⁴. В грузинских источниках наименование *Tjaneti* появляется

ничего съедобного не произрастало. Жили они в неприступных местах, вот и могли избегать подчинения римлянам. Однако римскому полководцу Миттасу (армянину по происхождению – Л.С.) удастся покорить их. *Tjan*ы полностью подчинились императору Юстиниану, поменяли веру, и «все стали добропорядочными, приняв христианство» (*Прокопий Кесарийский, Византийские источники, Иностранные источники об Армении и армянах*, т. II [1], перевод с оригинала, предисловие и комментарии Г. Бартияна, Ереван, 1967, сс. 40-41, 197-199) (на арм. яз.). В местности Схамалинихон (провинция Трапезунд, нынешнее село Озлу области Арсин, старое наименование – Зимла) для вновь принявших христианство *tjan*ов Юстиниан построил первую церковь (Н. Адонц, указ. соч, с. 74).

⁷² Царь Вагаршак считается основателем династии Аршакидов в Армении. Однако согласно доминирующим в арменоведении взглядам, прототипом упомянутого историком этого армянского царя был Трдат I (54-88 гг.) (См.: Адонц Н., *Армения в эпоху Юстиниана*, с. 432-433 (на арм. яз.); Даниелян Э., *Некоторые эпизоды из истории парфянского государства в интерпретации Мовсеса Хоренаци, Патма-банасиракан андес*, Ереван, 1976, сс. 168-169) (на арм. яз.).

⁷³ Мовсес Хоренаци, *История Армении*, перевод на новоармянский и комментарии Ст. Малхасяна, Ереван, 1981, сс. 118-119 (на арм. яз.).

⁷⁴ История Аристакееса Ластиверци, тип. Св. Лазаря, Венеция, 1844, с. 83 (на арм. яз.).

в XIV в.⁷⁵ А. Ташян, в свою очередь, так пишет о стране Газика: «Название Газике (Lazica) дано старому Кохкиси, и, когда в V-VI вв. эта страна стала яблоком раздора между Византией и Персией, так стала называться страна по ту сторону от устья реки Чорох»⁷⁶. Он отмечает также, что лазы издревле жили к западу от Чороха, «в основном в том месте, где в старину был род *Sanni*». В византийских источниках *Sanni* транслитерируется как *Tzani*, в армянских меняется на *Tjanik*, в грузинских – на *Tjaneti*. Ученый добавляет, что этот топоним нельзя путать с появившимся в эпоху туркменов *Janik*-ом (Джаник – Л.С.).⁷⁷ Что касается Джаника, то он как административная единица – бейлик Джаник – становится известным в период формирования Османской империи.⁷⁸ В него входили современные провинции Бафра, Самсун, Терме и Уние. Некоторые исследователи отождествляют Джаник со страной *tjanov*. Любопытно, что на своем диалекте амшенские армяне лазов называют *джон*.⁷⁹

Византийский император Константин Багрянородный (913-920-959)⁸⁰ написал о Халдии (Хахтике) следующее: из большей части Понта Полемонского, ранее входившего в фему Армениак, организуется отдельная фема Халдия (Хахтик) с центром в Трапезунде.⁸¹ Г. Бартиякян уточняет, что в результате переселения армян в Византию уже во времена Константина Багрянородного сильно арменизировались фемы Армениак, Себастиа, Харсианон, Когония, Хахтик, Ликандос; Константин

⁷⁵ ქართლის ცხოვრება, ს. ყაუხჩიშვილის რედაქციით, თბილისი, 1959, ტ. II, s. 304.

⁷⁶ См. также: Архим. А. Ташян, *Армянское население от Черного моря до Карина*, с. 17.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Uzunçarşılı İ. H., *Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri*, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1988, s. 153-154.

⁷⁹ Варданян С., *Диалект, фольклор и песенное искусство обращенных амшенских армян*, сс. 315, 317 (на арм. яз.).

⁸⁰ Константин Цираницин (Багрянородный), сс. 14-15, 69.

⁸¹ Там же, с. 319.

Багрянородный назвал их «Армянские фемы» (Арμενικά Θέματα – Armenika Themata), в отличие от «Римских фем».⁸²

А. Ташян, опираясь в числе прочих и на исследование Г. Гельцера, детально охарактеризовал территорию фемы Хахтик: «В более давний период византийская Армянская фема (имеется в виду Армениак – Л.С.) включала в себя все побережье от устья Чороха до Синопа. Позднее от нее отделилась фема Хахтик с центром в Трапезунде, внизу она достигала Екехяца и Хозана, посередине были Баберд и Спер, а наверху вбирала все восточное побережье – от Ризеона (Ризе) до устья Чороха»⁸³. Основываясь на летописных источниках, А. Ташян описывал границы Хахтика следующим образом: «Хахтик – это Понтийский горный хребет, более или менее глубоко вдающийся в сушу, граничит с Бардзр Айком и Тайком, в зависимости от места. В давних летописях очевидно влияние византийской фемы Хахтик, центром которой являлся Трапезунд, так же и Баберд присоединен к стране хахтикцев...».⁸⁴ Г. Гельцер подчеркивает, что «области Трапезос и Екехяц действительно относятся к стране Хахтяц».⁸⁵

Византийский император Василий, армянин по происхождению, с целью подавления внутренних раздоров, обращается за помощью к Великому князю Киевской Руси Владимиру, а чтобы ударить в спину мятежников, отправляет в Трапезунд магистра Таронеци (имя в источниках не встречается), чтобы тот собрал в Хахтике войско и двинулся в сторону Евфрата.⁸⁶ Это свидетельство также дает основание полагать, что Хахтик имел боеспособное войско.

⁸² Константин Циранацин, (см.: предисловие Г. Бартияна, с. VIII); *История армянского народа*, т. III, с. 106.

⁸³ Архим. А. Ташян, *Тайк, соседи и Хоторджур*, т. I [2], с. 31.

⁸⁴ См.: Архим. А. Ташян, *Армянское население от Черного моря до Карина*, с. 19.

⁸⁵ Г. Гельцер, изучив труд Константина Циранацина, указывает на имеющиеся там географические неточности, делает уточняющие выводы (см. тот же автор: *Начало формирования границ византийских фем*, сс. 54-58).

⁸⁶ См.: *История армянского народа*, т. III, с. 110; *Сборник матеріалов для описанія мѣстностей и племень Кавказа*. Важнейшие сведения о лазах, вып. 10, Тифлис, 1890, сс. 57, 102-109 (на арм. яз.).

В VII-VIII вв. во время арабских нашествий, когда к экономическим трудностям прибавились религиозные гонения, армяне все активнее перемещаются в Византию. В процесс, помимо нахараров, воинства и знати, вовлекается и простой народ. Г. Бартикян пишет, что, обосновавшись в Малой Армении, они арменизировали те исконно армянские регионы, которые стали было на путь «грекизации», а именно, на путь принятия халкедонитства. Обосновавшиеся в Византии армяне очень быстро добились успехов в самых разных областях – в политической, духовной, культурной и особенно в военной сфере; занимали высокие должности, становились полководцами фем.⁸⁷ Специального упоминания достойны представители родов Мамиконян, Аршакуни и Багратуни. А. Тер-Гевондян, касаясь этих событий, отмечает, что эмиграция из Армении достигла внушительных размеров в VIII в. Византийская империя любой ценой стремилась привлечь лучшие силы Армении на службу при императорском дворе Константинополя и в армии. Среди взошедших на византийский трон были императоры с армянскими корнями. С насиженных мест снимались и простолюдины. Все это в конечном итоге истощило человеческий ресурс Армении.⁸⁸

В период арабских нашествий большое стратегическое значение для Византии и стран Южного Кавказа приобретает неприступная благодаря своему географическому положению провинция Тайк Великой Армении с сильной властью нахарарского дома Мамиконянов. Однако освободительные войны против арабов в VIII-IX вв. и особенно в 774-775 гг. обернулись тяжелыми поражениями, ослабившими позиции Мамиконянов, и руководители мятежа вынужденно ретировались в Византию, уступая место представителям других княжеских родов.⁸⁹

Основанное в VIII в. в северо-восточных долинах Хахтика армянское полузависимое княжество Амшен, являясь частью фемы Халдия (Хахтик), в 1204 г. попадает под власть сформировавшейся в северо-

⁸⁷ Константин Циранацин, см.: предисловие Г. Бартикяна, сс. VIII-IX.

⁸⁸ Гевонд, *История Гевонда, великого вардапета армянского*, Санкт-Петербург, 1887, с. 170 (на арм. яз.).

⁸⁹ *История армянского народа*, т. II, сс. 346-347.

восточных регионах Византии Трапезундской империи (охватывавшей в основном территорию Понта), сохраняя при этом полузависимый статус.

Свидетельство о труднопроходимой местности и строптивом населении Хахтика сохранилось в произведении «История чудес Святого Евгения» 1223 г., опубликованном византинистом Ф. Успенским.⁹⁰ Согласно этому источнику, султан (предполагаем, речь идет о сельджукском султани Алаэддине Кейкубате, правившем в 1221-1237 гг.), намереваясь завоевать Трапезунд, разбил лагерь недалеко от Баберда. Ему сообщают, что фема Хахтик, через которую предстоит пройти к Трапезунду, труднопроходима и народ там воинственный, и советуют обогнуть ее. Из того же источника узнаем, что жители Хахтика и области, называемой Мацука, «*произвели полон, хищение, а стражу разогнали*». Греки воспользовались ситуацией и овладели конями и оружием, оставленными при поспешном бегстве. «*Мацукаиты и жители Хахтика беглецов перебили в ущельях Тавра*». Отмечая ценность сведений, сообщаемых этим источником, Л. Хачикян обращает внимание на то, что под *жителями Хахтика* автор, вероятно, подразумевает армян не только Амшена, но и армянское население ущелья Хахто и Спера к северу от Баберда, входящих в фему Хахтик.⁹¹

В 1360-х гг. Трапезундская империя начинает распадаться, и Хахтик вместе с рядом других областей выходит из-под ее контроля. Согласно одному источнику, в эти годы Хахтик, возможно, вместе с Амшеном, переходит под власть эмира Баберда, вассала Джалаиридов и Тимуридов.⁹² В 1449 г. прекращает свое существование и полузависимое

⁹⁰ Хачикян Л., Страницы из истории амшенских армян, Труды, т. Р [2], Ереван, 2017, сс. 157-194 (на арм. яз.). См.: Ф. И. Успенский, *Очерки из истории Трапезундской империи*, изд. АН СССР, Ленинград, 1929, с. 52; о Трапезундской империи см. также: Keçiş M., *Trabzon Rum İmparatorluğu ve Türkler 1204-1404*, Doktora Tezi, Türkiye Cumhuriyeti Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Tarih (Ortaçağ Tarihi) Anabilim Dalı, Ankara, 2009; см. тот же автор, *Trabzon Rum İmparatorluğunun Kuruluşunda Çevreyle Olan İlişkileri*, s. 144-162 <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/1573/17062>. Öztürk Ö., *Pontus: Antik Çağ'dan Günümüze Karadeniz'in Etnik ve Siyasi Tarihi*, Ankara, 2011.

⁹¹ Хачикян Л., там же.

⁹² Хачикян Л., там же.

княжество Амшен. В XVI в. эта территория вместе с юго-западными районами Черного моря полностью переходит под власть османов.

Итак, вышеперечисленные факты однозначно подтверждают, что издавна в области Хахтик (Халдия), позднее – в феме Хахтик, армянское население было многочисленным и весьма влиятельным в военно-политической сфере. Вне всякого сомнения и то, что до образования в VIII в. княжества Амамшен в Понтийском межгорье жил и творил армянский народ, проникнувшийся силой и духом этих гор и создавший страну Айахатик (армянский Хахтик). Уместно здесь процитировать А. Ташяна: «Народ армянский издревле обречен быть связанным с побережьем Черного моря на малом отдалении от границ Армении».⁹³

Долины Каджкарского хребта Хахтикских или Пархарских (Понтийских) гор области Хахтик (Халдия), раскинувшейся по соседству с провинцией Тайк, что на северо-западе Великой Армении, согласно греко-римским и армянским источникам, с древнейших времен были местом постоянного обитания армян. Об этом свидетельствуют древние армянские топонимы этого региона и диалект Хахтик-Амшена. В древнем мире армяне Хахтика упоминаются как *арменохалибы*. *Халиб* здесь не этноним, а обозначение профессии армян, приобретших известность как те, кто добывает, обрабатывает и торгует железом. В Хахтике бок о бок с другими народами армянский народ творил свою военно-политическую, духовную и культурную историю, что подготовило почву для образования здесь в VIII в. полувисимого армянского княжества Амшен. В Хахтике в течение веков властвовали армянские князья. Северо-западные земли региона были собственностью княжеской династии Мамиконянов. Неслучайно во время войны Вардананц в V в. горы и крепости Хахтика служили важнейшими опорными пунктами войск армянских нахараров. В VII-VIII вв. Хахтик являлся частью второй по величине византийской административной фемы Армениак, а отделившись в IX в., стал самостоятельной фемой. После завоевания

⁹³ Архим. А. Ташян, *Армянское население от Черного моря до Карина*, с. 9.

османами Трапезунда Хахтик попадает под их власть и входит в территориальные образования османов.

ՀԱՅՈՑ ԲԵՐՈՐԱՆ ԽԱՂՏԻՔԸ ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԲԱԺԱՆՈՒՄՆԵՐՈՒՄ

Լուսինե Սահակյան⁹⁴

Մեծ Հայքի հյուսիսարևմուտքում՝ Տայքի նահանգին սահմանակից Պարսիստան (Պոնտական) լեռների Քաթչքարի լեռնագոգերում սփռված Խաղտիքի տարածքը (Խալդիան), ըստ հունահռոմյական և հայկական աղբյուրների, հնագույն ժամանակներում եղել է հայոց բնօրրաններից մեկը: Այն հատկապես են տարածաշրջանում հնագույն հայկական տեղանունները և Խաղտիք-Համ-շենի բարբառը: Մասնավորապես հին աշխարհում Խաղտիքի հայերը հիշվում են արմենոխալիբ անվանումով: Խալիբը մարտնչվում է ոչ թե էթնոնիմ է, այլ որպես տեղի հայերի արհեստը: Խաղտիքիները հայտնի էին որպես երկաթի հայտնաբերողներ, մշակողներ և վաճառողներ, ինչպես նաև քաջ ռազմիկներ: Խաղտիքում հայ ժողովուրդն այլ ժողովուրդների կողքին կերպով է իր ռազմաքաղաքական, հոգևոր և մշակութային պատմությունը, որը հիմք դարձավ հետագայում այնպես՝ VIII դարում Համշենի կիսանկախ հայկական իշխանության կազմավորման համար: Դարերի ընթացքում Խաղտիքում իշխել են հայ իշխանները: Տարածաշրջանի հյուսիս արևմտյան շրջանները եղել են Մամիկոնյան նախարարական տոհմի ձեռնական կալվածքները: Պատահական չէ, որ V դարում՝ Վարդանանց պատերազմի ժամանակ, Խաղտիքի լեռներն ու ամրոցները կարևոր ռազմական հենակետեր էին ծառայում հայ նախարարների համար: VII-VIII դարերում բյուզանդական վարչական բաժանումներում Խաղտիքը կայսրության ամենամեծ երկրորդ Արմենիակոնի բանակաթեմի մաս է կազմել: IX դարում այն անջատվելով դարձել է առանձին բանակաթեմ: Օսմանցիների կողմից Տրապիզոնի գրավումով Խաղտիքը հայտնվում է Օսմանյան տիրապետության և վարչական բաժանումների ներքո:

Բանալի բառեր՝ Խալդիա (Խաղտիք), արմենոխալիբ, հայերի բնօրրան, երկաթագործ, բանակաթեմ, հայկական իշխանություն, Արմենիակոն բանակաթեմ, Մամիկոնյան

⁹⁴ Լուսինե Սահակյանը ԵՊՀ Հայագիտության ինստիտուտի հայ-օսմանյան առնչությունների բաժնի վարիչն է, արևելագիտության ֆակուլտետի թյուրքագիտության ամբիոնի դոցենտ, ք.գ.թ., էլ. փոստ՝ lsahakyan@ysu.am, ORCID 0009-0001-2072-2778:

KHAKHTIQ (KHALDIA) IN THE BYZANTINE ADMINISTRATIVE DIVISIONS*Lusine Sahakyan*⁹⁵

The valleys of the Kajkar Range of the Parkhar (Pontic) mountains, spread out in the vicinity of the Province of Taik lying on the north-west of Greater Armenia, according to Graeco-Roman and Armenian sources, were known as one of Armenians' cradles from ancient times. This is evidenced by the old Armenian toponyms and the dialect of Khakhtiq-Hamshen. In the ancient world, Armenians of Khakhtiq were called *Armenokhalibs*. *Khalib* here is not an ethnonym, but the specialty of Armenians, who had gained popularity as pioneers, processors and sellers of iron, as well as brave warriors. In Khakhtiq, the Armenian people, side by side with other peoples, created its own military-political, spiritual and cultural history, thereby laying the foundation for the subsequent – in the VIII century – formation of the semi-independent Armenian Principality of Hamshen. For centuries, Armenian princes governed in Khakhtiq. The north-western lands of the region were the property of the Mamikonyans princely dynasty. Not coincidentally, during the V century Vardanants war, the mountains and fortresses of Khakhtiq served as strongholds for the troops of the Armenian princes. In the VII-VIII centuries, Khakhtiq was part of the second largest Byzantine Armeniak theme, while later, having detached from it in the IX century, it became an independent theme. After the conquest of Trabzon by Ottomans, it fell under their power and was included in the territorial formations of the Ottomans.

Keywords: *Khaldia (Khaghtiq), Armenokhalib, Cradle of Armenians, Iron workers, Themata, Armenian Principality, Themata of Armeniakon, Mamikonyan*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ագաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց, քննական բնագիրը Գ. Տեր – Մկրտչյանի և Ս. Կանայանի, աշխարհաբար թարգմ. և ծանոթ. Ա. Տեր-Ղևոնդյանի, Երևան, 1977:

⁹⁵ Lusine Sahakyan is a Head of the Department of Armenian-Ottoman Relations at the Institute of Armenian Studies, Associate Professor at the Department of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, E-mail: lsahakyan@ysu.am, ORCID 0009-0001-2072-2778.

2. Ադոնց Ն., Հայաստանը Հուստինիանոսի դարաշրջանում, Երևան, 1975:
3. Ալիշան Ղ., Տեղագիր Հայոց Մեծաց, Վենետիկ, Սբ Ղազար, 1855:
4. Աճառյան Հ., Հայերեն արմատական բառարան, հ. 4, Հ-2, Երևան, 1977:
5. Անանիա Շիրակացի, Մատենագրություն, թարգմ., առաջաբանը և ծանոթ.Ա. Գ. Աբրահամյանի, Գ. Բ. Պետրոսյանի, Երևան, 1979:
6. Ավետարան, Կարին, Աստվածածին եկեղեցի, գրիչ Կարապետ, Փիրղալեմեան Ղ., Նոտարք, տպ. Նշան Կ. Պէրպէրեան, Կ. Պոլիս, 1883:
7. Գէլցեր Հ., Սկզբնաւորութիւնք Բուզանդեան Բանակաթեմերու դրութեան, հայերեն թարգմանությունը՝ Հ. Գարանֆիլեան, Վիեննա, Մխիթարեան Տպարան, 1903:
8. Դանիելյան Է., Պարթևական պետության պատմության որոշ դրվագներ Մովսես Խորենացու լուսաբանությամբ, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 3, Երևան, 1976, էջ 157-170:
9. Եղիազարյան Ա., Հայ Բագրատունիների տերությունը (885-908թթ.), պատմաաշխարհագրական ուսումնասիրություններ, Երևան, 2011:
10. Եղիշե, Վասն Վարդանայ և Հայոց պատերազմին, Եթներորդ յեղանակ, Մատենագիրք Հայոց, Ե դար, հ. Ա, Անթիլիաս-Լիբանան, հրատ. Մեծի Տանն Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան, 2003:
11. ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մաս Ա, կազմեց՝ Լ.Խաչիկյան, Երևան, 1955:
12. ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մաս Գ, կազմեց՝ Լ. Խաչիկյան, Երևան, 1967:
13. Խաչիկյան Լ., Էջեր համշինահայ պատմությունից, Աշխատություններ, հ. Բ, Երևան, 2017, էջ 157-194::
14. Կոստանդին Ծիրանածին, Բյուզանդական աղբյուրներ, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հ. 6, Թարգմանություն բնագրից, առաջաբան և ծանոթագրություններ Հ. Բարթիկյանի, Երևան, 1970:
15. Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. Բ, Երևան, 1984:
16. Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. Գ, Երևան, 1976:
17. Հայկական Սովետական հանրագիտարան, հ.. 2, ՀՀ ՍՍՌ, Երևան, 1975:
18. Հերոդոտոս, Պատմություն ինը գրքից, թարգմ. Ս. Կրկյաշարյանի, Երևան 1986:
19. Հովհաննիսյան Գ., Հայոց տերերը, Երևան, 2012:

20. Ղետնդ, Պատմութիւն Ղետնդայ մեծի վարդապետի հայոց, Ս. Պետերբուրգ, 1887:

21. Մարտիրոսյան Հ., Լեռնային ակունքի ֆառնը, Արշալույսի դիցուհին և գլխի ու մորթու զոհաճեսը վիշապակոթողների իմաստաբանական հենքում, Վիշապ քարակոթողները, Երևան, 2015, էջ 136-171:

22. Մելքոնյան Ա., Համշեն. պատմաաշխարհագրական ակնարկ (16-20-րդ դարեր), Համշեն եւ համշենահայութիւն (գիտաժողովի նիսիւթեր), Երեւան-Պէյրութ, 2007, էջ 25-37:

23. Մովսէս Խորենացի, Հայոց պատմություն, քննական բնագիրը Մ. Աբեղյանի և Ս. Հարությունյանի, աշխարհաբար թարգմ. և մեկնաբան. Ստ. Մալխասյանցի, Երևան, 1981:

24. Նահապետյան Ռ., Հունական և Հռոմեական անտիկ սկզբնաղբյուրների ազգագրական տեղեկությունները Հայաստանի և հայերի մասին, Երևան, 2018:

25. Շարական, Համշեն, Եղնովիտ գյուղ, Խաչիկ հոր վանք, գրիչ՝ Կարապետ Երեց, 1500, ձեռ. Հմր 2062, Վենետիկի Մխիթարյան միաբանության մատենադարան:

26. Պատմութիւն Արիստակէս Լաստիվերցոյ, Վենետիկ, տպ. Ս. Ղազար, 1844:

27. Պրոկոպիոս Կեսարացի, Բյուզանդական աղբյուրներ, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, Կ. Ա. թարգմանություն բնագրից, առաջաբան և ծանոթագրություններ՝ Հ. Բարթիկյանի, Երևան, 1967:

28. Սահակյան Լ., Եղնովիտ բնակավայրի պատմությունը և տեղանվան ստուգաբանությունը, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 2-3, Երևան, 2012, էջ 305-315:

29. Ստրաբոն, Աշխարհագրություն, կազմ. և առաջաբան՝ Ս. Հովհաննիսյան, Երևան, 2011:

30. Ստրաբոն, Աշխարհագրություն, քաղեց և թարգմանեց Հ. Աճառյանը, Երևան, 1940:

31. Վարդանյան Ս., Կրոնափոխ համշենահայերի բարբառը, բանահյուսությունը և երգարվեստը (նյութեր և ուսումնասիրություններ), Երևան, 2009:

32. Տաշեան Հ. Յ. վ., Հայ բնակչութիւնը Սեւ ծովէն մինչեւ Կարին, պատմական-ազգագրական հարեանցի ակնարկ մը, Վիեննա, Մխիթարեան տպ., 1921:

33. Տաշեան Հ. Յ. վ., Տայք, դրացիք եւ Խոտորջուր, Կ. Ա. Վիեննա, Մխիթարեան տպարան, 1980:

34.Տաշեան Հ. Յ. վ., Տայք, դրացիք եւ Խոտորջուր, Խ. Բ, Վիեննա, Մխիթարեան տպարան, 1980:

35.Տեր-Ղևոնդյան Ա., Հայաստանի վարչական բաժանումները ըստ արարաշխարհագիրների, Հասարակական գիտություններ, ՀՍՍՌ գիտությունների ակադեմիայի տեղեկագիր, 5, Երևան, 1961, էջ 64-72:

36. Փալստոս Բուզանդ, Հայոց պատմություն, բնագիրը՝ Բ. Պատկանյանի, թարգմանությունը և ծանոթագրությունները՝ Ստ. Մալխասյանի, Երևան, 1987:

37.Քսենոփոն, Անաբասիս, թարգմ., Ս. Կրկյաշարյանի, Երևան, 1970:

38. Адонц Н. Г., Армения в эпоху Юстиниана, Центр арменоведч. Исследований, Ереван, 1971.

39. Арутюнян Б., К вопросу об этнической принадлежности населения бассейна реки Чорох VII-IV вв. до н. э., Патма-банасиракан андес, 1-2, Ереван, 1998, сс. 233-246.

40.Капанцян Г., Хайаса–колыбель армян, Этногенез армян и их начальная история, Ереван, 1947.

41. Саакян Л., Амшен в армянских рукописях, Ереван, 2022.

42.Сборникъ матеріалов для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Важнейшие сведения о лазах, вып. 10, Тифлис, 1890.

43.Успенский Ф. И., Очерки из истории Трапезундской империи, Ленинград, 1929.

44.Jahukyan G., The Hayaša Language and its Relation to the Indo-European Languages. Archiv Orientalní, 29. Prague, pp. 353-405.

45.Gelzer H., Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, B. G. Teubner, Leipzig, 1899.

46.Haldon J., Warfare, State and Society in the Byzantine World, The Journal of Hellenic Studies, UCL Press, London, 1999, p. 73.

47.Kaegi W., Al-Baladhuri and Armeniak Themas, Byzantium and the Early Islamic Conquests, Cambridge University Press, 2000.

48.Martirosyan H., Etymological Dictionary of the Armenian inherited lexicon, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, Ed. by A. Lubotsky, 8, Leiden-Boston, 2010.

49.Pliny, Naturali Historia, Geography and Ethnography, Loeb Classical Library, Translated by H. Rackham, Books 1-2, 1938.

50. The Geography of Strabo, Loeb Classical Librery edition, Vol. V, 1928.

51. The Oxford Dictionary of Byzantium, Edited by Alexander P. Kazhdan, Oxford University Press, vol. 1991. Ubayd Allāh ibn ‘Abd Allāh Ibn Khurradādhbih, Kitaḥ al-Masaḥik wa-al-mamaḥik prod. by M. J. de Goeje, Bibliotheca Geographorum Arabicorum, Vol. VI, Lugduni Batavorum, Brill, 1889.

52. Keçiş M., Trabzon Rum İmparatorluğu ve Türkler 1204-1404, Doktora Tezi, Türkiye Cumhuriyeti Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Tarih (Ortaçağ Tarihi) Anabilim Dalı, Ankara, 2009.

53. Öztürk Ö., Karadeniz. Ansiklopedik Sözlük, Heyamola Yayınları, İstanbul, 2005, c. 1, s. 350-351.

54. Öztürk Ö., Pontus: Antik Çağ’dan Günümüze Karadeniz’in Etnik ve Siyasi Tarihi, Genesis Yayınları. Ankara, 2011.

55. Uzunçarşılı İ. H., Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1988.

56. 387 Numaralı Muhâsebe-i Vilâyet-i Karaman ve Rûm Defteri (937/1530), II, Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Defter-i Hâkânî Dizisi: III, Ankara, 1997,

57. Trabzon Rum İmparatorluğunun Kuruluşunda Çevreyle Olan İlişkileri, s. 144-162 <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/1573/17062>.

58. ქართლის ცხოვრება, ს. ყაუხჩიშვილის რედაქციით, თბილისი, ტ. II, 1959.

Рубен Мелконян¹*доктор исторических наук, профессор,
декан факультета востоковедения ЕГУ***Гор Оганесян²**

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПРОГРАММАХ ПРОИСЛАМИСТСКИХ ПАРТИЙ ТУРЦИИ В 1960-Х И 1980-Х ГГ.³

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.142

Внешняя и внутренняя, образовательная, пропагандистская политика современной Турции, а также официальная риторика республики свидетельствуют о том, что синтез ислама и национализма превратился в государственную идентичность. Возникшая конкуренция между лаицизмом и религиозностью в Турции, образованной в 1923 г., насчитывает десятилетия, и в какой-то момент национализм настолько тесно переплелся с исламской идеологией, что и сегодня эти два направления, по сути, являются единым целым. В свою очередь, исламизм и национализм в Турции со второй половины прошлого века развивались параллельно, периодически соперничали, но наблюдались и явные предпосылки для их слияния или, по крайней мере, тесного сотрудничества. Это можно заметить в программах происламских партий, действующих с 1970-х гг. В данной статье рассматриваются программы партий «Национальный порядок», «Национальное спасение» и «Национальное процветание» в контексте представления в них определений понятия «национализм», а также политических событий того времени и отношений между религией и лаицизмом.

Ключевые слова: ислам, национализм, государственная идентичность, «политический ислам», идеология, Эрбакан, «Национальное мнение»

¹ Эл. почта: rubenmelkonyan@ysu.am, ORCID0000-0002-1937-901X.

² Эл. почта: gor.hovhannisyan@ysu.am, ORCID 0009-0005-6230-9446.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 21AG-6A081.

С точки зрения конфликта или соперничества между исламом и лаицизмом в Турции важную роль сыграла принятая в 1924 г. Конституция, которая, по сути, является компромиссным документом, связанным с темой исследования. Так, в статье 2 Конституции указывалось, что официальной религией государства является ислам. Это, по мнению тюрколога Б. Поцхверия, «уступка консервативным членам меджлиса»⁴. А в статьях 16 и 38, соответственно, был определен основанный на нормах шариата порядок приведения к присяге депутатов и президента⁵.

Однако широкомасштабный процесс общей секуляризации, начавшийся в Турецкой Республике президентом Мустафой Кемалем, естественно, повлиял и на Конституцию. Поэтому уже в 1928 г. по предложению ряда депутатов Великого Национального собрания Турции в нее были внесены изменения. В частности, из основного документа страны было изъято положение о том, что «религией государства является ислам», а также «с шариатского на гражданский» был изменен порядок проведения церемонии присяги депутатов и президента, указанный в статьях 16 и 38⁶.

Однако после смерти президента Турции Мустафы Кемаля Ататюрка в 1938 г. и особенно в связи с внешними и внутренними процессами после окончания Второй мировой войны в политике страны происходят определенные изменения. Вместо прежней однопартийной системы устанавливается многопартийная. «Демократическая партия», пришедшая к власти в 1950 г. в результате парламентских выборов, предпринимает определенные шаги в направлении повышения роли ислама и ограничения лаицизма. В целом, в последующие десятилетия, начиная с этого периода, согласно характеристике исследователя Умута Узера,

⁴ Поцхверия Б., Ислам в турецкой конституции, Современная Турция: проблемы и решения (сборник статей), Москва, 2006, с. 47.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 48.

происходило медленное движение «от кемалистской государственной идентичности к исламско-анатолийской идентичности»⁷.

После военного переворота в Турции 27 мая 1960 г., в результате которого «Демократическая партия», уделявшая большое внимание «политическому исламу», была лишена власти, отношение политических сил к лаицизму под бдительным контролем армии стало более осторожным, а происламские силы и деятели были вынуждены пересмотреть свою политику и риторику. Во второй половине 1960-х гг. в Турции сложилась крайне напряженная социально-политическая ситуация. Обострившиеся и участвовавшие столкновения между левыми и правыми силами еще больше разжигали и без того экстремистские настроения сторон, тем самым с каждым днем все усложняя общую ситуацию. Пришедшая к власти в результате выборов 1965 г. «Партия справедливости» (ПС), считавшаяся идеологическим преемником «Демократической партии», не желая усложнять отношения с армией, пыталась сдерживать происламские экстремистские элементы в своих рядах и умирить их требования и ожидания. Постепенно более радикально настроенные происламские члены ПС, недовольные осторожной политической линией партии, пришли к осознанию того, что ПС больше не может или не хочет выполнять обозначенную ими повестку дня, и начали искать ей политические альтернативы.

Внутри ПС также нарастало недовольство, вызванное экономической политикой партии. ПС, первоначально пользующаяся поддержкой консервативных масс в сельских общинах, постепенно начала поддерживать крупный городской бизнес, вызывая недовольство средних и малых предпринимателей в восточных провинциях Турции, являющихся членами или сторонниками ПС, которые, будучи не в состоянии решить свои собственные экономические проблемы, терпели банкротство. В защиту интересов малого и среднего бизнеса в регионах

⁷ Uzer U., Glorification of the Past as a Political Tool: Ottoman history in contemporary Turkish politics, *The Journal of the Middle East and Africa*, 2018, 9:4, p. 340, DOI: 10.1080/21520844.2018.1539063.

выступил секретарь Союза торговых палат Турции Неджметтин Эрбакан⁸. На фоне существующих проблем Эрбакан баллотировался на пост председателя Торговой палаты и одержал победу на выборах в мае 1969 г. Но в августе того же года правительство аннулировало результаты выборов и отстранило Эрбакана от должности⁹. Кризис в Торговой палате, который приобрел общественный резонанс, а также отстранение Эрбакана от должности послужили для него основанием, чтобы выйти на политическую арену.

На парламентских выборах 1969 г. Эрбакан решил баллотироваться в качестве кандидата от ПС, но получил отказ. Причиной отказа стали антиправительственные вступления Эрбакана в Союзе торговых палат и его подчернуто исламистские заявления¹⁰. Однако Эрбакан баллотировался в качестве независимого депутата и смог пройти в парламент¹¹. Получив отказ от ПС, Эрбакан вместе со своими единомышленниками основал «Движение независимых» (Müstakiller hareketi), к которому присоединились некоторые политические деятели¹². Среди сторонников движения было руководство религиозного братства Накшбандия¹³, а также представители религиозной секты Нурджулар¹⁴. Именно на основе этого движения 26 января 1970 г. под предводительством Неджметтина Эрбакана была создана партия «Национальный порядок» (ПНП, Milli Nizam Partisi), которая была первой в истории Турции партией с ярко выраженной исламской идеологией. Автором названия партии был Эшреф Эдип, журналист, известный своими крайне исламскими

⁸ Yalçın S., Hangi Erbakan, İstanbul, 1994, s. 32.

⁹ Çavuşoğlu H., TOBB-Siyaset İlişkisi Açısından Erbakan'ın TOBB Başkanlığı Sürecinin Değerlendirilmesi, Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Denizli, 2009, s. 50.

¹⁰ Yorğancılar S., Milli Görüş (1969-1980), İstanbul, 2012, s. 53.

¹¹ Там же.

¹² Emre S. A., Siyasette 35 Yılı, İstanbul, 1990, s. 184.

¹³ Там же, с. 190.

¹⁴ Çaha Ö., Baykal Ö., Milli Görüş Hareketinin Kuruluşu: Türk Siyasetinde Milli Nizam Partisi Deneyimi, Gazi Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi, 19 (3), Ankara, 2017, s. 793.

идеями¹⁵. Логотипом ПНП был кулак с поднятым к небу указательным пальцем. В партии было 18 членов-учредителей, в том числе и члены религиозных братств¹⁶. В этом контексте примечательна беседа Шейха Мехмеда Захида Котку из религиозного братства Накшбандия с Эрбаканом и несколькими его единомышленниками за несколько месяцев до создания партии, в которой Котку посоветовал Эрбакану создать партию, отметив, что «работа по предоставлению руководства государством реальным представителям нашего народа является неизбежной исторической миссией. Присоединяйтесь к этой работе, и если ваши друзья согласятся, возглавьте ее. Начинайте работать, потому что мы уже сильно опоздали»¹⁷.

Несмотря на ярко выраженный исламизм, и в программе, и в риторике ПНП наблюдались националистические мотивы и акценты. Так, на учредительном съезде ПНП Эрбакан в своем выступлении в числе основателей партии указал и сельджукских и османских султанов¹⁸. Первый политический манифест ПНП, «Послание к блаженному турку» (*Mukadessatçı Türk'e beyanname*), был написан турецким писателем и публицистом, известным своими исламскими и националистическими идеями, Неджипом Фазылом Кысакюреком¹⁹. Турецкий исследователь Ахмет Селим Кадыоглу, говоря о синтезе ислама и национализма, обращает внимание на то обстоятельство, что как в названии партии «Национальный порядок», так и в названии партии «Национальное спасение» (ПНС), которая будет создана после запрета первой, было слово «национальный». Более того, в идеологической подготовке их молодежных организаций также была большая доля национализма²⁰.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Kirkinci M., *Hayatim – Hatıralarım*, İstanbul, 2013, s. 311.

¹⁷ Emre S. A., указ. соч., с. 185.

¹⁸ Sarıbay A. Y., *Milli Nizam Partisi'nin Kuruluşu ve Programının İçeriği*, Y. Aktay (Ed.), *Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, İslamcılık*, İstanbul, 2010, s. 577.

¹⁹ Çaha Ö., Baykal, Ö., указ. соч., с. 800.

²⁰ Kadioğlu A. S., *Türk-İslam Sentezi'nin oluşum ve gelişim süreci*, OPUS-Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi, 16 (27), s. 829.

Заметим, что особенно после военного переворота происламская партия была вынуждена выработать свою позицию по отношению к принципу секуляризации и собственную интерпретацию этого принципа. Эта позиция наиболее ярко проявляется в ее партийных программах. В частности, в программе партии «Национальный порядок» отмечается, что члены партии поддерживают концепцию свободы совести, которая обеспечивает «удовлетворение потребностей гражданина в религии»²¹. Кроме того, в программе отмечается, что они выступают против того, чтобы лаицизм, который преподносится как гарантия свободы вероисповедания и совести, стал инструментом религиозного давления и демонстрации неуважения к верующим²².

Однако партия «Национальный порядок» просуществовала недолго: 20 мая 1971 г., в период, последовавший за военным вмешательством 12 марта того же года, деятельность партии была запрещена решением Конституционного Суда Турции. Но следует констатировать, что ПНП сыграла значительную роль в политической жизни Турции, несмотря на то, что не участвовала ни в каких выборах или в каком-либо серьезном политическом процессе. «Политический ислам» с появлением ПНП стал четко выработанной партийной идеологией, превратившись в серьезного конкурента другим идеологиям, существующим в стране, т.е. ПНП и Эрбакан смогли переступить табу, и в политической деятельности Неджметтина Эрбакана подобных побед над табу будет немало. Также следует отметить, что Эрбакан сделал очень важный стратегический шаг в направлении закрепления «политического ислама» в Турции, и внедрил эту идеологию в основанную им доктрину, получившую название «Национальное мнение» (Milli Görüş), главным посланием которой была приверженность консервативным, исламским ценностям в политике, экономике и общественных процессах²³. Здесь слово Milli ('национальный') имеет несколько интерпретаций: оно относится не к словарному

²¹ Milli Nizam Partisi, Program ve Tüzük, Ankara, 1970, s. 7.

²² Там же.

²³ Подробне о партии Национальное мнение см.: Erbakan N., Milli Görüş, İstanbul, 1975.

термину «нация» («nation»), а к религии. Для более точного его толкования уместно привести цитату турецкого историка Ильбера Ортаили: «Слово Millet ('нация') своими корнями уходит в арамейский язык и в иврит, позже оно перешло в арабский язык. Означает – 'слово'. А слово есть сам Аллах. Слово 'национальный' (milli), происходящее от Millet ('нация'), в турецкой политической истории было правильно использовано только Неджметтином Эрбаканом и его партией. Слово не имеет никакого отношения к термину «нация», «nation». Это именно умма, все, кто собирается вокруг слова»²⁴.

Название доктрины «Национальное мнение» со временем стало собирательным именем, а сама доктрина стала восприниматься как платформа, дающая начало всем тем движениям и партиям, которые, по словам турецкого политолога Ахмета Йылдыза, «поддерживают религиозную повестку дня политических партий, выражающих исламские традиции»²⁵. Основная идея доктрины «Национальное мнение» заключается в возрождении определяющей роли ислама в турецком обществе как неотъемлемой части турецкой национальной идеи или национальной идентичности.

Партия «Национальный порядок» была первой из партий доктрины «Национальное мнение», после запрета которой ее члены не ушли, не начали искать альтернативы среди действующих политических сил, а ждали, когда их лидеры создадут новую партию. За ПНП последовала партия «Национальное спасение» (ПНС, Milli Selamet Partisi), которая закрепила начатую ПНП линию, приняв еще более активное участие в политических процессах.

После военного вмешательства в Турцию 12 марта 1971 г. лидер ПНП Эрбакан покинул республику, чтобы избежать возможных преследований, и переехал в Швейцарию, откуда следил за общими внутриполитическими процессами, поддерживая постоянную связь с руко-

²⁴ Engin R. T., Milli Görüş Hareketi ve Söylevleri. (Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi), İstanbul Sebahattin Zaim Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, İstanbul, 2019, s. 31.

²⁵ Yıldız A., Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook, The Muslim World, 93 (2)., Hartford, 2003, p. 188.

водством закрытой ПНП и ее электоратом. 11 октября 1972 г. группой лиц, не являющихся членами ПНП, была основана партия «Национальное спасение», которая стала преемницей ПНП и второй из партий доктрины «Национальное мнение». Центральный орган партии, в основном состоявший из бизнесменов и инженеров, избрал Сулеймана Арифа Эмре главой партии²⁶. В мае того же года Эрбакан вернулся в Турцию и присоединился к партии. К возвращению Эрбакана ПНС уже была готова к участию в парламентских выборах 1973 г.²⁷ и под предводительством Сулеймана Арифа Эмре участвовала в парламентских выборах 14 октября 1973 г., а через 6 дней после выборов, 20 октября, центральный орган партии избрал Неджметтина Эрбакана своим новым председателем²⁸.

Что касается вопросов национализма, то в программе ПНС, во-первых, отмечается, что для морального развития или восстановления страны и формирования образцовой цивилизации необходимо «поколение, гордящееся нашей могучей и славной историей и осознающее национальную индивидуальность»²⁹. В программе делается акцент на том, что всех членов партии связывает идея национализма, которая объединяет «славную и благородную историю и систему моральных ценностей» страны и народа³⁰.

В результате парламентских выборов 1973 г. происламская ПНС, являясь третьей по величине фракцией в парламенте, приобрела важную роль в политических процессах. Председатель «Республиканской народной партии» (РНП), основной носитель идеологии лаицизма, Бюлент Эджевит смог договориться с ПНС, и 26 января 1974 г. было сформировано коалиционное правительство³¹. Бюлент Эджевитт стал

²⁶ Çelebi M. B., Sosyal Bölünmeler Sonucu Ortaya Çıkan Siyasal Partiler ve Milli Görüş Hareketi: MSP ve RP Örneği, İktisadi ve İdari Yaklaşımlar Dergisi, 1(1), Şirnak, 2019, s. 47.

²⁷ Там же.

²⁸ Akgül A., Dünyanın Değişimi ve Erbakan Devrimi, İstanbul, 2003, s. 49.

²⁹ Milli Selamet Partisi, Program ve Tüzük, Ankara, 1973, s. 6.

³⁰ Там же, s. 9-10.

³¹ Karataş M., Türkiye'nin 1970'li Yılları ve Milliyetçi Cephe Hükümetleri, Anadolu ve Balkan Araştırmaları Dergisi, 5(10), Tekirdağ, 2022, s. 396.

премьер-министром, а Неджметтин Эрбакан – вице-премьером. Это, пожалуй, было вторым важным табу, которое переступил Эрбакан, став высокопоставленным чиновником светской Турции. Однако коалиция РНП-ПНС просуществовала недолго, и в течение нескольких месяцев после ее распада парламентским силам не удавалось достичь соглашения в вопросах формирования нового правительства. В конце концов, при посредничестве бывшего президента Джемалпаша Баяра правые силы, представленные в парламенте, смогли достичь соглашения и сформировать коалиционное правительство Националистического фронта (Millîyetçi Çeşit) (31.03.1975-21.06.1977)³², из одного только названия которого уже можно было понять, какой идеологический приоритет у собранных там сил. Премьер-министром стал председатель ПНП С. Демирель, а вице-премьерами были назначены председатель ПНС Н. Эрбакан, председатель партии «Республиканское доверие» (ПРД) Т. Фейзиоглу и председатель крайне националистической партии «Националистическое движение» (ПНД) А. Тюркеш. Это была фактически первая попытка совместного правления «политического ислама» и «политического национализма», в рамках которого еще не был закреплён синтез религии и национализма, но процесс этого слияния уже начался. Примечательно, что в протоколе о создании этого коалиционного правительства было заявлено: «... источником вдохновения для правительства является турецкий национализм»³³.

Спустя некоторое время после распада коалиционного правительства Националистического фронта, 1 августа 1977 г. было сформировано коалиционное правительство Националистического фронта-2 во главе с Демирелем, а вице-премьерами стали Эрбакан и Тюркеш³⁴. Можно констатировалось, что на политической арене Турции исламские и националистические силы фактически играли уже стабильную

³² Karataş M., Указ. соч., с. 403.

³³ Koalisyon Hükümetleri, Koalisyon Protokolleri, Hükümet Programları ve Genel Kurul Görüşmeleri, 2, Ankara, 2015, s. 980.

³⁴ Arslan M., Süleyman Demirel, İstanbul, 2019, s. 156-157.

решающую роль, и де-юре сотрудничество между ними было очевидным свидетельством де-факто существования турецко-исламского синтеза.

12 сентября 1980 г. в Турции снова произошел военный переворот, после которого была запрещена деятельность ПНС. Однако 19 июля 1983 г. юристом Али Тюркменом и 30 его единомышленниками была создана «Партия благоденствия» (ПБ), которая считается преемницей ПНС³⁵. Эмблемой партии стали Луна и колос пшеницы: первая как символ независимости, второй как символ успеха³⁶. ПБ была уже третьей партией «Национального мнения». Программа партии и провозглашаемые ею цели были практически такими же, как у ПНС. Различия были только в части программы, касающейся экономики, куда ПБ включила определенные либеральные идеи, скорее всего, с целью соответствия существующим политическим условиям³⁷.

В разделе программы ПБ, касающемся образования, отмечалось, что партия придает особое значение национальному образованию и преподаванию религии, что является основой духовного развития³⁸. Что же касается национализма, то в программе партии отмечается: «Наша партия является носителем концепции национализма, которая в истории нашей нации проявила себя как объединяющий, примиряющий, созвучный нашим национальным и моральным ценностям фактор, и это составляет основу нашей моральной идентичности»³⁹. Говоря о росте общественно-политического авторитета «Партии благоденствия», Б. Поцхверия обуславливает ее успех, в числе других обстоятельств, «... ростом влияния в стране сторонников ислама, которые в то же время были последователями национализма»⁴⁰.

³⁵ Çelebi O., *Siyasi Yasakların Sonu: 6 Eylül 1987 Referandumunda Erdal İnönü ve Bülent Ecevit'in Faaliyetleri*, History Studies, 13 (1), Çankiri, 2021, s. 307.

³⁶ Refah Partisi Tüzük ve Programı, Ankara, 1983, s. 3.

³⁷ Gulalp H., *Political Islam in Turkey: The Rise and Fall of the Refah Party*, The Muslim World, 89, Hartford, 1999, pp. 26-27.

³⁸ Refah Partisi Tüzük ve Programı, s. 8-9

³⁹ Там же, с. 39.

⁴⁰ Поцхверия Б., указ. соч., с. 53.

Это обстоятельство и укрепившийся уже в 2010-х гг. синтез ислама и национализма, ставший локомотивом общественно-политических процессов в Турции, привлекают и объединяют большинство избирателей. Иван Стародубцов, аналитик и бизнесмен, много лет проживающий в Турции, высказывает следующую несколько неоднозначную мысль, которая при рассмотрении в политологическом или историографическом свете, тем не менее, имеет определенную логику: «С самого начала было понятно, что ни одна партия в Турции, которая не является националистической, не имеет перспективы»⁴¹.

ԱԶԳԱՅՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆԴՐԱԴԱՐՁՆԵՐԸ ԹՈՒՐԻՔԻԱՅԻ ԻՍԼԱՄԱՄԵՏ ԿՈՒՍԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԾՐԱԳՐԵՐՈՒՄ 1960-1980-ԱՎԱՆ ԹԹ.

Ռուբեն Մելքոնյան⁴², Գոր Հովհաննիսյան⁴³

Այսօրվա Թուրքիայի արտաքին և ներքին, կրթական, քարոզչական քաղաքականությունը, ինչպես նաև պաշտոնական հոեւրորաբանությունը փաստում են, որ իսլամի և ազգայնականության սինթեզը վերածվել է այդ երկրի պետական ինքնության: 1923 թ. սրբեղծված Թուրքիայում աշխարհիկության և կրոնականության մրցակցությունը տասնամյակների պայմանում ունի և իսլամական գաղափարախոսությանը ինչ որ պահի ավելի բացահայտ միահյուսվել է ազգայնականությունը ու այսօր դա ըստ էության մեկ ամբողջություն է: Իր հերթին իսլամականությունն ու ազգայնականությունը Թուրքիայում անցյալ դարի երկրորդ կեսից զուգահեռաբար զարգանալով ունեցել են մրցակցության փուլեր, սակայն հաճախ էլ նկատվել են դրանց միաձուլման կամ առնվազն սերտ համագործակցության ակնհայտ նախադրյալներ: Այս երևույթի որոշ արտացոլումներ նկատվում են 1970-ականներից գործող իսլամամետ կուսակցությունների ծրագրերում: Սույն հոդվածում քննության են ենթարկվում «Ազգային կարգի», «Ազգային փրկության» և «Բարօրություն» կուսակցությունների ծրագրերը՝ դրանցում ազգայնականության որոշակի սահմանումների ներկայացման ինչ-

⁴¹ Сатановский Е., Стародубцов И., Турция между Россией и Западом: мировая политика как она есть – без толерантности и цензуры, Москва, 2023, с. 217-218.

⁴² Ռուբեն Մելքոնյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի դեկանն է, պ.գ.դ., պրոֆեսոր, էլ փոստ`rubenmelkonyan@ysu.am, ORCID 0000-0002-1937-901X:

⁴³ Գոր Հովհաննիսյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի թյուրքագիտության ամբիոնի դասախոս է, էլ փոստ`gor.hovhannisyan@ysu.am, ORCID 0009-0005-6230-9446:

պես նաև ժամանակի քաղաքական զարգացումների, կրոն-աշխարհիկություն հարաբերությունների պատկերման համապատկերում:

Բանալի բաներ՝ իսլամ, ազգայնականություն, պետական ինքնություն, «քաղաքական իսլամ», գաղափարախոսություն, Էրբաքան, «Ազգային տեսակետ»

THE REFLECTIONS OF NATIONALISM IN THE PROGRAMS OF THE ISLAMIC PARTIES IN TURKEY 1960-1980

Ruben Melkonyan⁴⁴, Gor Hovhannisyan⁴⁵

Contemporary Turkey's foreign and domestic, educational, propaganda policy, as well as official rhetoric, prove that the synthesis of Islam and nationalism has turned into the country's state identity. In 1923-founded Turkey, the competition between secularism and religiosity has a history of decades and at some point, nationalism was more openly intertwined with Islamic ideology, and today it is essentially one whole. In turn, Islamism and nationalism in Turkey, developing in parallel from the second half of the last century, had phases of competition, but often there were obvious preconditions for their merging or at least close cooperation. Some reflections of this phenomenon can be seen in the programs of pro-Islamic parties operating since the 1970s. In this article, the programs of the "National Order", "National Salvation" and "Welfare" parties are examined, presenting certain definitions of nationalism in them, as well as depicting the political developments of the time and the relationship between religion and secularism.

Keywords: *Islam, Nationalism, State Identity, "Political Islam", Ideology, Erbakan, "National Viewpoint"*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Поцхверия Б., Ислам в турецкой конституции, Современная Турция: проблемы и решения (сборник статей), Москва, 2006.

⁴⁴ Ruben Melkonyan is a Dean of the Faculty of Oriental Studies at YSU, Doctor of Historical Sciences, Professor, E-mail: rubenmelkonyan@ysu.am, ORCID: 0000-0002-1937-901X.

⁴⁵ Gor Hovhannisyan is a lecturer at the Department of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, E-mail: gor.hovhannisyan@ysu.am, ORCID: 0009-0005-6230-9446.

2. Сатановский Е., Стародубцов И., Турция между Россией и Западом: мировая политика как она есть – без толерантности и цензуры, Москва, 2023.
3. Akgül A., Dünyanın Değişimi ve Erbakan Devrimi, İstanbul, 2003.
4. Arslan M., Süleyman Demirel, İstanbul, 2019.
5. Çaha Ö., Baykal Ö., Milli Görüş Hareketinin Kuruluşu: Türk Siyasetinde Milli Nizam Partisi Deneyimi, Gazi Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi, 19 (3), Ankara, 2017.
6. Çavuşoğlu H., TOBB-Siyaset İlişkisi Açısından Erbakan'ın TOBB Başkanlığı Sürecinin Değerlendirilmesi, Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Denizli, 2009.
7. Çelebi M. B., Sosyal Bölünmeler Sonucu Ortaya Çıkan Siyasal Partiler ve Milli Görüş Hareketi: MSP ve RP Örneği, İktisadi ve İdari Yaklaşımlar Dergisi, 1(1), Şirnak , 2019.
8. Çelebi O., Siyasi Yasakların Sonu: 6 Eylül 1987 Referandumunda Erdal İnönü ve Bülent Ecevit'in Faaliyetleri, History Studies, 13/1, Çankırı, 2021.
9. Emre S. A., Siyasette 35 Yıl-i, İstanbul, 1990.
10. Engin R. T., Milli Görüş Hareketi ve Söylevleri. (Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi), İstanbul Sebahattin Zaim Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, İstanbul, 2019.
11. Erbakan N., Milli Görüş, İstanbul, 1975.
12. Gulalp H., Political Islam In Turkey: The Rise and Fall of The Refah Party, The Muslim World, 89, Hartford, 1999.
13. Kadioğlu A. S., Türk-İslam Sentezi'nin oluşum ve gelişim süreci, OPUS-Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi, 16 (27).
14. Karataş M., Türkiye'nin 1970'li Yılları ve Milliyetçi Cephe Hükümetleri, Anadolu ve Balkan Araştırmaları Dergisi, 5(10), Tekirdağ, 2022.
15. Kirkinci M., Hayatım – Hatıralarım, İstanbul, 2013.
16. Koalisyon Hükümetleri, Koalisyon Protokolleri, Hükümet Programları ve Genel Kurul Görüşmeleri, Cilt 2, Ankara, 2015.
17. Milli Nizam Partisi, Program ve Tüzük, Ankara, 1970.
18. Milli Selamet Partisi, Program ve Tüzük, Ankara, 1973.
19. Refah Partisi Tüzük ve Programı, Ankara, 1983.
20. Sarıbay A. Y., Milli Nizam Partisi'nin Kuruluşu ve Programının İçeriği, Y. Aktay (Ed.), Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, İslamcılık, İstanbul, 2010.

21. Uzer U., Glorification of the Past as a Political Tool: Ottoman history in contemporary Turkish politics, *The Journal of the Middle East and Africa*, 9:4,, 2018, DOI: 10.1080/21520844.2018.1539063
22. Yalçın S., *Hangi Erbakan*, İstanbul, 1994.
23. Yıldız A., Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook, *The Muslim World*, v. 93, no 2., Hartford, 2003.
24. Yorğancılar S., *Milli Görüş (1969-1980)*, İstanbul, 2012, s. 53.

Наира Погосян¹

к.ф.н., доцент

**РАСКРЫВАЯ (НЕ)ТРАДИЦИОННЫЕ «МЕСТА ПАМЯТИ»:
АРМЯНОГРАФИЧНЫЕ ТУРЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ МЕМУАРЫ****DOI 10.46991/jos.2024.26.2.156**

Взаимодействие наций, религий и языков, неизбежное в рамках любой империи, приводит к переплетению культур и менталитетов, создавая новые, смешанные или промежуточные формы. Одним из примеров такого симбиоза является армянографичный турецкий – редкое и интересное явление, объединяющее элементы двух языков. Цель данной статьи – представить мемуары двух очевидцев Геноцида армян 1915 года, написанные на турецком языке с использованием армянской графики. Исследуемые записи рассказывают истории двух семей, проживавших до геноцида в Айнтабе (Антен) и Дёртйоле (арм. Чорк Марзпан). Во время Первой мировой войны они были насильственно изгнаны, а их судьбы отразили трагическую историю целой нации, пережившей депортацию, голод и резню.

Ключевые слова: армянографичный турецкий, мемуары, места памяти, геноцид армян

Введение

Изучение индивидуальной и коллективной памяти уже несколько десятилетий является одним из актуальных направлений гуманитарных наук. И хотя, например, теоретики Антзен и Ламбек утверждают, что «единственная память, о которой стоит говорить <...>, – это травматическая память»², ученые продолжают изучать особенности формирования, хранения и передачи памяти, выделять новые категории. Еще в 2007 г. канадский нейрофизиолог и психолог Э. Тулвинг выделил в

¹ Эл. почта nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X.

² Arnold-de Simine, Silke, Trauma and Memory, in Trauma and Literature, ed. by J. Roger Kurtz, Cambridge University Press, 2018, pp. 140-152, p. 141.

общей сложности 256 типов памяти, в число которых он включил такие понятия, как «историческая память», «коллективная память», «культурная память» и «социальная память», часто используемые в антропологических и культурологических исследованиях.³ Такое разнообразие подходов свидетельствует об актуальности и важности проблемы. Однако при изучении принципов формирования/функционирования памяти всего общества или определенной социальной группы, не стоит оставлять без внимания и память отдельно взятых людей, зафиксированную в их дневниках, записках и мемуарах, зачастую хранящих мелкие, но значимые детали, помогающие дополнить картину мира.

Цель данной статьи – представить мемуары-записки⁴ двух очевидцев Геноцида армян 1915 г. на турецком языке с использованием армянской графики, хранящиеся в Музее-институте Геноцида в Ереване.⁵ В качестве методологической основы нашей статьи мы использовали широко известную теорию «мест памяти» (фр. «lieux de mémoire») французского историка Пьера Нора, который определяет места памяти как останки, как «крайнюю форму, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно

³ Там же.

⁴ Чудом спасшиеся от Геноцида армяне начали писать свои истории уже в то время, когда сам геноцид все еще продолжался. Эти армяне искали возможности рассказать о своих личных переживаниях, в основном на армянском языке, но также и на английском и других языках. Хотя некоторые мемуары были опубликованы и стали известны более широкому кругу читателей, большинство из них остаются неизвестными. Все они ценны как исторический документ и как носитель памяти. Подробнее см. Genocide Survivor Memoirs in Armenian & English, 1918-1955, <https://naasr.org/blogs/treasures-of-naasrsmardigian-library/genocide-survivor-memoirs-in-armenian-english-1918-1955> (дата обращения 04.05.2024).

⁵ В коллекции Музея -института Геноцида армян 500 неопубликованных дневников и мемуаров, см. The AGMI Collection of Unpublished Memoirs, http://www.genocide-museum.am/eng/18_ag_20.php (дата обращения 25.05.2024).

создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными».⁶ И хотя сам П. Нора использует эту концепцию в контексте коллективной/групповой памяти, мы посчитали возможным применить ее и к представленным нами мемуарам, потому что их авторы сознательно создавали «место» для своих воспоминаний в надежде сохранить их и передать другим поколениям. Выбор языка мемуаров тоже, скорее всего, неслучаен: он призван скрыть текст от любопытных глаз, превратив тем самым записки в укромное «место/гнездо семейной памяти».

Сочетать несочетаемое: армянская графика и турецкий язык

Взаимодействие наций, религий и языков, неизбежное на территории любой империи, ведет к переплетению культур, традиций, менталитетов и порождает новые, смешанные/промежуточные формы. Армянографичный турецкий (турецкие слова, написанные армянскими буквами, *հայաթը տր'կերեն* – Hayataṛ T'r'keren⁷, на турецком – *Ermeni harfli Türkçe*) – непривычная интересная форма симбиоза двух языков.⁸ Корпус армянографичных текстов, ведущий свое начало с XIV

⁶ Проблематика мест памяти, Франция-память, П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, пер. с фр.: Дина Хапаева, Санкт-Петербург, 1999, с. 17-50, с. 26.

⁷ Для транскрипции армянских слов мы использовали систему Library of Congress – <https://www.loc.gov/catdir/cpso/romanization/armenian.pdf> (дата обращения 04.05.2024).

⁸ Аналогичны армянографичному турецкому греко-турецкий (караманлидик), иудео-турецкий, ассиро-турецкий. Однако, как утверждает один из крупнейших специалистов в этой области Й. Штраус, «билингвизм был широко распространен среди армян, потому что они всегда лучше греков владели турецким, и армянографичные турецкоязычные книги (которых значительно больше, чем на караманлидике) всегда имели широкий круг читателей» [Strauss J., 'The Millets and the Ottoman Language. The Contribution of Ottoman Greeks to Ottoman Letters (19th - 20th Centuries)', *Die Welt Des Islams* 35 (2), 1995, pp. 189-249, p. 211, <http://www.jstor.org/stable/1571230>](дата обращения 04.05.2023).

Подробнее о караманлидике см. *Between Religion and Language. Turkish-Speaking Christians, Jews and Greek-Speaking Muslims and Catholics in the Ottoman Empire*, ed. by E. Balta and M. Ölmez, Istanbul, 2011, pp. 15-318; Balta E., *Translating Books from Greek into Turkish for the Karamanli Orthodox Christians of Anatolia (1718-1856)*, *International Journal*

в., достаточно многочисленный и разнообразный: от надгробных надписей и ашугских (уличные певцы, трубодуры) песен, до печатных переводов религиозных текстов, романов и пьес, от словарей, учебников и периодической прессы до рукописных дневников, мемуаров и частных писем.⁹ Интересно, что даже после геноцида 1915 г. армяне, разбросанные волей судьбы по всему миру, использовали его в книгопечатании и в повседневной жизни. Логично полагать, что основной аудиторией армянографичного турецкого были туркоязычные армяне, о чем еще в 1902 г. писал крупный армянский лингвист Гр. Ачарян.¹⁰ В определенной степени поддерживая его, уже в наше время профессор Б. Дер-Матосьян предполагает, что армянографичный турецкий использовался туркоязычными армянами, чтобы подчеркнуть свою уникальность и отличие от доминирующей культуры.¹¹ Между тем, профессор С.Д. Асланян пишет: «Круг читателей армянографичных турецких книг по-прежнему остается загадкой. Несомненно, что в восемнадцатом веке и первой половине девятнадцатого века большинство читателей составляли армяне-католики, проживающие преимущественно в таких крупных городах, как Стамбул и Измир, а также, но в меньшей степени, в Анкаре и других окружающих городах и поселениях. Однако вызывает удивление, как много армянографичных турецких печатных текстов попало в сельскую местность, где уровень грамотности, безусловно, был значительно ниже,

Turkish Studies, 23 (1&2), 2017, pp. 19-33, https://evangeliabalta.com/old/kitap/61_review.pdf . (дата обращения 15.05.2024)

⁹ Ստեփանյան Հ., Ցուցակ հայերեն ձեռագրերի հայատառ թուրքերեն նիւթերի եւ հայատառ թուրքերեն ձեռագրերի, Երեւանի Մաշտոցի անվան մատենադարանի եւ Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի ձեռագրեր, Ա մաս, Երևան, 2008.

¹⁰ По классификации Г. Ачаряна, турецкоподданные армяне делились на три группы: 1. Армяне, которые полностью поддались языковой ассимиляции и могут считаться туркоговорящими; 2. Армяне, в речи которых турецкий словарный пласт превалирует над армянским; 3. Армяне, которые используют незначительное количество турецких слов в своем лексиконе. Подробнее см. Աճառեան Հ., Թուրքերէնէ փոխառեալ բառերը Պօլսի հայ ժողովրդական լեզուին մէջ համեմատութեամբ Վանի, Ղարաբաղի եւ Նոր-Նախիջեանի բարբառներուն, Հատոր Գ, Մոսկվա- Վաղարշապատ, 1902

¹¹ Der Matossian B., The Development of Armeno-Turkish (Hayatar-T'rk'erēn) in the 19th Century Ottoman Empire Marking and Crossing Ethnoreligious Boundaries, Intellectual History of the Islamicate World, 8, 2020, pp. 67-100, p. 71.

чем в городских центрах».¹² Со своей стороны один из крупнейших современных специалистов в данной области М. Джанкара утверждает, что «армянографичный турецкий, особенно в течение девятнадцатого века, мог служить письменным «лингва франка» среди представителей различных этнических, религиозных и языковых групп в Османской империи».¹³ Отсутствие единого принятого мнения по данному вопросу свидетельствует о том, что разные аспекты феномена армянографичного турецкого долгое время были практически вне внимания ученых и в Армении, и в Турции. Надо отметить, что ситуация несколько изменилась за последние пятнадцать-двадцать лет, однако публикации на эту тему в основном касались печатного наследия.¹⁴ Между тем С.Д. Асланян отмечает, что «наряду с большим количеством печатных работ на армянографичном турецком, существовало такое же огромное, но менее доступное литературное наследие в рукописной форме, значительная часть которого разбросана по архивам и по коллекциям рукописей в полудюжине стран».¹⁵

¹² Aslanian S. D., Prepared in the Language of the Hagarites: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, *Journal of the Society for Armenian Studies*, 25, 2016, pp. 54-86, p. 71.

¹³ Cankara M., Rethinking Ottoman Cross-Cultural Encounters: Turks and the Armenian Alphabet, *Middle Eastern Studies*, 51:1, 2015, 1-16, p. 1.

¹⁴ Pamukciyan, K., *Ermeni Harfli Türkçe Edebiyat*, ed. Osman Köker, İstanbul, 2002; Mignon, L., A pilgrim's progress: Armenian and Kurdish literatures in Turkish and the rewriting of literary history, *Patterns of Prejudice*, 48:2, 2014, pp. 182-200; Ergen S., Son dönem Osmanlı Yemek Kültüründe Ermeni Mutfağının Katkisi Ermeni harfli Türkçe yemek kitapları, İstanbul, 2019; Uygur K., Yalkın C., Uygur S., Market-making strategies in Tanzimat era İstanbul: The quest for an elusive cosmopolitanism, *Business History*, 2023, pp. 1-31. <https://doi.org/10.1080/00076791.2023.2279128>, Masayuki U., One Script, Two Languages: Garabed Panosian and His Armeno-Turkish Newspapers in the Nineteenth-Century Ottoman Empire, *Middle Eastern Studies*, 52(4), 2016, pp. 605-622; Kiraz E., Osmanlı Mizah Basınınin Başlangıcı: Ermeni Harfli Türkçe Mizah Gazetesi Zvarcakhos "Latifeci" (1856), İstanbul, 2024.

¹⁵ Aslanian S. D., Prepared in the Language of the Hagarites: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, p. 61.

Мемуары как «место памяти» ужасов пережитого и жизни, которую не вернуть: Пенон Василян и Манук Берберян рассказывают о себе

Записи из двух тетрадей, находящихся в поле нашего исследования, представляют истории двух семей, проживавших в Айнтабе (Антеп) и Дёртйоле (на арм. Чорк Марзпан) до армянского геноцида и насильственно изгнанных во время Первой мировой войны, и, по сути, отражают историю целой нации, осужденной на депортацию, голод и резню.

Мемуары Пенона Василяна – это подробное описание жизни в Дёртйоле.¹⁶ Автор рассказывает не только о своем городе, но и о соседних армянских и турецких деревнях. В микроисторической хронике Пенона Василяна описывается социальная, экономическая, политическая и культурная жизнь на имперской периферии на фоне общей социальной и политической ситуации в стране и показаны восприятие и идентичность людей, живущих в многорелигиозном и многоязычном обществе до Первой мировой войны.

Родившись в 1903 г., П. Василян застал резню армян в Адане 1909 г. в дни героической самообороны в Дёртйоле. Отец Пенона был сапожником в турецкой деревне Дегирмен Дереси, недалеко от города, и деревенский староста помог их семье в 1909 г., когда началась охота на «гяуров» (неверных) («կեւուր ավի»¹⁷ [kevur avi]). Тот же деревенский староста предложил помощь семье Пенона, когда началась депортация в 1915 г. Однако отец Пенона предпочел уйти вместе с родственниками. Видя голод, болезни и регулярные атаки солдат, Пенон решил бежать, чтобы спастись. После трехлетнего путешествия он вернулся в Дёртйол, нашел своих сестер, женился и жил там до 1938 г. Когда французская армия покинула Хатай, Пенон переехал в Бейрут, затем во Францию, а позже, в 1946 г., в Советскую Армению.

¹⁶ Мемуары П. Василяна, архив Музея-института Геноцида армян, №338 (206).

¹⁷ Для транскрипции армянографичных турецких текстов, мы использовали систему, предложенную Ю. Челик и А. Саргсян. Подробнее см. Çelik H., Sargsyan, A. Introducing Transcription Standards for Armeno-Turkish Literary Studies, Diyâr Zeitschrift für Osmanistik, Türkei- und Nahostforschung, 3 (2), 2022, pp. 161-189.

В отличие от упомянутой выше хроники, Манук Берберян, автор других мемуаров, начинает свой рассказ с депортации и завершает его воссоединением с родственниками в Алеппо. На первой странице Манук Берберян упоминает, что в 1914 г., когда ему было 7 лет и началась призывная кампания, и армяне все еще наслаждались спокойной жизнью в своей стране, ему приснился кошмар, которому суждено было стать явью: «*Sene 1914 tarihindeyaşım 7 sefer birlik senesinde daha ermeniler herkeşe rahat memleketinde zevk ve sefali günlerimizde gecenin birinde bir rüya gördüm*»¹⁸ (В 1914 г., мне было 7 лет, год мобилизации, армяне спокойно жили в стране, в один из чудесных дней в час ночи мне приснился сон).¹⁹

Спустя несколько месяцев этот кошмар стал реальностью. Манук во время своего двенадцатилетнего «путешествия» в районе Дер эз-Зор видел ужасы геноцида, резню. Манук стал свидетелем смерти всей своей семьи. Только ему и его пятилетнему брату удалось спастись, и после скитаний их усыновили две разные арабские семьи из одного и того же кочевого племени. Братьев обратили в ислам. Мануку дали имя Али, а его брата Бузанда называли Салих. Хотя они и оказались в безопасности, кочевая жизнь была слишком трудной для братьев. Бузанд умер в 1916 г. После смерти брата Манук сначала переехал в Тель-Афар, а затем в Джизре. В 1925 г. он узнал, что сыновья его тёти живут в Алеппо, и решил переехать туда.

Истории П. Василяна и М. Берберяна, двух людей, которые, вероятно, никогда не встречались, являются частями общей судьбы выживших в Геноциде армян, их объединила «воля к жизни».²⁰ Во время депортации и Пенон, и Манук «пообещали» себе выжить, несмотря ни на

¹⁸ Мемуары М. Берберяна, архив Музея-института Геноцида армян, № 4939 (162).

¹⁹ В латинской транскрипции сохранены орфография и пунктуация автора. Перевод Н.П.

²⁰ Концепция «воли к жизни» («will-to-live») использована В. Кетсеманьяном при описании спасшегося во время геноцида Геворка Кайсеряна. Истории очень похожи, и концепт применим и в нашем случае Ketsemanian V., When the Voiceless Speak: Self-Narratives of Two Genocide Survivors <https://evnreport.com/magazine-issues/when-the-voiceless-speak-self-narratives-of-two-genocide-survivors/> (Accessed 06.05.2022).

что, и сдержали это обещание. Для немецкого философа А. Шопенгауэра предложенная им концепция «воли к жизни» – это не принцип самосознания и рационально насыщенной воли, а то, что он просто называет «волей»: бездумный, бесцельный, нерациональный импульс, лежащий в основе наших инстинктивных побуждений и основополагающего бытия всего доступного.²¹ Спустя годы после спасения, Манук и Пенон начинают писать мемуары, восстанавливая «место своих воспоминаний». Первая запись в тетради П. Василяна гласит: «Benon Vasilyanin romani 6 yaştan 1909 dan 1985 de romani. Vasilian Penon Dörtüolda doğmuş 1903 tarihte 1985te bütün ömründe başına gelenleri ve gördüğü geçtiği günnerin tomanini yazmıştır» (История Пенона Василяна с 6 лет, с 1909-го г. по 1985 г. Василян Пенон родился в 1903 г. в Дёртйоле, в 1985 г. описал все, через что ему пришлось пройти и повидать в течение жизни. М. Берберян же назвал свои мемуары «Manuk Berberianin terzor vukuatından Kurtuluşu» [Спасение Манука Берберяна из Тер Зора]²².

Практика обмена травматическими воспоминаниями через национальные и культурные границы для заживления ран, похоже, работает и на личном уровне. В атмосфере советского правления, где тема геноцида в основном не озвучивалась, эти дневники для будущих поколений являются уникальным источником сохранения и передачи воспоминаний о геноциде.

Тоска по родине, ностальгия и надежда на возвращение отражены в сочиненных авторами мемуаров стихах и песнях. Более того, Манук Берберян пишет, что именно песни помогали выжить в мучительные дни в Дер-эз-Зоре. Тематика ряда стихов Пенона Василяна очень близки темам, выбранным М. Берберяном: родина, тоска, печаль, боль утраты. Однако завершают свое повествование оба автора на положительной ноте, с надеждой и верой в будущее. Приведем отрывок из песни М. Берберяна, написанной на последних трех страницах его дневника:

²¹ Там же.

²² Мемуары М. Берберяна, архив Музея-института Геноцида армян, № 4939 (162).

<i>Sürdü türkler bizi dağlar taşlar</i>	<i>Турки изгнали нас в горы и скалы</i>
<i>Etiler tayin kurtlar kuşlara</i>	<i>Они хотели, чтобы на нас</i>
<i>нападали волки и птицы</i>	
<i>Seyredin gözlerimden akan yaşlara</i>	<i>Вы - свидетели моих слез</i>
<i>Ya ben ağlamayayım kimler ağlasın</i>	<i>Кто еще должен плакать, если не я?</i>
<i>Bundan böyle khaçepaş²³ valideler</i>	<i>Теперь я говорю, христианские</i>
	<i>матери</i>
<i>Beşikteki çocuklarına şöyle ninni</i>	<i>В ваших песнях говорите детям</i>
<i>Çalmanız gerek</i>	
<i>Sende bu dünyaya geldin</i>	<i>“Ты пришел в этот мир, мое дитя,</i>
<i>Beşikteki yatan çocuk</i>	<i>Не подведи меня, ты должен</i>
	<i>отомстить!”</i>
<i>Ak sütüm haram ettirme,</i>	
<i>Bu vasiyeti etti manuk</i>	<i>Это воля Мануга,</i>
<i>Uyu bunda ninni çocuk</i>	<i>Спи, мой малыш, слушай мою</i>
	<i>песню,</i>
<i>Var derdimiz hadden aşık</i>	<i>У нас так много горя,</i>
<i>Almalısın intikamı</i>	<i>Ты пришел в этот мир, чтобы</i>
	<i>отомстить.</i>

Глубокая печаль о потере семьи и родины – главные мотивы стихов Манука Берберяна. В то же время он считает, что родившиеся дети однажды станут бороться за возвращение на свою родину.

Почти те же идеи прослеживаются и в стихотворении Пенона Василяна, написанном 18 апреля 1984 г.

<i>Şimdi ben yazayım benim aşkimi</i>	<i>Теперь я напишу о своей любви,</i>
<i>Bu aşk benim ağrıyor başımı</i>	<i>Эта любовь заставляет меня</i>
	<i>страдать,</i>

²³ Имеется в виду армянское слово *խաչիւնիշտը* [хаçерашт], синоним слова *христианин* в армянском языке.

*Akityor gözlerimin yaşını
başımda Kikilikyanin sedası*

*Она заставляет меня плакать,
Моя печаль по Киликии.*

*Unutulmaz bu vatan davası
deişilir çalgıların havası
eyi olmaz ermeniyin yarası
olmadıkca bize vatan kilikya
Günler gelir geçerlar bir emir
Toplanır devletler bir yere gelir
Kilikyayı da Ermeniyeye verilir
Gidilir morunlar vatanlarına*

*Нельзя забыть о долге перед родиной,
В мире многое изменится,
не может зажить рана армян,
пока Киликия не отдана нам.
Время пройдет,
Соберутся великие державы,
Отдадут Киликию армянам,
Поедут мои внуки на родину.*

Таким образом, оба автора заканчивают свой рассказ с надеждой на возвращение на родину, если не их самих, то их детей. Они не хотят забывать ужас произошедшего, а наоборот, хотят поделиться им со своими близкими, создавая для них «место», откуда они смогут узнать семейную историю.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что исследованные нами мемуары в качестве первоисточника одинаково ценны для историографических, лингвистических исследований, антропологического анализа. Материалы, включенные в тексты, могут быть полезны не только для исследователей исторических аспектов Геноцида армян, но и для тех, кто хочет изучить историю социальной и культурной жизни армян Османской империи, а также сосредоточиться на культурных взаимодействиях в Империи. По тексту записей можно проследить особенности словарного запаса и грамматических конструкций разговорного турецкого языка того времени. Проанализировав эти мемуары, можно с уверенностью утверждать, что армяно-турецкий язык широко использовался не только грамотными людьми и элитой, но и в некоторых районах был письменным языком простого народа и использовался повседневно.

**ԲԱՅԱՀԱՅՏԵԼՈՎ «ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ (ՈՉ) ԱՎԱՆԴԱԿԱՆ ՎԱՅՐԵՐԸ».
ՀԱՅԱՏԱՌԻ ԹՈՒՐԲԵՐԵՆ ՀՈՒՇԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ**

Նաիրա Պողոսյան²⁴

Ազգերի, կրոնների և լեզուների փոխազդեցությունը, որը անխուսափելի է ցանկացած կայսրությունում, հանգեցնում է մշակույթների և աշխարհընկալումների միախառնման՝ սրբեղծելով նոր, խառը կամ միջանկյալ ձևեր: Նմանապիսի սիմբիոզի օրինակ է հայապատ թուրքերենը, որն իր մեջ միավորում է երկու լեզուների տարրերը: Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել 1915 թվականի Հայոց ցեղասպանության երկու ականաբեմների հայապատ թուրքերեն հուշերը: Մեր հետազոտության ծիրում գտնվող օրագրերը պատմում են ցեղասպանությունից առաջ Այնթապում (Անթեփ) և Դյորթյոլում (հայ. Չորք-Մարգ-պան) ապրած երկու ընտանիքների պատմությունները: Առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում բռնի տեղահանված այս մարդկանց ճակատագիրը արտացոլում է գաղթ, սով և կոտորած վերապրած մի ողջ ժողովրդի ողբերգական պատմությունը:

Բանալի բառեր՝ հայապատ թուրքերեն, հուշեր, հիշողության տեղեր, հայոց ցեղասպանություն

**EXPLORING THE (UN)USUAL “SITES OF MEMORY”: ARMENIAN-SCRIPT
TURKISH MEMOIRS**

Naira Poghosyan²⁵

The entanglement of nations, religions, and languages, which is inevitable in any empire, leads to the minglings of cultures and worldviews, creating new, mixed, or intermediate forms. Armenian-script Turkish, which combines elements of both languages is an example of such a symbiosis. The purpose of this article is to present the memoirs written in Armenian-script Turkish by two eyewitnesses of the Armenian Genocide of 1915. The diaries under study recall the stories of two

²⁴ Նաիրա Պողոսյանը ԵՊՀ արևելագիտության ամբիոնի թյուրքագիտության ամբիոնի դոցենտ է, ք.գ.թ., էլ. փոստ՝ nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X:

²⁵ Naira Poghosyan is an Associate Professor of the Department of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, E-mail: nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X.

families who lived in Aintab (Antep) and Dörtöl (Arm. Chork-Marzpan) before the genocide. The tragic fate of these people, forcibly displaced during World War I, reflects the harrowing history of an entire nation that endured deportation, starvation, and massacres.

Keywords: Armeno-Turkish, memoirs, places of memory, Armenian Genocide

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Աճառեան Հ., Թուրքերէնէ փոխառեալ բառերը Պօլսի հայ ժողովրդական լեզուին մէջ համեմատութեամբ Վանի, Ղարաբաղի եւ Նոր-Նախիջեանի բարբառներուն Լազարեան Ճեմարան Արեւելեան Լեզուաց, Մոսկուա-Վաղարշապատ, 1902:

2. Ստեփանյան Հ., Ցուցակ հայերէն ձեռագրերի հայատառ թուրքերէն նիւթերի եւ հայատառ թուրքերէն ձեռագրերի, Երեւանի Մաշտոցի անվան մատենադարանի եւ Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի ձեռագրեր, Ա մաս, Երևան, 2008:

3. Воспоминания М. Берберяна, № 4939 (162), Музей-институт геноцида армян

4. Мемуары П. Василяна, №338 (206), Музей-институт геноцида армян

5. Проблематика мест памяти, Франция-память, П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, пер. с фр.: Д. Хапаева, Санкт-Петербург, 1999, с. 17-50.

6. De Simine Silke A., Trauma and Memory, in Trauma and Literature, ed. by J. Roger Kurtz, Cambridge University Press, 2018, pp. 140-152.

7. Aslanian S. D., «Prepared in the Language of the Hagarites»: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, Journal of the Society for Armenian Studies, 25, 2016, pp. 54-86.

8. Balta E., Translating Books from Greek into Turkish for the Karamanli Orthodox Christians of Anatolia (1718-1856)', International Journal Turkish Studies, 23 (1&2), 2017, pp. 19-33, https://evangelialbalta.com/old/kitap/61_review.pdf . (дата обращения 15.05.2024)

9. Between Religion and Language. Turkish-Speaking Christians, Jews and Greek-Speaking Muslims and Catholics in the Ottoman Empire, ed. by E. Balta and M. Ölmez, Istanbul, 2011, pp. 15-318.

10. Cankara M., Rethinking Ottoman Cross-Cultural Encounters: Turks and the Armenian Alphabet, Middle Eastern Studies, 51:1, 2015, pp. 1-16.

11. Çelik H., Sargsyan A. Introducing Transcription Standards for Armeno-Turkish Literary Studies, *Diyâr Zeitschrift für Osmanistik, Türkei- und Nahostforschung*, 3. Jg. 2, 2022, pp. 161-189.
12. Der Matossian B., The Development of Armeno-Turkish (HayatarT'rk'erēn) in the 19th Century Ottoman Empire Marking and Crossing Ethnoreligious Boundaries, *Intellectual History of the Islamicate World*, 8, 2020, pp. 67-100.
13. Ergen S., *Son Dönem Osmanlı Yemek Kültüründe Ermeni Mutfağının Katkısı Ermeni harfli Türkçe Yemek Kitapları*, İstanbul, 2019.
14. *Genocide Survivor Memoirs in Armenian & English, 1918-1955*, <https://naasr.org/blogs/treasures-of-naasrs-mardigian-library/genocide-survivor-memoirs-in-armenian-english-1918-1955> (дата обращения 04.05.2024).
15. Ketsemanian V., When the Voiceless Speak: Self-Narratives of Two Genocide Survivors <https://evnreport.com/magazine-issues/when-the-voiceless-speak-self-narratives-of-two-genocide-survivors/> (дата обращения 06.05.2022).
16. Masayuki U., One Script, Two Languages: Garabed Panosian and His Armeno-Turkish Newspapers in the Nineteenth-Century Ottoman Empire'. *Middle Eastern Studies*, 52(4), 2016, pp. 605- 622,
17. Kiraz E., *Osmanlı Mizah Basınının Başlangıcı: ErmeniHarfli Türkçe Mizah Gazetesi Zvarcakhos «Latifeci» (1856)*, İstanbul, 2024.
18. Mignon L., A pilgrim's progress: Armenian and Kurdish literatures in Turkish and the rewriting of literary history, *Patterns of Prejudice*, 48:2, 2014, pp. 182-200.
19. Pamukciyan K., *Ermeni Harfli Türkçe Edebiyat*, ed. Osman Köker, İstanbul, 2002.
20. Strauss J., The Millets and the Ottoman Language. The Contribution of Ottoman Greeks to Ottoman Letters (19th-20th Centuries), *Die Welt Des Islams*, 35 (2), 1995, pp. 189-249 <http://www.jstor.org/stable/1571230> (дата обращения 04.05.2023).
21. The AGMI Collection of Unpublished Memoirs, http://www.genocide-museum.am/eng/18_ag_20.php (дата обращения 25.05.2024).
22. Uygur K., Yalkin C., Uygur S., Market-making strategies in Tanzimat Era Istanbul: The Quest for an Elusive Cosmopolitanism, *Business History*, 2023, pp. 1-31, <https://doi.org/10.1080/00076791.2023.2279128>.

Варужан Гегамян¹

к. ист. н., доцент

«ТАКСИМСКАЯ БИТВА»: ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.169

Площадь Таксим является одним из центральных политических символов Турции. На протяжении всей истории Турецкой республики разные политические акторы боролись за возможность преобразование этой площади в соответствии со своими политическими идеологиями и дискурсами. В данной статье рассматриваются основные важные периоды истории площади Таксим и ее значение в турецкой политической культуре. Это позволит понять место и роль символа в современной политической жизни Турции.

Ключевые слова: архитектура; ислам; идеология; секуляризм; символы

Введение

В мае 2021 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, выступая на площади Таксим в центральной части Стамбула по случаю открытия одноименной мечети, заявил: «Мечеть Таксим появилась в нашем Стамбуле после полуторавековой борьбы... Сегодня наша нация осуществила свою 150-летнюю мечту».² Охарактеризовав строительство мечети Таксим (*Taksim camii*) как символа возрождения большой и сильной Турции, Эрдоган предложил рассматривать ее наравне с двумя другими исламскими сооружениями Стамбула: «Слава господу, наша мечеть уже заняла свое достойное место среди важных символов Стамбула... Я верю, что это третье важное духовное наследие, которое мы недавно привезли в Стамбул после завершения строительства Большой мечети Чамлыджа (*Büyük Çamlıca Camii*) и открытия Святой Софии для поклонения,

¹ Эл. почта: vgeghamyan@ysu.am, ORCID: 0000-0001-8090-359X.

² Erdoğan R.T., Taksim Cami Açılış Töreni'nde Yaptıkları Konuşma, TCBB, 28.05.2021, <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/128051/taksim-cami-acilis-toreni-nde-yaptiklari-konusma> (дата обращения 10.10.2024).

будет освещать наш город, как лампа, на протяжении веков... Наша страна завоевала еще один символ, который олицетворяет нашу независимость».³

Реджеп Тайип Эрдоган и возглавляемая им Партия справедливости и развития (ПСР) не единственная политическая сила на турецкой политической арене, которая уделяет столь большое внимание стамбульской площади и её преобразованию. Особый статус данной местности обусловлен значимостью площади Таксим и её окрестностей в политической иконографии Турции. На протяжении всей истории республиканской Турции Таксим являлась важным символом борьбы за власть, о которой упоминает в своей речи президент Эрдоган. При этом эта борьба не только политических сил, но и политических идеологий и дискурсов – в первую очередь секуляризма и исламского консерватизма. Одним словом, архитектурное преображение этой площади является важнейшим фактором турецкой политики, и оно продолжает быть в центре политической борьбы.

В данной статье мы рассмотрим основные важные периоды истории площади Таксим и ее значение в турецкой политической культуре. Это позволит понять место и роль символа в современной политической жизни Турции.

Урбанистическая реконструкция и архитектура в политике

Урбанистическая реконструкция и архитектура представляют большой интерес для современных исследователей политических культур, т.к. они не только несут в себе символический заряд власти, но и служат местом, где происходит коммуникация власти и народа. Здания и пространства создаются не только для функциональных целей, они несут в себе мощные символические и идеологические смыслы, формируя общественное сознание, укрепляя политическую власть и влияя на общественное настроение. Архитектурные сооружения и урбанистические пространства можно назвать сценами, служащими в то же самое время и декорациями к «государственным пропагандистским спектаклям».⁴ Городские ландшафты, памятники, монументы и здания являются теми

³ Там же.

⁴ Гегамян В., Площадь Таксим и образы власти: урбанистическая реконструкция как средство и пространство коммуникации в кемалистской Турции, КЛИО, 4 (124), 2017, с. 73.

местами, где власть интенсивно выстраивает свои образы.⁵ Архитектурные образы, используя символику пространства и формы, передают посыл власти, формируя пространство для коммуникации власти.⁶ Архитектура, играя роль инструмента власти, также может стать средством сопротивления политическим режимам. Примеры такого использования архитектуры можно найти в городах, где активисты используют общественные пространства для проведения протестов или для создания альтернативных зон взаимодействия.⁷

Архитектура как составляющая часть реконструкции урбанистического пространства занимала существенное место во властной иконографии Османской империи.⁸ Этот подход был унаследован от Османской империи. Кемалистская власть уделяла огромное внимание реконструкции пространства как символу новой власти.⁹ В последний период существования империи и еще с большим размахом в раннереспубликанской Турции архитектурное преобразование стало главным визуальным символом модернизации и строительства турецкой нации наряду с языковой реформой и реформой одежды.¹⁰ Городские центры, площади и улицы получали новую символическую значимость в кемалистском дискурсе националистических и тоталитарных идей о модернизирующемся едином обществе.¹¹ В результате новой урбанистической политики в условиях однопартийного режима власть диктовала создание и распределение пространства в стране. Таким образом, модернизация и строительство единого общества сильно повлияли на облик города и его архитектуру. Одновременно

⁵ Бойцов М., Что такое потестарная имагология? Власть и образ: Очерки потестарной имагологии, отв. редакторы М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский., Санкт-Петербург, 2010, с. 5-37.

⁶ См. Gill G., *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*, Cambridge University Press, 2011, 364 p.

⁷ Граффити, арт-инсталляции и незаконные постройки являются примерами архитектурного и художественного сопротивления, которые подчеркивают борьбу против власти или гегемонии.

⁸ См. Kafescioğlu Ç., *Constantinople/Istanbul: Cultural Encounter, Imperial Vision and the Construction of the Ottoman Capital (Buildings, Landscapes, and Societies)*, University Park, Pennsylvania State University Press, 2009, 346 p.

⁹ См. Bozdoğan S., *Modernism and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic*. Seattle: University of Washington Press, 2001, 367 p.

¹⁰ Там же, с. 3-15.

¹¹ Baykan A., Hatuka T., *Politics and culture in the making of public space: Taksim Square, 1 May 1977, Istanbul*, 25:1, *Planning Perspectives*, 2010, p. 52-56.

статуи и памятники стали играть центральную роль в деле репрезентации и реконструкции личной власти и харизмы лидера страны.¹²

Историю использования публичного пространства как места репрезентации власти и борьбы за власть в республиканской Турции можно проследить на примере множества урбанистических и архитектурных проектов. Однако среди них особенно выделяется площадь Таксим, которая уже с первых дней образования республики превратилась в объект постоянной борьбы между властью и другими акторами политики.

Таксим против имперского наследия

После распада Османской империи и создания Турецкой республики центром новой турецкой нации, в противовес столице османов – Стамбулу, по замыслу кемалистской власти, должна была стать Анкара. Маленький анатолийский город, по воле случая ставший центром расположения сил кемалистского движения, в 1923 г. был объявлен столицей республики. Город начал реконструироваться согласно новой турецкой идеологии, постепенно превращаясь в административный и политический центр республики.¹³ Однако Стамбул со своим историческим и культурным разнообразием и как экономический и культурный центр страны, а также как столица империи с пятивековой историей, продолжал оставаться самым важным городом республики. Кемалистская власть пыталась выдвинуть Анкару на эту роль, но в глазах международного сообщества Стамбул сохранял статус «зеркала», в котором можно было разглядеть суть новой республики. Именно поэтому кемалистскому руководству пришлось позаботиться о том, чтобы иконография города соответствовала новой идеологии и репрезентировала новую власть.

Анкара, в отличие от Стамбула, в своей иконографии не имела значимых символов ислама и османского правления. Между тем Стамбул был настолько полон подобных знаков, что невозможно было их как-то спрятать или сделать менее значимыми. Расположенные по всему городу огромные мечети выступали

¹² Несмотря на то, что в Османской империи не было установленной традиции репрезентации власти через фигуративные образы, с появлением республики именно памятники и статуи стали основными инструментами создания визуального образа власти.

¹³ Evered K., *Symbolizing a Modern Anatolia: Ankara as Capital in Turkey's Early Republican Landscape*, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 28 (2), 2008, p. 326-341.

как символы ислама, а шикарные особняки и дворцы свидетельствовали об имперской власти османского государства. Городской ландшафт был заполнен фонтанами, кладбищами, маленькими мечетями, домами и другими сооружениями на всех улицах и во всех уголках бывшей столицы. Эта репрезентация османских (исламских) символов препятствовала распространению новой власти и новой идеологии в Стамбуле.

В этом плане особенно выделялся центр города. Когда османское войско в 1453 г. заняло город Константинополь, султан первым делом, объявляя о своей власти над городом, изменил городской ландшафт: центр византийской столицы стал центром государства османов, а стоящая там церковь Святой Софии, которая являлась символом города и византийской (христианской) имперской власти, была превращена в мечеть. В 1616 г. рядом с ней, на центральной площади, была закончена постройка мечети Султанахмет (Голубая мечеть), которая стала новой репрезентацией османского могущества и власти. Она должна была доминировать в иконографии Стамбула и затмить бывшие византийские символы (в первую очередь ипподром и церковь Святой Софии). Таким образом, поместив символы ислама на центральной площади, османская власть превратила центр Византийской империи в новый центр империи Османской. В течение последующих пяти веков площадь мечети Султанахмет оставалась центром столицы и империи, вокруг которой продолжались создаваться другие османские памятники.

Аналогичная задача стояла перед властями новой Турецкой республики. Однако трудно было переделать мечети и дворцы так, чтобы с них исчезли символы предыдущей власти. Поэтому кемалисты решили изменить локацию центра города и заново сконструировать его уже с новыми символами республики. Так как все городские центры были заняты дворцами и мечетями, было решено переместить новый центр в «нейтральное» место, свободное от исламо-османских символов. Таким местом стала площадь Таксим, которая находилась в пределах города, но в достаточной отдаленности от площади Султанахмет. Новая площадь находилась на небольшом холме, с которого не был виден бывший городской центр. Единственным символом бывшей османской власти на этой территории было здание водораспределения города (построено в 1732 г.), но оно не имело религиозной значимости. Немаловажно, что площадь Таксим находилась рядом с районом Бейоглу (Пера). В предшествующие полтора века этот район города был торговым центром имперской столицы. В этом месте находились западные и немусульманские финансовые компании,

банки, магазины, гостиницы, иностранные школы, посольства европейских держав, церкви, синагоги, кладбища христиан и евреев и т.д. Размещение центра рядом с таким местом символизировало немусульманский, секулярный и европейский характер кемалистской власти.

Размещение нового городского центра на площади Таксим давало возможность построить новую иконографию города в достаточной отдаленности от османского исламского центра как в географическом, так и в культурном понимании.¹⁴ Площадь Таксим, свободная от символов османской власти, символизировала новый центр республиканской, националистической и модернизирующейся власти.¹⁵ По замыслу кемалистов реконструкция площади Таксим должна была начинаться с установки национального монумента «Республика» (*Cumhuriyet Aniti*). Он был возведен в 1928 г., создал его известный итальянский скульптор Пьетро Каноника. Одна сторона памятника символизировала кемалистское движение и войну, а другая – основателей республики. Памятник был лишен исламских символов и представлял секулярный и модернистский образы республики. Монумент можно считать также ярким образцом формирующегося в Турции культа личности Кемаля Ататюрка. Своими архитектурными решениями он представляет фигуру Мустафы Кемаля – лидера «национального освободительного движения», окруженного неизвестными солдатами. Символизируя турецкую национальную идентичность, монумент превращал площадь Таксим в городской центр и таким образом помещал бывшую столицу в кемалистский нарратив. В общем, власть репрезентировала себя посредством этой площади.

В период президентства Исмета Иненю (1938-1950 гг.) Таксим продолжал оставаться местом политической борьбы. Для новой власти было важно отобразить себя на главной площади страны. Для создания нового облика Стамбула руководством страны были приглашены иностранные архитекторы. Согласно градостроительному плану, разработанному известным французским архитектором Г. Простом, с 1939 г. были начаты работы по реконструкции площади, ее увеличению и созданию большого парка. Прилегающая к парку бывшая османская казарма (*Topçu kışlası*) была разрушена, и на ее месте построен парк, который должен был стать новым городским центром. По задумке архитектора, парк и прилегающая площадь должны были привлекать к

¹⁴ Старый центр превратился в музейный и туристический район, таким образом подчеркивая секулярный характер республики.

¹⁵ Baykan A., Hatuka T., указ. соч.

себе мужчин и женщин, что само по себе уже символизирует модернизацию турецкого общества и его единство.¹⁶

В изменении ландшафта важным элементом была также новая топография пространства. Для того, чтобы стереть воспоминания о прошлом, стали переименовывать улицы и площади. Это должно было способствовать отображению новых реалий. Тем самым навязывался новый язык, через который жители республиканского города должны были заново познать смысл пространства. Строящийся новый большой парк был назван в честь Иненю (*İnönü Gezisi*) как «выражение благодарности народа Стамбула президенту Иненю».¹⁷ Прилегающие к площади улицы также были переименованы в улицы «Независимости» (*İstiklal Caddesi*) и «Республики» (*Cumhuriyet Caddesi*). Для более полного отражения правящего режима и образа лидера в городском ландшафте было решено у входа в парк, между самим парком и площадью Таксим, возвести большой памятник президенту Иненю. По сути, он должен был стать главным памятником Иненю в стране и закрепить канонический его образ.¹⁸ Величественность образу лидера должны были придать размер самого памятника, его местоположение и композиция. Памятник предполагалось установить так, чтобы он доминировал над памятником «Республика».¹⁹ Окончательную форму новой иконографии центра города придавал построенный рядом с парком современный стадион (на пути к дворцу Долмабахче), который носил имя Иненю (*İnönü Stadi*). Таким образом, можно сказать, что согласно новой иконографии города, Иненю должен был превратиться в главный символ страны.

¹⁶ См. Akpınar I., *The Rebuilding of İstanbul Revisited: Foreign Planners in the Early Republican Years, New Perspectives on Turkey*, 50, April 2014, p. 59–92.

¹⁷ *Cumhuriyet gazetesi*, 29.08.1942.

¹⁸ Статуя, заказанная в 1940 г. известному скульптору Р. Беллингу, изображала Иненю в образе всадника – военного полководца. По бокам памятника были высечены слова Ататюрка о военном гении Иненю (справа) и слова благодарности, уважения и любви Стамбула к Иненю (слева).

¹⁹ Центр в архитектурной коммуникации считается «священным местом, содержащим потенциал всего, т.к. символизирует единство, целостность, абсолютную реальность и исходную точку всего сущего». Встречая граждан у входа в парк, куда, согласно архитектурному плану, должны были стекаться потоки людей со всех концов города и страны, памятник Иненю, как центральная фигура в пространстве, символизировал преодоление пространства и времени. Таким образом, статуя становилась доминирующим символом централизованной власти Иненю. Однако эта композиция не была завершена. Из-за Второй мировой войны и последующих политических трансформаций памятник так и не был установлен.

Можно сказать, что в период правления Ататюрка и Иненю площадь Таксим в первую очередь символизировала модернизацию и вестернизацию, а основная борьба шла за отображение харизматических образов лидера, а не идеологий.

Между модерном и традицией

В период однопартийного правления кемалистов Таксим, по сути, превратился в главную площадь страны. Именно поэтому, с приходом Демократической партии к власти в 1950 г., начался новый этап борьбы за репрезентацию образов власти и новых властных дискурсов на площади. Новая власть стала бороться с символами предыдущей. Конная статуя Иненю была отнесена во двор одного из стамбульских цехов, а в июне 1951 г. в городском совете было принято решение о «переименовании улиц, площадей, спортивных арен, школ и других похожих учреждений, которые носят имена ныне здравствующих политических деятелей». Понятно, что это решение было в первую очередь направлено на уничтожение наследия предыдущей власти (и в первую очередь президента Иненю) в публичном пространстве.²⁰

Основное изменение, однако, пришло в идеологической области. В целом, возглавляемая А. Мендересом Демократическая партия пришла к более масштабным послаблениям в вопросах религии и в частности Ислама, которые, в первую очередь имели цель заручиться симпатией консервативного большинства населения. В рамках этого власть активно занималась восстановлением мечетей и сооружением новых.²¹ Использовалась архитектура османского периода и не только для того, чтобы усилить турецкий и исламский образы города, но и для того, чтобы привлечь иностранных туристов. С усилением либерально-консервативной повестки Демократической партии ожидаемо, что взгляд многих был направлен на площадь Таксим. Площадь не имела ни одной мечети. Наоборот, как сама площадь, так и пространство вокруг неё содержали символы других религий. Так, величественная греческая церковь Святой троицы доминировала над всей площадью, напоминая о прошлом города и данного района.

²⁰ Milliyet Gazetesi, 23.06.1951.

²¹ Например, тогда же премьер-министр А. Мендерес выступил с предложением опять превратить церковь Св. Софии, которая с 1930-х по замыслу Ататюрка функционировала как музей, в мечеть.

С началом проведения либерально-консервативной политики правящей партии, поступали предложения построить большую мечеть на площади.²² Для этого создавались разные организации и общественные инициативы, которые лоббировали постройку мечети, а также занимались сбором необходимых финансов.²³ При этом, тогда отмечалась не только практическая необходимость в постройке большой мечети²⁴, но и подчеркивалась символическая значимость. Так, в одном из обращений инициативной группы к городским властям говорилось, что «чудесная мечеть с двойным минаретом, олицетворение турецкого единства и нравственности, будет установлена в самом густом и разнообразном и очень нужном месте нашего города, жемчужины земли».²⁵ Кроме этого, отмечалось, что на данный момент в этом центральном районе кроме одного фонтана и водохранилища нет ни одного другого «памятника с турецкой печатью».²⁶

Сторонники кемализма увидели в этих предложениях атаку на секулярные основы республики и заявляли, что власть пытается откатить назад страну, идущую по пути модернизации.²⁷ Несмотря на то, что правящая сила одобрила идею постройки мечети, она так и не была реализована из-за военного переворота 1960 г., когда власть перешла в руки кемалистов-военных. Более того, начавшиеся до переворота тесные отношения с США повлияли не только на экономическую политику, но в целом и на культурную жизнь и, в особенности, на архитектуру. Дизайн новых сооружений на площади Таксим и вокруг нее был выполнен в интернациональном стиле.²⁸ В частности, были построены новые здания для гостиниц международных брендов (*Hilton Hotel, Intercontinental hotel, Sheraton hotel*).

В течении двух десятилетий между тремя военными переворотами (1960г., 1971г., 1980г.) в стране усиливалась поляризация в обществе. Общественные

²² Kaya Ö., Taksim Meydanına Cami: “Bölgeye İslami mühür”, 07/2021, Tarih dergisi, <https://tarihdergi.com/taksim-meydanina-cami-bolgeye-islami-muhur/> (дата обращения 20.10.2024).

²³ Taksim Camii. Bir Mabedin Varoluş Mücadelesi. Basın İlan Kurumu, 2023, s. 167-248.

²⁴ Учитывалось увеличение мусульманского населения в этом районе и отсутствие большой мечети.

²⁵ Kaya Ö., указ. соч.

²⁶ Там же.

²⁷ Okta B. Y., Taksim Square after 1950, p. 113 https://www.academia.edu/83211494/Taksim-Square_after_1950 (дата обращения 20.10.2024).

²⁸ Okta B. Y., указ. соч., с. 107-110.

пространства превратились в арену борьбы между левыми и правыми силами, которая часто сопровождалась с насилием и столкновениями. Таксим как центр города стал одним из основных мест для политических и общественных демонстраций. Этому способствовала как политическая значимость и символика площади, так и ее удобное расположение. Уже к концу 1970-х годов площадь Таксим превратилась в самую главную арену политических демонстраций и митингов, таким образом окончательно став главной политической площадкой республики. Сакральное значение площади еще более усилилось после расстрела демонстрантов в день празднования Первого мая в 1977г.

В данных условиях в скором времени поступило новое предложение построить мечеть в западной части площади, на этот раз от премьер-министра Сулеймана Демиреля.²⁹ Глава муниципалитета Бейоглу (административный район, где находится площадь) назвал данное предложение «наш самый великий проект».³⁰ Несмотря на то, что были получены все административные разрешения для начала постройки, мечеть так и не была воздвигнута из-за очередного военного переворота (1980 г.).

В последующие годы разные политические силы и деятели пытались реализовать проект мечети, однако ни одна из них не достигла своей цели в силу идеологической и политической борьбы.³¹ Кемалистская бюрократическая машина и представители военной элиты создавали разные препятствия на этом пути, таким образом усиливая эту символическую борьбу.

Символ «исламского города»

Новый этап борьбы за постройку мечети начался в 1990-х, когда исламские политические партии усилили свое влияние и смогли добиться успехов на выборах всех уровней. В частности, молодой представитель исламской Партии благоденствия (*Refah Partisi*) Реджеп Тайип Эрдоган в 1994 г. был избран мэром Стамбула и в том же году городской совет одобрил план постройки мечети на площади Таксим. Данную идею поддержало высшее руководство страны. Премьер-министр и руководитель Партии благоденствия Неджметтин Эрбакан открыто заявлял: «Народ хочет мечеть на [площади] Таксим. Они

²⁹ Демирель выступал с подобной инициативой еще в 1960-х, однако она не получила широкую огласку и не увенчалась успехом.

³⁰ Там же, с. 113.

³¹ С подобными инициативами выступало правительство Тургута Озала в 1980-х.

хотели препятствовать этому... Мы построим мечеть, она будет очень красивой».³² Мэр Эрдоган обосновывал сооружение мечети необходимостью добавления исламского символа к образу города: «Ключевым местом стамбульского туризма является этот район. Когда человек, приезжающий сюда, увидит этот центр, он поймет, что находится в исламском городе... Когда мы постепенно раскроем историческую и культурную структуру нашего города, я верю, что турист, приезжающий в Стамбул, поймет, что он приехал в город, жители которого – мусульмане».³³ Таким образом мы видим, что для представителей политического ислама Таксим имел важное символическое значение. Согласно представлениям исламистов, главный центр мусульманской страны не отображал ее исламскую суть и была острая необходимость исправить эту ситуацию. Здесь нужно также отметить, что для Эрдогана и его команды, как в целом и для исламской политической традиции, Стамбул имеет еще одно особое значение. Он символизирует победу ислама и тюркской традиции над остальным миром. Неслучайно, что в 1994 г., когда еще молодой политик Эрдоган баллотировался на пост мэра Стамбула, он и партия агитировали своих сторонников прийти на выборы и участвовать «во втором завоевании города (после султана Мехмеда Фатиха)».³⁴

Заявления представителей исламской партии о необходимости постройки мечети на главной площади города и начало предварительных строительных работ усилили сопротивление со стороны секулярных слоев элиты и населения и способствовали усилению ожесточенных политических дебатов к концу 1990-х. Кемалисты продолжали видеть в этом замысле отказ от секулярных реформ Ататюрка и усиление исламского радикализма. В разгар этой борьбы Эрбакан заявлял: «Мечеть будет построена несмотря ни на что» и «...они похожи на бешеных псов, когда дело доходит до возражений против мечети».³⁵ Однако и в этот раз военный переворот 1997 г., который отстранил правительство Эрбакана, приостановил реализацию проекта.

В 2002 г. возглавляемая Эрдоганом ПСР пришла к власти и в скором времени получила возможность с еще большими возможностями заняться

³² Kaya Ö., указ. соч.

³³ Bora T., Fatih'in İstanbul'u, Birikim dergisi, <https://birikimdergisi.com/dergiler/birikim/1/-sayi-76-agustos-1995/2274/fatih-in-istanbul-u/2765> (дата обращения 20.10.2024).

³⁴ Aslan S., Symbolic Politics and Contention in the Turkish Republic, in the Oxford Handbook of Turkish Politics, ed. Tezcür G. M., Oxford University Press., p. 391.

³⁵ Okta B. Y., указ. соч., с. 117.

реконструкцией пространства. Этому способствовала постепенное усиление власти Эрдогана и создание авторитарного правления. Естественно, что с приходом к власти Эрдогана и ПСР Стамбул превратился в одно из главных пространств для их символотворчества.³⁶ В начале 2010-х правящая партия выступила с инициативой вернуть на «свое законное» место – вместо парка Гези рядом с площадью Таксим – османскую казарму. В казарменный комплекс должна была входить и новая мечеть. Однако многие представители общественности выступили против этого проекта трактуя его как символ насаждения неоосманской идеологии власти. Широкое несогласие и критика в итоге вызвали масштабные протесты по всей стране в мае-июне 2013 г. Хотя власти подавили протесты, однако постройка мечети опять была отложена и возобновилась в феврале 2017 г., когда вся власть уже была сконцентрирована в руках возглавляемой президентом Эрдоганом ПСР.

Власть смогла продвинуть эту инициативу, не встречая особого сопротивления. О своем намерении немедленно начать строительство мечети Эрдоган заявил через несколько дней после подавления военного мятежа в июле 2016 г. Выступая перед своими многочисленными сторонниками турецкий лидер заявил: «Для Таксима у нас есть еще одна благая весть... Проект готов, мы там построим мечеть Таксим».³⁷ Очевидно, что проект был подготовлен заранее и в условиях, создавшихся после попытки военного переворота, эта инициатива встретила бы еще меньше сопротивление. Кроме этого, в рамках усиливающиеся с начала 2010-х доминирующей идеологии исламизма, национализма и нео-османизма, создание мечети смотрелось более «органично».

³⁶ Идеологическая урбанистическая политика ПСР в Стамбуле не ограничилась только постройкой мечети Таксим. Следующий важный архитектурный символ власти Эрдогана – Большая (соборная) мечеть Чамлыджа (*Büyük Çamlıca Camii*), которая была построена по личной инициативе Эрдогана и открылась в 2019 г. Благодаря своему расположению на одноименном высоком холме и своим размерам мечеть Чамлыджа превратилась в один из новых и узнаваемых символов Стамбула и Турции. Громадная мечеть символизирует силу власти Эрдогана, а в народе она часто именуется «мечетью Эрдогана». Нужно также отметить, что эта мечеть, с одной стороны, указывает на связь нынешней власти и Эрдогана с османским имперским прошлым страны и города (мечеть построена в типичном османском стиле), с другой стороны, подчеркивает роль Эрдогана в истории Турции согласно официальному нарративу.

³⁷ Erdoğan Topçu Kışlası'nda israrı, DW, 19.07.2016, <https://www.dw.com/tr/erdo%C4%9F-fan-top%C3%A7u-k%C4%B1%C5%9Fas%C4%B1nda-%C4%B1srarc%C4%B1/a-19409185> (дата обращения 20.10.2024).

Уже в 2021 г. большая мечеть была возведена в западной части площади. Своими огромными масштабами она доминирует над всей площадью Таксим и окружением, таким образом не только радикально меняя облик центра города, но также символизируя победу консервативной религиозной идеологии над секулярным-кемалистским.

Неслучайным представляется выбор дня официального открытия мечети. Оно состоялось 28-го мая 2021 г., которая может иметь несколько символических смыслов. В первую очередь церемония была приурочена к очередной годовщине завоевания Константинополя. Об этом говорил Эрдоган в своей речи приуроченной к открытию мечети: «Я воспринимаю мечеть Таксим ... как подарок к 568-й годовщине завоевания Стамбула, которой мы достигнем завтра».³⁸ Таким образом, символически постройка мечети ассоциируется с завоеванием города, что подчеркивает историческую значимость открытия мечети. Следующее символическое значение связано с протестами 2013 г. Именно 28-го мая считается днем начала масштабных демонстраций на площади. Открытие мечети в годовщину данного события в некотором смысле является «ответом» на эти протесты и попыткой установить свой нарратив в истории и памяти центра города. К месту упомянуть статью в одной из провластных газет по этому случаю, которая была озаглавлена: «Победа над террором Гези».³⁹ Подобное трактование события являлось одной из основных в правящих кругах.

В целом, ассоциируясь с Эрдоганом, мечеть Таксим также символизирует власть последнего, как человека, который смог исполнить «многолетнее чаяние народа о мечети».⁴⁰ Данная трактовка способствует усилению властной харизмы турецкого лидера и усилению его легитимности, подчеркивая историчность его образа.

³⁸ Erdoğan R.T., Указ. соч.

³⁹ Erdoğan opens controversial mosque on Gezi Park protest anniversary, The Guardian, 28.05.2021, <https://www.theguardian.com/world/2021/may/28/turkish-president-erdogan-unveils-mosque-on-taksim-square> (дата обращения 20.10.2024).

⁴⁰ Kaya M., Taksim Camii 3 yıldır Taksim Meydanı'nın simgesi oldu: Kirik dökük mescitten devasa camiye kavuştuk, Sabah 31.05.2024 <https://www.sabah.com.tr/yasam/taksim-camii-3-yildir-taksim-meydaninin-simgesi-oldu-kirik-dokuk-mescitten-devasa-camiye-kavustuk-6962300> (дата обращения 20.10.2024)

Заклучение

Площадь Таксим представляет собой уникальный символический объект, ставший ареной политических столкновений и идеологических преобразований на протяжении всей истории республиканской Турции. Ее пространство менялось в зависимости от правящих идеологий и политических сил, которые стремились закрепить в нем свои ценности и символы. Начиная с кемалистского переосмысления пространства и создания монументов в национальном духе, нацеленных на укрепление нового секулярного порядка, и до современной политики правящей ПСР, использующей архитектурные проекты для репрезентации нео-османских и религиозных символов, площадь Таксим остаётся полем для символической борьбы. Этот феномен указывает на важность архитектуры и городского ландшафта в формировании коллективного политического сознания Турции и на неослабевающее стремление каждой политической силы оставить свой след в культурной памяти страны.

«ԹԱՔՍԻՄԻ ՃԱԿԱՏԱՄԱՐՏԸ». ՔԱՂԱՔԱՅԻՆ ՀՐԱՊԱՐԱԿԸ ՈՐՊԵՍ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՊԱՅՔԱՐԻ ՕՐՅԵԿՏ ՀԱՆՐԱՊԵՏԱԿԱՆ ԹՈՒՐԻՔԻԱՅՈՒՄ

Վարուժան Գեղամյան⁴¹

Թաքսիմի հրապարակը Թուրքիայի քաղաքական գլխավոր խորհրդանիշներից մեկն է: Թուրքիայի Հանրապետության պատմության ողջ ընթացքում տարբեր քաղաքական դերակատարներ պայքարել են այս հրապարակը իրենց քաղաքական գաղափարախոսություններին և խոսույթներին համապատասխան ձևավորելու համար: Այս հոդվածում քննվում են Թաքսիմի հրապարակի քաղաքական պատմության հիմնական շրջափուլերը և դրանց կարևորությունը թուրքական քաղաքական մշակույթում: Սա թույլ կտա հասկանալ ժամանակակից Թուրքիայի քաղաքական համակարգում այս խորհրդանիշի տեղը ու դերը:

Բանալի բառեր՝ ճարտարապետություն, գաղափարախոսություն, իսլամ, աշխարհիկություն, խորհրդանիշներ

⁴¹ Վարուժան Գեղամյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի թյուրքագիտության ամբիոնի դոցենտ է, պ.գ թ., էլ. փոստի հասցե՝ vgegghamyan@ysu.am, ORCID: 0000-0001-8090-359X:

“THE BATTLE OF TAKSIM”: CITY SQUARE AS AN OBJECT OF POLITICAL STRUGGLE IN REPUBLICAN TURKEY

Varuzhan Geghamyan⁴²

Taksim Square is one of the central political symbols of Turkey. Throughout the history of the Turkish Republic, different political actors have struggled to transform this square according to their political ideologies and discourses. In this article, we will examine the main important periods in the history of Taksim Square and its significance in Turkish political culture. This will allow us to understand the place and role of the symbol in contemporary Turkish political life.

Keywords: architecture, ideology, Islam, secularism, symbols

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойцов М., Что такое потестарная имагология?, Власть и образ: Очерки потестарной имагологии, отв. ред. Бойцов М., Успенский Ф., Санкт-Петербург, 2010, с. 5-37.
2. Гегамян В., Площадь Таксим и образы власти: урбанистическая реконструкция как средство и пространство коммуникации в кемалистской Турции, Клио, 4 (124), 2017, с. 72-78.
3. Akpinar I., The Rebuilding of İstanbul Revisited: Foreign Planners in the Early Republican Years, New Perspectives on Turkey, 50, April 2014, p. 59–92.
4. Aslan S., Symbolic politics and contention in the Turkish Republic, The Oxford Handbook of Turkish Politics. Oxford University Press, 2022, p. 387–406.
5. Baykan A., Hatuka T., Politics and Culture in the Making of Public Space: Taksim Square, 1 May 1977, Istanbul, Planning Perspectives, 25:1, 2010, p. 52-56.
6. Bozdoğan S., Modernism and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic. Seattle: University of Washington Press, 2001.
7. Evered K., Symbolizing a Modern Anatolia: Ankara as Capital in Turkey’s Early Republican Landscape, Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East, 28 (2), 2008, p. 326-341.

⁴² Varuzhan Geghamyan is an Associate Professor at the Chair of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD E-mail: vgeghamyan@ysu.am, ORCID: 0000-0001-8090-359X.

8. Gill G., *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*, Cambridge University Press, 2011.
9. Kafescioğlu Ç., *Constantinopolis/Istanbul: Cultural Encounter, Imperial Vision and the Construction of the Ottoman Capital (Buildings, Landscapes, and Societies)*, University Park, Pennsylvania State University Press, 2009.
10. Okta B. Y., *Taksim Square after 1950*, p. 113 https://www.academia.edu/83211494/Taksim_Square_after_1950 (дата обращения 20.10.2024).
11. *Taksim Camii. Bir mabedin varoluş mücadelesi*, Basın İlan Kurumu, 2023.
12. Bora T., *Fatih'in İstanbulu*, Birikim dergisi, <https://birikimdergisi.com/dergiler/birikim/1/sayi-76-agustos-1995/2274/fatih-in-istanbul-u/2765> (дата обращения 20.10.2024).
13. *Cumhuriyet gazetesi*, 29.08.1942.
14. *Erdoğan opens controversial mosque on Gezi Park protest anniversary*, The Guardian, 28.05.2021, <https://www.theguardian.com/world/2021/may/28/turkish-president-erdogan-unveils-mosque-on-taksim-square> (дата обращения 20.10.2024).
15. Erdoğan R.T., *Taksim Cami Açılış Töreni'nde Yaptıkları Konuşma*, TCBB, 28.05.2021, <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/128051/taksim-cami-acilis-toreni-nde-yaptiklari-konusma> (дата обращения 10.10.2024).
16. Erdoğan Topçu *Kışlası'nda ısrarcı*, DW, 19.07.2016, <https://www.dw.com/tr/erdo%C4%9Fan-top%C3%A7u-k%C4%B1%C5%9Flas%C4%B1nda-%C4%B1srarc%C4%B1/a-19409185> (дата обращения 20.10.2024).
17. Kaya M., *Taksim Camii 3 yıldır Taksim Meydanı'nın simgesi oldu: Kirik dökük mescitten devasa camiye kavuştuk*, Sabah 31.05.2024 <https://www.sabah.com.tr/yasam/taksim-camii-3-yildir-taksim-meydaninin-simgesi-oldu-kirik-dokuk-mescitten-devasa-camiye-kavustuk-6962300> (дата обращения 20.10.2024)
18. Kaya Ö., *Taksim meydanına cami: "Bölgeye İslami mühür"*, 07/2021, *Tarih dergisi*, <https://tarihdergi.com/taksim-meydanina-cami-bolgeye-islami-muhur/> (дата обращения 20.10.2024).
19. *Milliyet Gazetesi*, 23.06.1951.

Vahram Ter-Matevosyan¹

*Doctor of Historical Sciences, Professor
College of Humanities and Social Sciences,
American University of Armenia*

Hovhannes Nikoghosyan²

*PhD, Adjust Lecturer
College of Humanities and Social sciences,
American University of Armenia*

POLITICAL COMMUNICATION DURING THE 2020 WAR: SETTING THE STAGE FOR DEFEAT

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.185

The present paper looks into the Armenian side of the 2020 war in the pursuit to elucidate the non-military factors that led to the devastating defeat of the Republics of Armenia and Nagorno Karabakh. Based on the available public records (public statements, media publications), as well as non-structured interviews with select high-ranking officials, the article aims to improve expert-level understanding of the wartime management that led to the Armenian defeat. This paper also attempts to launch a discussion on wartime behaviour of the political elite in Armenia.

Keywords: 2020 war; military defeat; crisis management; information warfare; Armenia, Azerbaijan Nagorno-Karabakh

Introduction

The full-scale war Azerbaijan unleashed against Artsakh and Armenia on September 27, 2020, has drastically changed Armenia's political landscape. The ramifications of the war were felt across the board as they came to test

¹ E-mail: termatevosyan@aua.am ORCID 0000-0002-2212-0391.

² E-mail: hnikoghosyan@aua.am ORCID 0000-0001-5397-582X.

the resilience, fragility and adaptability of Armenia's leadership, public institutions and society. Already shattered in the wake of the political turmoil and recurring crises between April and December of 2018 - with complete reset in government due to the abrupt change of power that brought in an inexperienced cadre of new elite - the government of Armenia would fail to manage and respond to the Azerbaijani aggression, inter alia, due to also grave mistakes during the COVID-19 pandemic before the war.

Hitherto, several years after the war, the English-language analyses mainly focused on the root causes of the 2020 war and its regional and transregional implications paying little to no attention to the domestic politics of the fateful six weeks of the war. Although the wartime behaviour of Pashinyan's government was scrutinized within the domestic political context, only a few academic papers have tried to look into domestic political patterns that led to the war outcomes. The present paper looks into the Armenian side of the 2020 war in the pursuit to elucidate the non-military factors that led to the devastating defeat of the Republics of Armenia and Nagorno Karabakh. Based on the available public records (public statements, media publications), as well as non-structured interviews with select high-ranking officials, the article aims to improve expert-level understanding of the wartime management that led to the Armenian defeat. This paper also attempts to launch a discussion on the wartime behaviour of the political elite in Armenia.

The discussion proceeds in the following three main passages: it begins by briefly presenting, in broad strokes, the pre-war political landscape to develop some contextual understanding, followed by analysis of the efforts of the Armenian political leadership in domestic affairs during the war, and, lastly, wraps up with the endgame of the war.

“Democratic Invincibility” aspirations of the post-2018 regime

The discussion of Armenian government actions and decisions in the course of the war shall depart from briefly outlining the foreign and security policy approaches adopted by the new, revolutionary government following

the peaceful transition of power in April-May, 2018. Since day one of the success of the “Velvet, non-violent, people's revolution” on May 8, 2018, Prime Minister Nikol Pashinyan and his team, as well as an army of supporters among the expert community,³ have begun propelling the narrative that the democratic nature of the new government would inevitably become the primary shield towards aggressive revanchism by Azerbaijan.⁴ This has been reiterated for public use, for international audiences, as well as instruction to the Armenian corps diplomatique on numerous occasions up to 2020 and even beyond.⁵

There are possibly three relevant aspects to set the stage. First, the representatives of the deposed elite, since summer 2018, have repeatedly questioned the foreign and security policy credentials of the new Prime Minister, Nikol Pashinyan. Driven by the pursuit of distancing himself from the old elite, Pashinyan has made numerous populist statements - mostly for internal use - which however resonated beyond the borders of Armenia. That has created a false promise on an international scale that the new, popular regime can use its legitimacy for the peaceful resolution of the Nagorno Karabakh conflict.⁶ On numerous occasions there have been direct statements about aspirations to bring a certain new thinking to the international fora about the conflict.⁷

Second, the dynamics in the peace process under the aegis of the OSCE Minsk Group co-chairmanship entered a deadlock by early 2018. While the often-quoted statement by Serzh Sargsyan at the Armenian parliament about

³ Grigoryan S. *The Armenian Velvet Revolution*. Yerevan, 2018; *Armenia's Velvet Revolution: Authoritarian Decline and Civil Resistance in a Multipolar World*. 2020. (eds) Laurence Broers and Anna Ohanyan. London. I.B. Tauris, 2018.

⁴ Tamrazyan H., Papyan A. 2018. *Pashinyan. Azerbaijan's aggression is not only against Armenia, but also against democracy in the region*. Radio Liberty. July 12. <https://www.azatutyun.am/a/29358788.html> (Accessed 15.06.2023)

⁵ Statement by Prime Minister Nikol Pashinyan during the "Diplomat's Day" reception. March 7, 2019 <https://168.am/2019/03/07/1091962.html> (Accessed 15.06.2023)

⁶ Interview of Armenia's Foreign Minister Zohrab Mnatsakanyan to BBC HardTalk's Stephen Sackur, <https://www.youtube.com/watch?v=dJTGRiBCRkw>. (Accessed 15.06.2023)

⁷ Statement by Prime Minister Nikol Pashinyan during the "Diplomat's Day" reception. March 7, 2019 <https://168.am/2019/03/07/1091962.html> (Accessed 15.06.2023)

the deadlock was about, arguably, Armenian and mediators' being on the same wavelength, the new approach adopted by Nikol Pashinyan - with the blessing of his Security Council in Summer 2018⁸ - to reject the tabled proposals of the mediators and try to postpone any tangible commitments for as long as possible - eventually produced deadlock around the negotiation table. Fingers were pointed against Armenia - first time in decades. Russian updated proposals, tabled in Moscow in April 2019,⁹ were neglected, and that was a blow to Russian ambitions in particular, and lacking tangible proposals by other mediators - to the Minsk Group format as such. Lastly, the pandemic situation has had adverse effects on the overall situation too, severing regular diplomatic engagement, as well as the field missions under the aegis of the OSCE CiO Personal Representative Andrzej Kasprzyk. Between 2018 and 2020, trading accusations of "selling out" Nagorno Karabakh by the popular and populist government have become the main political show in town - between the representatives of the deposed elite and the new Government. Previously inexperienced in foreign or security policy making, or in any other area of state affairs, the new regime would seize any opportunity to claim strong credentials in national security affairs, mostly producing unforced errors in this path.

In summer 2020, the Armenian military started reporting on higher risks of escalation. At least on three occasions, namely on July 4, July 10 and August 21, Onik Gasparian, the Chief of Staff of the Armed Forces, urged the Prime Minister and members of the Security Council to proactively work towards preventing the new war and reported about the inability of the armed forces to sustain long-term fighting. He also informed the government that the armed forces needed 8 billion USD to solve the

⁸ Nikoghosyan H., Ter-Matevosyan V., From 'Revolution to War: Deciphering Armenia's Populist Foreign Policy-Making Process, *Southeast European and Black Sea Studies*, 23 (2), 2022, pp. 207-227.

⁹ Buniatian H. 2020. Lavrov: The principles of step-by-step resolution lie as the basis of discussions between Mnatsakanyan and Mamedyarov. rus.azatutyun.am/a/30568279.html. April 21, (Accessed 15.06.2023)

problems of technological modernization.¹⁰ Arguably, Gasparyan also encouraged the political leadership to mend ties with the Kremlin and update lines of communication on institutional levels.¹¹ However, possibly driven by the pursuit to cement his foreign and security policy credentials, PM Pashinyan had blown out of proportion a tactical gain along the international border in Tavush region in July 12-14, 2020. More than seven dozen servicemen were decorated with medals, and one officer was awarded the highest state honour - “National Hero” - for their role in the July clashes, only a month before Azerbaijani full-scale invasion in Nagorno Karabakh. On the Azerbaijani side, President Ilham Aliyev sacked the long-time Foreign Minister Elmar Mammadyarov, and replaced him with a 'yes-man' among his technocratic elite. Aliyev has also, on a few occasions since July, shut the door for any future negotiations blaming Armenia's leadership for “disrupting the negotiation process”.¹² In July, the OSCE Minsk Group co-chairmen released a few statements, which, in effect, declared there was no ongoing peace process as such and urged the parties “to prepare for serious substantive negotiations to find a comprehensive solution to the conflict.”¹³ The same statement also reaffirmed the principles and elements presented to the parties on March 9, 2019, and emphasized the need for OSCE monitors to “return to the region as soon as possible.”¹⁴ In parallel to that and in the midst of the pandemic the government never ceased to

¹⁰ “Weal Air Defense System, intelligence, insufficient UAVs. What did the Chief of Staff of the Armed Forces report to the Prime Minister.” 2023.

<https://armeniasputnik.am/20230628/tuji-hop-hetakhuzutjun-anbavarar-ats-ner-inch-e-zekucel-gsh-nakhkin-pety-varchapetin-61882095.html>. 28 June. (Accessed 15.08.2023)

¹¹ Bavakanach'ap' jank'er ch'gortsadrjets'in paterazmy Hayastani ev Arts'akhi hamar arravel barenpast paymannerov..., July 3, 2023. RFE/RL Armenian Service, <https://www.azatutjun.am/a/32487309.html> (Accessed 15.06.2023)

A few then-high level officials with knowledge of Security Council discussions elaborated on the content in expert interviews with authors.

¹² “Aliyev announced that negotiations over the Karabakh conflict are actually suspended. Jnjel, 2020. TASS< <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9502113>. September 19. (Accessed 19.06.2023)

¹³ Press Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group and Personal Representative of the OSCE Chairperson-in-Office. 2020. Moscow/Paris/Washington, DC, <https://www.osce.org/minsk-group/458068> (Accessed 15.06.2023)

¹⁴ Ibid.

believe that those purported democratic credentials would act as deterrents for large-scale aggression against Armenia. The leader of the majority in the parliament even excluded any possibility of Turkey's involvement in the conflict because "it will be perceived in the context of the Genocide."¹⁵ In this vein, the Turkish Foreign Minister's statement on August 10, that Armenia shall "come to its senses" must have annulled the belief in Armenian Government corridors that Turkey will stay idle in case of a new war,¹⁶ but it did not.

Armenia's public institutions and society approached the conflict in a state of deep polarization. In line with his populist rhetoric, Pashinyan's policy choices sowed discord and discontent among society, especially between leaders of public opinion, parts of the Yerevan-based intelligentsia as well as between Artsakh's political-military leadership and Armenia's political leadership. Even though Arayik Harutunyan was elected Artsakh's president in the midst of the pandemic enjoying support from Pashinyan's political entourage, by September he also realised that negotiations were doomed and war seemed imminent.¹⁷

Prior to September 2020, Pashinyan also made a series of changes in the military leadership which, in essence, have created management and organisational problems within the military units and in the system.¹⁸ Most of the changes have been of political nature. In June 2020, Artak Davtyan, the Chief of Staff of the Armed Forces, was sacked for throwing a wedding party for his son in the midst of pandemic.¹⁹ Experts and practitioners have

¹⁵ "Turkey will not join Azerbaijan in unleashing large-scale aggression against Armenia – Armenian MP". 2020. Armenpress. <https://armenpress.am/en/article/1023126>. July 27. (Accessed 14.09.2023)

¹⁶ Ter-Matevosyan V., Deadlocked in History and Geopolitics: Revisiting Armenia–Turkey Relations. *Digest of Middle East Studies*, 30 (3), 2021, pp. 155–169.

¹⁷ "People, let's prepare for war, instead of discussing the topic of negotiations". 2020. Armenian Time. <https://www.armtimes.com/hy/article/194847>. September 2. (Accessed 15.06.2023)

¹⁸ Discussed this with two experts and provided more details.

¹⁹ "Artak Davtyan was sacked from his position as the Chief of Staff of the Armed Forces, Onik Gasparyan replaced him." 2020. Armenian Times.

<https://www.armtimes.com/hy/article/189737>. June 8. (Accessed 18.06.2023)

periodically raised questions about the lack of modernization in Armenia's armed forces and the importance of reforms in the chief of staff which remained stuck in the Soviet-era tactics and strategies.²⁰

As the fateful September approached domestic political variables in Armenia and Azerbaijan were heading in opposite directions. Even though July skirmishes in the Tavush region resulted in Armenia's tactical gains, Armenia's public opinion, including the new political elite, remained inherently ignorant of the looming war. Those warnings about possible war - had been either silenced, or ridiculed in the context of domestic political discourse by reference to the 'democratic invincibility' of the new popular government.²¹ Whereas, the July flare-up resulted in radicalising public opinion in Azerbaijan when the hawkish public pressured on political elites into war.

“War is here”: Failures of crisis management

Terrorist attacks or foreign aggressions are shocking events, that serve as extreme tests of the resilience, capabilities and adaptability of the governments, public institutions, and communities to absorb and react to them. The literature on crisis management offers different models of the government's response. In 2005, Arjen Boin *et al* identified 5 key tasks that emerge in times of crisis: sensemaking, decision-making and coordination, meaning-making (crisis-communication), ending, and learning.²² In 2013, Eric Stern, one of the co-authors, has added another challenge of crisis

²⁰ Amirkhanyan Zh., A Failure to Innovate: The Second Nagorno-Karabakh War. *The US Army War College Quarterly: Parameter*, 2022, pp. 119-134; Cheterian V., Technological determinism or strategic advantage? Comparing two Karabakh Wars between Armenia and Azerbaijan. *Journal of Strategic Studies*, 47 (2) 2024., pp. 214-237.

²¹ A more detailed discussion on the 'democratic invincibility' can be found at: Nikoghosyan & Ter-Matevosyan, Post-Revolution and War, Armenia Must Find a Geopolitical Balance, Carnegie Endowment, March 9, 2021.
<https://carnegieendowment.org/posts/2021/03/post-revolution-and-war-armenia-must-find-a-geopolitical-balance?lang=en> (Accessed 15.06.2023)

²² Boin A., Hart P., Stern E. and Sungelius B., *The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure*. Cambridge. Cambridge University Press, 2005.

leadership: preparing.²³ Applying this framework of analysis reveals that the Armenian government neither adequately addressed nor embraced in a timely manner the mentioned tasks of crisis management.

The Armenians woke up in the morning of September 27 with headlines about large-scale military attacks by Azerbaijan across the entire Line of Contact in Nagorno Karabakh. At the beginning of the war, despite deep societal polarizations, Pashinyan secured quick and wide political and popular support because Azerbaijan's invasion in Artsakh left no room for interpretations. The well-observed tendency of the public to rally around the flag and political leadership can be attributed to the manifestations of modern nationalism: national myths of omniscience and omnipotence of the nation and the congruence of one's national morality with a supranational.²⁴ This pattern was also widely observable in Armenia as hours after the news broke out people poured to the streets and in front of the Military Enlistment offices to volunteer for war.

On September 27, the statements from all corners of the political spectrum were about seeking national unity and rallying the nation around the flag. The Prime Minister spoke both at the special session in the National Assembly, and addressed the nation.²⁵ Nagorno Karabakh President Arayik Harutyunyan did the same. In retrospect, Pashinyan's remarks at the National Assembly where he argued what's now famous "whatever happens - we won't consider ourselves defeated", alongside his speculations about the unacceptable "political price" of stopping the war, both sounded as if seeking broader legitimacy for any future decisions. Part of the parliamentary opposition has been rather optimistic in prospects for military victory and called upon the Prime Minister "to order the troops to advance and resolve the issue once and for all" and recognize Artsakh's

²³ Stern E., Preparing: The Sixth Task of Crisis Leadership. *Journal of Leadership Studies.*, 7 3), 2013, pp. 51-56.

²⁴ Levy J., Domestic Politics and War, *Journal of Interdisciplinary History.* 18 (4); The Origin and Prevention of Major Wars, 1988, pp. 653-673.

²⁵ "The enemy should realize that all Armenians are today standing by Artsakh" - Prime Minister's message to the nation. 2020. <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2020/09/27/Nikol-Pashinyan-message/> (Accessed 15.06.2023)

independence.²⁶ Enthusiasm was still present during the next few days and weeks, then it declined as the war became prolonged and costly. It also declined because of the reports coming from Artsakh about lack of organization in the frontline, read, and the military's inability to stabilize the positions and halt Azerbaijan's advance.

Several policy choices during the initial stages of the war led to dramatic outcomes. War requires crisis decision-making skills on the level of all state institutions and the political leader, which in Armenia did not get beyond mere rhetoric. The beginning of the full-scale war was a huge blow to the Government's much-acclaimed narrative about the 'invincibility' of the democratic regime, arguably protected by the international community, against an authoritarian adversary. To the dismay and surprise of many in Armenia, no tangible international effort was offered by the U.S. (probably the tenure of Donald Trump in the White House being a limitation), France or the European Union. This in many ways manifested the collapse of the 'democratic invincibility' narrative.

Whether the beginning of the full-scale war has been a surprise for the Government remains unclear. The Prime Minister, the military and ruling political establishments have made contradictory statements to that end over the past four years. A closer look into the early four days of the war - namely from September 27 to October 1 - is vital since the early decisions (whether made formally or not) by the Government affected the entire dynamics of the armed conflict. The nature of these statements, retrospectively, shows the lack of coordination and profoundly groundless optimism on the part of those who had to manage the war effort.

On September 30, while the Nagorno Karabakh President was making statements that "the war will end with Azerbaijan's defeat or non-victory at best", the Chief of General Staff of Armenian armed forces, supported by the Minister of Defense, urged the political leadership "to employ all available means" to stop the war in 2-3 days due to the incompatibility of

²⁶ "Marukyan. *With this war we should resolve the issue once and for all*", 2020. Aysor.am. September 27. <https://a1plus.am/hy/article/380051> (Accessed 15.06.2023)

resources with the adversary.²⁷ The next day, October 1, was marked by unprecedented penetration of four Azerbaijani UAVs closer to capital Yerevan, intercepted by air defence systems.²⁸ Pashinyan's address to the nation on October 5, where he called upon the recently discharged draftees to re-join the military service with "their own helmets and uniforms", has been in stark contravention of the call of the military leadership to end the war.²⁹ After the war it was revealed that on October 6-7, the entire Southern flank of the Artsakh-Azerbaijan Line of Contact was wide-open (16km) for the advancement of Azerbaijani forces. According to Tiran Khachatryan, the Deputy Chief of General Staff - decorated with the highest "National Hero" award by the Prime Minister during the war and then discharged afterwards - the negative outcome of the war could be expected as of October 10 (which coincides with the fall of the city of Hadrout in Nagorno Karabakh).

Looking retrospectively at the developments of the initial days of the war, it can be concluded that there had been one key political choice made (whether formally or not) by the Prime Minister that affected the whole war effort. That is - instead of utilising the Security Council as a main forum for policy formulation, coordination and implementation, whether with or without more experienced representatives of the political elite, PM Pashinyan opted to use it as a 'briefing room' - quite often with the participation of non-statutory members, such as the President, National Assembly Speaker, etc. - to seek greater legitimacy for his choices. During the six weeks of war, the Council convened five times, the last one being on October 19. Throughout the war there was no effort - without regard to its efficiency - to mobilise resources, whether economic, diplomatic or

²⁷ Davit Tonoyan, then-Minister of Defence, confirmed the reports about the urge by the Chief of General Staff to stop the war "in 2-3 days".

<https://panarmenian.net/arm/news/300124> (Accessed 05.07.2023)

²⁸ Note: The Prime Minister's choice to use Twitter for announcing that "three enemy drones had been downed and the search for the fourth one is underway" on October 1 indicated a broader decision by the Armenian leader to stay on top of information streams, no matter what, instead of leading the war effort.

²⁹ "Pashinyan. A call of duty to our soldiers discharged last year." 2020. A1Plus. <https://a1plus.am/hy/article/381206>. October 5. (Accessed 09.06.2023)

Diasporan. Many prominent actors were on their own, disconnected from the rest. For example, President Armen Sarkissian, who was believed to have business and other connections in the Gulf region, was a player on his own,³⁰ disconnected from the rest of the Government. Due to political, technical and medical obstacles, the former presidents of the country could not travel to Moscow to solicit support. Similar situation with the Diasporan organisations, and with the Armenian Apostolic Church - they organised some efforts, but due to disconnect with the Government - these were limited to satisfying the humanitarian needs only. According to various interviewees, PM Pashinyan chose to form his own 'ExComm' of Security Council for policy formulation with more trusted political allies, like DPMs Avinyan and Grigoryan, MPs Ruben Rubinyan and Lilit Makunts, SC Secretary Armen Grigoryan – who had the trust of Pashinyan, but not any relevant experience in crisis management or working with foreign partners. The MOD Davit Tonoyan and MFA Zohrab Mnatsakanian have become the main players, aside from PM Pashinyan, to deal with the foreign interlocutors. Meantime, the MOD has arguably kept the Foreign Ministry in a certain information vacuum about the developments on the battlefield³¹ and that has adversely affected the quality of diplomatic engagements at lower levels.

A web of processes and decisions made in the initial four weeks of the war by the Armenian political leaderships reveals a set of patterns along with lack of coordination, mismanagement, miscommunication, etc. By the beginning of the war, PM Pashinyan has either succeeded in subordinating various relevant segments of the bureaucratic machinery, or has learned to work with the top-tier of his political appointees and largely suppress disagreements with either his leadership style or policies.

³⁰ Armen Sarkissian has addressed the leaders of several Arab nations. 2020. Radio Liberty. <https://www.azatutyun.am/a/30866170.html>. 30 September. (Accessed 15.10.2023)

³¹ Interviews with two former high-level MFA officials in Yerevan, May 2021 and February 2022.

Wartime propaganda efforts

Throughout the six weeks of war, with the use of all types of ammunition the parties accumulated in the preceding decades, the hostilities were limited mostly to the territory of Nagorno Karabakh Republic. Although the Armenian villages along the borderline were shelled several times, a few civilians were killed, the understanding among the general public about the scale of hostilities and situation on the ground had remained limited. There were several reasons behind that, the most important being the war-time propaganda employed by the state institutions and their affiliated structures. Prior to the war, the government and its leader had only one crisis management experience, namely the COVID-19 pandemic in February-September 2020. The latter has offered one main lesson: mass media - which has grown more combative compared with 2018-19 period - can be effectively silenced by various propaganda mechanisms, lawsuits, and public shaming. The next lesson was the heavy use of social media platforms to reach out not only to the public but also government officials and offices about their expected behaviour and *modus operandi*. In sum, the above choice about utilisation of the Security Council can best be rationalised by how the wartime propaganda was played out - mostly groundless and with great disconnect from realities on the ground.

The Armenian Government declared Martial Law and General Mobilization on September 27, 2020. The martial law remained in force until March 24, 2021. Along with several restrictions on people's rights and freedoms, Decree No. 1586-N was enforced to set considerable limitations on the media. This decision obliged the media representatives and platforms to disseminate war-related information only with a reference to official information from state bodies, fully reflecting the official information without edition³². On October 8th, new media restrictions were introduced with amendments to the Martial Law Decree. According to these amendments, any publication criticizing, devaluing, or questioning the effectiveness of

³² Decree No. 1586-N of the Republic of Armenia on Declaration of Martial Law in the Republic of Armenia. 2020. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docID=146652>. (Accessed 16.11.2023)

actions, speeches, and publications of the state authorities regarding state security was prohibited. Fines were imposed on individuals and media platforms that would break the law. As claimed by one prominent local journalist, the media representatives were constantly receiving information from the borderline from their own sources that was contrary to the official line, but practiced self-censorship in order not to negatively affect the possibilities of the success of the war effort. However, as the journalist continues, many of them regretted not telling the truth to the Armenian society and disseminating only official news after the end of the war,³³ perhaps even under the threat of criminal charges.

Concomitantly, a large-scale domestic propaganda machinery was unleashed, with an epicentre in the Ministry of Defense, which over time began presenting not just propagandistic, but simply factless pictures to the domestic public, but also across the Government institutions. For reasons that warrant further investigation - panic, hasty management style and desire to fully and firmly control information - resulted in creating a sense of wishful thinking of "*we will prevail*" that eventually caught society in full apathy in the morning of November 10 as the ceasefire agreement was released.

The Government's decision to censor media, limit the access of local journalists to the frontline³⁴ and provide information to the media through a Press Briefing Center in Yerevan became defining features of information policy. The latter hosted primarily the spokesperson of the Armenian military, Artsrun Hovhannisyan, and other Government officials and ad hoc speakers. This podium has been proactively used to create such outrageous

³³ Harutyunyan K., The Karabakh War, Media, Propaganda, and Immorality. *Civilnet*. December 16, 2020 ,<https://www.civilnet.am/en/news/474655/the-karabakh-war-media-propaganda-and-immorality/> (Accessed 15.06.2023)

³⁴ International media representatives were mostly being allowed to visit Nagorno Karabakh, with double accreditation at the Armenian MFA and Nagorno Karabakh Permanent Representation in Yerevan. Inside Nagorno Karabakh, a press center was equipped in the capital Stepanakert, where regular briefings were being offered (like in the April War in 2016), and regular tours for the international media were being escorted by the Karabakh Government.

propaganda narratives, whether about the advancement of Armenian troops or deadly losses inflicted on the adversary, that the sense of emergency in Armenia was largely absent. The Briefing Center also became a platform to counter Azerbaijan's claims on military advancement and ridicule Azerbaijan's political leadership. It also launched a large-scale information campaign, introducing the hashtag *#haghteluenq* (*we will prevail*) on social media and public discourse which successfully co-opted and entertained the majority of the online audience till the second half of October. Even those critical or opposition voices on social networks were trying to either fit into the official rally-round-the-flag narratives, or otherwise stay silent. Following the extended session of the Security Council on October 19, where opposition figures were also invited, the situation started changing, and the first 'doubts' in the official narratives started to surface.

The outrageous domestic propaganda narratives (discussed in the next chapter) also made their way inside the Government corridors and compromised much of its efficiency. Either because of a lack of internal communication among the ruling party or in a determined way, the officials started to believe in the narratives they created spreading false and non-verified information about Armenia's military achievements or imminent counter-attacks. For instance, two high-ranking interviewees inside the Foreign Ministry, for example, argued that MOD Davit Tonoyan was perceived to be consistently misleading them, while MFA Mnatsakanian was clearly instructed by the Prime Minister not to share information inside the Ministry. To counter any criticism towards the command of the armed forces, the Chief of General Staff Onik Gasparyan made a statement on June 27, 2023, providing a detailed account of problems in the chain of command and the line of reporting between the Prime Minister, the President of Artsakh and the military.³⁵

The pouring of propaganda narratives can probably be dated back as beginning since September 30, when the MOD Spokesperson did not deny

³⁵ The Statement of the Lieutenant-General Onik Gasparyan.2023. Hetq.am. <https://www.hetq.am/hy/article/157599> (Accessed 15.09.2023)

the rumours about Armenian troops “taking over” Getashen, a village in the North of Nagorno Karabakh lost in the 1992-94 war and often featuring in national folk culture. The first among such outrageous statements was made in Nagorno Karabakh on October 4, by the local President’s spokesperson, about “demolishing” the Azerbaijani airport in Ganja. It soon turned out to be false since the missile hit a busy area in the vicinity of the airport.

Quite often during the entire war military commanders were being decorated or promoted, either by Armenia’s or Nagorno Karabakh leaders, in recognition of their field courage. Such first decoration took place on October 2, and this and future events were being used to further propel the narrative that the situation on the battlefield was going in the right direction. These steps of the Prime Minister have also raised doubts about the premature nature of such promotions. Pashinyan later admitted that it was the least he could do to boost the morale on the frontlines while being in Yerevan.

Beginning on October 3, Azerbaijani President Ilham Aliyev started making regular statements about “liberation” of various settlements, which were under Nagorno Karabakh sovereignty since the 1994 ceasefire. Over the past decades the Azerbaijani propaganda machinery has been known for making their own outrageous claims or clearly false statements, and much of the Armenian public has learnt to be numb to such propaganda claims. Armenian MOD spokesperson continuously mocked these statements, which, as it would appear in late October when the MOD released the map of the battleground, had mostly been true this time.

Admitting the disproportionate nature of “the Azerbaijani-Turkish aggression” and the impossibility of a negotiated, diplomatic solution, on October 21 Pashinyan’s urged the mayors of Armenian cities, leaders of political parties, NGOs, civil initiatives to form fedayi-like groups, choose a commander amongst themselves and leave to the frontlines. His call was stemming from his confidence that victory was imminent as “the adversary is throwing to the front line its last reserves”. Azerbaijan, according to him, was afraid of a humanitarian ceasefire because it would unveil “close to ten

thousand corpses, bodies in the midst of euphoria.” He also added, “There is no Armenia without Artsakh.”³⁶ While he was urging people to rush for the defense of the people of Artsakh, members of his political team, MPs, also left Yerevan for the frontline. However, most of them never went beyond Goris, and stayed in local hotels until the war was over.

The release of the official map on October 24 by the Armenian MOD, had been the first blow to the sense of national unity and rally-round-the-flag. Different voices began to be heard challenging the wartime leadership of PM Pashinyan. It was coupled with Arayik Harutyunyan’s pleas to defend Shoushi as the Azerbaijani forces were rapidly approaching it and were only 5 km away from Artsakh’s cultural capital, a fact that was being denied in the Yerevan Press Center.

The torrents of falsehoods and patriotic manifestations for the first 30 days of war created such an atmosphere, that the October 26th address to the nation about “painful compromises” by Pashinyan felt like a bombshell³⁷. Although he added that capitulation shall be ruled out, both the opposition and the expert community became vocal about the mismatch between the government’s purported gains on the battlefield and the dire reality on the ground.

The night to be remembered for generations

After 30 days of fighting, Azerbaijan had expanded the territories under its control. On 10, 17 and 25 October 2020, ceasefire proposals were made by Russia, France and the USA, respectively. None of them lasted more than a few hours. In Pashinyan’s perception, any ceasefire could be durable if Armenian armed forces could stabilise the situation on the battlefield, but the Azerbaijani forces were advancing with the help of cutting-edge technology of air domination. Azerbaijan’s armed forces additionally entered

³⁶ “The will to win should tell us that we will not retreat; we will not back down; we will not be broken.” 2020. <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2020/10/21/-Nikol-Pashinyan/>. October 21.

³⁷ “Azerbaijan wants capitulation of Artsakh, not settlement of the conflict”. 2020. Armenpress. <https://armenpress.am/en/article/1032826>. October 26. (Accessed 21.06.2023)

the territory of the Soviet-era autonomous oblast, occupying the region of Hadrut and also parts of the Mardakert, Martuni and Askeran regions. It was apparent that Azerbaijan's next target was Shoushi, the strategically important fortress city eight km from Stepanakert, and that the capital of Karabakh would then be the next target in turn. Absent coherent political leadership, the Armenian population started to flee *en masse*.

The last two weeks of the war falsehoods and disinformation became so widespread that the public became increasingly disoriented in the midst of newsfeeds, official statements and social media reports. In early November, Azerbaijan's Armed Forces approached Shushi and after a few days of fighting they established full control of the 'fortress city'. The fall of a strategically significant city, the fact of which the Armenian Government dismissed until the last minute, had yet another shocking impact on Armenians. The next target of Azerbaijan's forces was indeed Stepanakert, which was now militarily vulnerable.

In the afternoon and evening of November 9, reporters in front of the government building in Yerevan, noticed unusual traffic of military and civilians. It was obvious that something significant was about to occur. In the early hours of November 10, a post on Facebook reported that Pashinyan had signed a ceasefire agreeing to the Azerbaijan conditions. Based on the reactions on the social media, it was received with a great deal of suspicion and anger. Minutes later, a joint statement of the leaders of Armenia, Russia, and Azerbaijan went viral. They signed a statement stopping the military activities in the front line from November 10, 00.00, and agreeing to almost all the conditions that Azerbaijan had put forward in the previous weeks and days.

According to the trilateral statement, Armenian armed forces had to withdraw from the remaining regions under their control (beyond the former autonomous oblast) by 2 December, all hostages and detainees had to be exchanged, and the road connections linking Armenia with Nagorno Karabakh were to transfer to Azerbaijani sovereignty, with up to 2,000 Russian peacekeepers to be deployed in Karabakh, who were to enforce the

ceasefire and to monitor and control the corridor to Armenia. In January 2021 a joint ceasefire monitoring centre was opened in Akna (Aghdam), with its staff comprised of Russian and Turkish officers. The statement had no word about the status of Karabakh, or about the territories that the unrecognised republic had lost. The statement also provided for the reopening of transport communications across southern Armenia, connecting the Nakhijevan Autonomous Republic with metropolitan Azerbaijan. The map of deployment of Russian peacekeepers lacked many crucial details, which led to different interpretations about the location of the new line of contact between Armenian and Azerbaijani forces. A further question was related to the fate of medieval Armenian religious and cultural sites which had fallen under Azerbaijani control. The transfer of the Dadivank Monastery—jewel of Armenian medieval architecture—was a particularly painful loss. Thousands of Armenians rushed to make a final pilgrimage to the Davidank monastery before the deadline for the transfer was reached. Later on, due to the efforts of Armenian Catholicos Karekin II and Russian Patriarch Kyrill a special unit of peacekeepers was established on the monastic premises and few monks stayed in the monastery to maintain continuity of religious service. Finally, the statement did not end the conflict, even though Azerbaijan had achieved almost all of its conditions.

Both the provisions and overall language of the statement were immediately dubbed as "a capitulation, surrender, and humiliation" for Armenians. The news of the ceasefire created unprecedented shock and confusion among the Armenian public, which, although it knew about the dire situation on the frontline and had been expecting the Government to stop the war, was unprepared for the fact of the truce or its terms. One reason for this was that there had been extensive propaganda about Armenian successes on the front line and pledges that a counter-attack would be launched.

Around 2am on November 10, angry people started to gather in front of the government building in Yerevan's Republic Square demanding a

meeting with the officials inside. The police forces gathered in front of the building were soon outnumbered as the number of demonstrators rapidly increased. The police soon withdrew letting the angry mob enter the building in a frantic search for any official who could provide answers to mounting questions. Going from one room to another, the people, feeling frustrated and fooled, started to demolish furniture, destroy official documents while posting everything online and livestreaming. While the people were raging the government building another group of angry protesters marched towards the Parliament building and PM residency with more radical demands. The people in the parliament were making chaotic statements requesting Pashinyan to resign for signing a ceasefire behind people's backs.

The angry mob also found and heavily assaulted the Speaker of the National Assembly, who was subsequently hospitalized with life-threatening injuries. Pashinyan quickly made a broadcast on social media, reportedly intoxicated and in a bunker of the Ministry of Defence, attributing Armenia's defeat to the alleged theft of the army's resources by the pre-2018 administrations. President Armen Sarkissian also made a statement confirming that he had learned of the terms of the ceasefire only from the media.

The situation in the country remained tense as Pashinyan published videos online urging his supporters 'to prepare for revenge' against 'corrupt rogue oligarchs who stole soldiers' bread [and] weapons'.³⁸ Several days later, his rhetoric intensified as he attempted to incite violence against his critics by telling those supporters returning from the frontline: "I am waiting for you in Yerevan. To finally solve the problems of those who are barking under the walls."³⁹

³⁸ "Nikol Pashinyan. There was simply no possibility to decide something else in the current situation". 2020. Aravot. <https://www.aravot.am/2020/11/10/1150460/>. November 10. (Accessed 18.06.2023)

³⁹ "Pashinyan is waiting for the soldiers from the frontline to finally solve the problems of those who bark under the walls". 2020. Radio Liberty. <https://www.azatutjun.am/a/30952078.html>. November 16. (Accessed 15.06.2023)

In the night of November 10 and on the next few days there was everything but clarity on the Armenian street. No official numbers of casualties, POWs or even refugees were being released. The government, it might be felt, stopped operating and was 'restarting'. Tens of thousands from Nagorno Karabakh fled to Armenia. This was the second major shock about the recent conflict in Karabakh that the Armenian population was not ready to comprehend.

A further disconcerting revelation emerged on November 17 when Russian President Vladimir Putin stated that as early as 18–19 October 2020, he had convinced Azerbaijani President Aliyev to agree on ceasefire terms that would have left Shoushi intact and under the continued sovereignty of the Republic of Arstakh, but Pashinyan had disagreed with the terms offered, although they could have saved many lives and preserved Armenian control over the key city.⁴⁰ It subsequently became clear that Pashinyan had not shared the details of Putin's proposal with other members of the Security Council. In the same interview, Putin also defended Pashinyan calling the statements that Pashinyan was a traitor "as baseless."⁴¹

In response to these revelations and the looming political crisis, beginning in mid-November various opposition groups held uncoordinated rallies in the streets of Yerevan demanding that Pashinyan resign, accusing him of treachery and of hiding the truth from the public. Several cabinet members, including the Ministers of Foreign Affairs, of Defence, were replaced, and several mid-ranking officials from the executive branch resigned. In the National Assembly, only a handful of members of parliament left the ruling party, while the majority stayed loyal to the Prime Minister who retained a legislative majority. The new political elite, born in 2018, demonstrated profound adaptability to drastically changing circumstances and in the next few years would also master living in low-

⁴⁰ "Putin told why it was not possible to stop the fighting in Karabakh in October". 2020. Ria Novosti. <https://ria.ru/20201117/karabakh-1585078134.html?in=t>. November 17. (Accessed 15.06.2023)

⁴¹ Ibid.

popularity mode. This adaptability merits more analysis to improve expert-level understanding beyond the official election result data.

Conclusions

The 2020 war has changed Armenia's domestic political landscape and social discourse. The fateful six weeks became a resilience test for Armenia's state and military institutions. The new elite has subordinated the entire government apparatus to new rules of the(ir) game, and profoundly succeeded in doing so by August 2020. In wartime, the government relied on censorship and restrictions, that had serious ramifications on the quality of behaviour of state institutions and societal interpretations of the war and its outcome. It has, however, solved the key challenge: remaining in power after a crushing defeat that ended a significant part of the new national mythology rooted in the 1992-94 war victory. This adaptability to changing circumstances merits further discussion and analysis, since merely relying on electoral results as expressing 'popular will' or 'will of the people' is good only for political manifestations, not academia.

ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՀԱՂՈՐԴԱԳՅՈՒԹՅՈՒՆԸ 2020 ԹՎԱԿԱՆԻ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ. ՊԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՊԱՏՐԱՍՏՈՒՄԸ

Վահրամ Տեր-Մաթևոսյան⁴² Հովհաննես Նիկողոսյան⁴³

Սույն հոդվածը քննարկում է 2020 թվականի պատերազմի հայկական կողմը՝ ձգտելով պարզել ոչ ռազմական գործոնները, որոնք հանգեցրին Հայաստանի և Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունների պարսպապարտությանը: Հիմք ընդունելով առկա հրապարակային նյութերը (հրապարակային հայտարարություններ, լրատվամիջոցների հրապարակումներ), ինչպես նաև բարձրաստիճանի պաշտոնյաների հետ ոչ կառուցվածքային հարցազրույցները՝ հոդվածը

⁴² Վահրամ Տեր-Մաթևոսյանը Հայաստանի ամերիկյան համալսարանի հումանիտար և հասարակական գիտությունների ֆակուլտետի պրոֆեսոր է, պ.գ.դ., էլ. փոստ՝ termatevosyan@aua.am, ORCID 0000-0002-2212-0391:

⁴³ Հովհաննես Նիկողոսյանը Հայաստանի ամերիկյան համալսարանի հումանիտար և հասարակական գիտությունների ֆակուլտետի դասախոս է, ք.գ.թ., էլ. փոստ՝ hnikoghosyan@aua.am ORCID 0000-0001-5397-582X:

նպատակ ունի բարելավելու փորձագիտական մակարդակով պատկերացումները պատերազմի ժամանակաշրջանի կառավարման մասին, որը հանգեցրեց Հայաստանի պարտությանը: Այս հոդվածում փորձ է արվում նաև քննարկում ծավալել Հայաստանում քաղաքական վերնախավի պատերազմական պահվածքի վերաբերյալ:

Բանալի բառեր՝ 2020 թ. պատերազմ; ռազմական պարտություն; ճգնաժամային կառավարում; տեղեկատվական պատերազմ; Հայաստան, Ադրբեջան, Լեռնային Ղարաբաղ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 2020 Г.: ПОДГОТОВКА К ПОРАЖЕНИЮ

Ваграм Тер-Матевосян⁴⁴, Ованнес Никогосян⁴⁵

В настоящей статье рассматривается армянская сторона войны 2020 г. с целью выяснить невоенные факторы, которые привели к поражению Республик Армения и Нагорного Карабаха. На основе доступных публичных материалов (публичных заявлений, публикаций в СМИ), а также неструктурированных интервью с избранными высокопоставленными чиновниками, статья призвана улучшить на экспертном уровне понимание управления во время войны, которое привело к поражению Армении. Данная статья также пытается начать дискуссию о поведении политической элиты Армении во время войны.

Ключевые слова: Война 2020 г.; военное поражение; управление кризисом; информационная война; Армения, Азербайджан, Нагорный Карабах

BIBLIOGRAPHY

1. A few then-high level officials with knowledge of Security Council discussions elaborated on the content in expert interviews with authors.

⁴⁴ Ваграм Тер-Матевосян - профессор факультета гуманитарных и общественных наук Американского университета Армении, д. ист.н., эл. почта termatevosyan@aua.am, ORCID 0000-0002-2212-0391.

⁴⁵ Оганес Никогосян - преподаватель факультета гуманитарных и общественных наук Американского университета Армении, к.п.н., эл. почта: hnikoghosyan@aua.am, ORCID 0000-0001-5397-582X.

2. A more detailed discussion on the 'democratic invincibility' can be found at:
3. Aliyev announced that negotiations over the Karabakh conflict are actually suspended. 2020. TASS< <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9502113>. September 19. (Accessed 19.06.2023)
4. Amirkhanyan Zh., A Failure to Innovate: The Second Nagorno-Karabakh War. *The US Army War College Quarterly: Parameter*, 2022, pp. 119-134; Cheterian V., Technological determinism or strategic advantage? Comparing two Karabakh Wars between Armenia and Azerbaijan. *Journal of Strategic Studies*, 47 (2) 2024., pp. 214-237.
5. Armen Sarkissian has addressed the leaders of several Arab nations. 2020. Radio Liberty. <https://www.azatutyun.am/a/30866170.html>. 30 September. (Accessed 15.10.2023)
6. Artak Davtyan was sacked from his position as the Chief of Staff of the Armed Forces, Onik Gasparyan replaced him.” 2020. Armenian Times. <https://www.armtimes.com/hy/article/189737>. June 8. (Accessed 18.06.2023)
7. Azerbaijan wants capitulation of Artsakh, not settlement of the conflict”. 2020. Armenpress. <https://armenpress.am/en/article/1032826>. October 26. (Accessed 21.06.2023)
8. Bavakanach'ap' jank'er ch'gortsadrjets'in paterazmy Hayastani ev Arts'akhi hamar arravel barenpast paymannerov..., July 3, 2023. RFE/RL Armenian Service, <https://www.azatutyun.am/a/32487309.html> (Accessed 15.06.2023)
9. Boin A., Hart P., Stern E. and Sungelius B., *The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure*. Cambridge. Cambridge University Press, 2005.
10. Davit Tonoyan, then-Minister of Defence, confirmed the reports about the urge by the Chief of General Staff to stop the war "in 2-3 days". <https://panarmenian.net/arm/news/300124> (Accessed 05.07.2023)
11. Decree No. 1586-N of the Republic of Armenia on Declaration of Martial Law in the Republic of Armenia. 2020. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?-docID=146652>. (Accessed 16.11.2023)
12. Discussed this with two experts and provided more details.
13. Grigoryan S. *The Armenian Velvet Revolution*. Yerevan, Edith Print, 2018; *Armenia's Velvet Revolution: Authoritarian Decline and Civil Resistance in a Multipolar World*. 2020. (eds) Laurence Broers and Anna Ohanyan. London. I.B. Tauris, 2018.
14. Harutyunyan K., The Karabakh War, Media, Propaganda, and Immorality. *Civilnet*. December 16, 2020 ,<https://www.civilnet.am/en/news/474655/the-karabakh-war-media-propaganda-and-immorality/> (Accessed 15.06.2023)

15. Heghine Buniatian. 2020. Lavrov: The principles of step-by-step resolution lie as the basis of discussions between Mnatsakanyan and Mamedyarov. [Rus.azatutyun.am/a/30568279.html](https://rus.azatutyun.am/a/30568279.html). April 21, (Accessed 15.06.2023)
16. Interview of Armenia's Foreign Minister Zohrab Mnatsakanyan to BBC HardTalk's Stephen Sackur, <https://www.youtube.com/watch?v=dJTGRiBCRkw>. (Accessed 15.06.2023)
17. Interviews with two former high-level MFA officials in Yerevan, May 2021 and February 2022.
18. Levy J., Domestic Politics and War, *Journal of Interdisciplinary History*. 18 (4); The Origin and Prevention of Major Wars, 1988, pp. 653-673.
19. Marukyan. *With this war we should resolve the issue once and for all*", 2020. Aysor.am. September 27. <https://a1plus.am/hy/article/380051> (Accessed 15.06.2023)
20. Nikoghosyan & Ter-Matevosyan, Post-Revolution and War, Armenia Must Find a Geopolitical Balance, Carnegie Endowment, March 9, 2021. <https://carnegieendowment.org/posts/2021/03/post-revolution-and-war-armenia-must-find-a-geopolitical-balance?lang=en> (Accessed 15.06.2023)
21. Nikoghosyan H., Ter-Matevosyan V., "From 'Revolution' to War: Deciphering Armenia's Populist Foreign Policy-Making Process, *Southeast European and Black Sea Studies*, 23 (2), 2022, pp. 207-227.
22. Nikol Pashinyan. There was simply no possibility to decide something else in the current situation". 2020. Aravot. <https://www.aravot.am/2020/11/10/1150460/>. November 10. (Accessed 18.06.2023)
23. Pashinyan is waiting for the soldiers from the frontline to finally solve the problems of those who bark under the walls". 2020. Radio Liberty. <https://www.azatutyun.am/a/30952078.html>. November 16. (Accessed 15.06.2023)
24. Pashinyan. A call of duty to our soldiers discharged last year." 2020. A1Plus. <https://a1plus.am/hy/article/381206>. October 5. (Accessed 09.06.2023)
25. People, let's prepare for war, instead of discussing the topic of negotiations". 2020. Armenian Time. <https://www.armtimes.com/hy/article/194847>. September 2. (Accessed 15.06.2023)
26. Press Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group and Personal Representative of the OSCE Chairperson-in-Office. 2020. Moscow/Paris/-Washington, DC, <https://www.osce.org/minsk-group/458068> (Accessed 15.06.2023)

27. Putin told why it was not possible to stop the fighting in Karabakh in October". 2020. Ria Novosti. <https://ria.ru/20201117/karabakh-1585078134.html?in=t>. November 17. (Accessed 15.06.2023)

28. Statement by Prime Minister Nikol Pashinyan during the "Diplomat's Day" reception. March 7, 2019 <https://168.am/2019/03/07/1091962.html> (Accessed 15.06.2023)

29. Statement by Prime Minister Nikol Pashinyan during the "Diplomat's Day" reception. March 7, 2019 <https://168.am/2019/03/07/1091962.html> (Accessed 15.06.2023)

30. Stern E., Preparing: The Sixth Task of Crisis Leadership. *Journal of Leadership Studies.*, 7 (3), 2013, pp. 51-56

31. Tamrazyan H., Papyan A.. 2018. *Pashinyan. Azerbaijan's aggression is not only against Armenia, but also against democracy in the region*. Radio Liberty. July 12. <https://www.azatutyun.am/a/29358788.html> (Accessed 15.06.2023)

32. Ter-Matevosyan V., Deadlocked in History and Geopolitics: Revisiting Armenia–Turkey Relations. *Digest of Middle East Studies*, 30 (3), 2021, pp. 155–169.

33. The enemy should realize that all Armenians are today standing by Artsakh" – Prime Minister's message to the nation. 2020. <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2020/09/27/Nikol-Pashinyan-message/> (Accessed 15.06.2023)

34. The Statement of the Lieutenant-General Onik Gasparyan. 2023. Hetq.am. <https://www.hetq.am/hy/article/157599> (Accessed 15.09.2023)

35. The will to win should tell us that we will not retreat; we will not back down; we will not be broken." 2020. <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2020/10/21/Nikol-Pashinyan/>. October 21.

36. Turkey will not join Azerbaijan in unleashing large-scale aggression against Armenia – Armenian MP". 2020. Armenpress. <https://armenpress.am/en/article/-1023126>. July 27. (Accessed 14.09.2023)

37. Weal Air Defense System, intelligence, insufficient UAVs. What did the Chief of Staff of the Armed Forces report to the Prime Minister." 2023. <https://armeniasputnik.am/20230628/tuji-hop-hetakhuzutjun-anbavarar-ats-ner-inch-e-zekucel-gsh-nakhkin-pety-varchapetin-61882095.html>. 28 June. (Accessed 15.08.2023)

Natalie Gonchar-Khanjyan¹

PhD, Associate Professor

INTERTEXTUAL LABYRINTHS: BORGES AND THE SINO-CULTURAL PARADIGM

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.210

One of the greatest writers and thinkers of the 20th century, the great Argentinian Jorge Luis Borges amazes readers and researchers of his work with an unusually wide range of his cultural interests and knowledge, associations, judgments and generalizations. The conceptual message of Borges's work, the conceptual series that thread through his texts, Borges's ideologemes, cosmologemes, philosophemes, embodied by original and innovative artistic means, were born from a deep immersion in the experience of global culture that has accumulated over thousands of years – spiritual, artistic, intellectual, oral and written. The culture that accumulated in the common home of the human race on all sides of the world, in the West and in the East, in the North and in the South. The richest nutrient medium for Borges – both as a culturologist and as a writer who created his own completely special and very influential, ideological and artistic world, his own aesthetics and poetics – was undoubtedly the culture of the East and, in particular, as he himself calls it in one of his texts, the three-thousand-year-old culture of China.

A series of texts in different literary forms and genres by J.L. Borges, a profound expert of the library, embracing the world literary and culture, reflect a many-sided interest towards China, its history and culture, its religion, myths, folklore, and literature. The present paper observes the main facts and motives in the dialogue between Borges (as writer and poet, intellectual and culture expert) and the classical texts of old and medieval China. In focus are the echoes of the features typical of Borges's texts and, in particular, his short story «The Garden of Forking Paths» in comparison with the famous Chinese classical novel «A Dream of the Red Chamber» by Cao Xue-qin. The author also draws attention to the high statistics of references to Chinese images in the «Book of Imaginary Beings».

¹ E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, ORCID: 0009-0002-5462-8509.

Keywords: *Borges, China, dream, labyrinth, garden, book, imaginary beings*

Introduction

When today, in modern literary studies, we talk about Jorge Luis Borges, this name does not need accompanying epithets. The work of Borges – a writer, poet, thinker, culturologist – has already entered the classics of world culture, literature (into their, let's say in Borges's words, «library», «universe»), while presenting an exceptional abundance of classic imagery and concepts, entering into dialogue, echoing with a multitude of manifestations, facts and meanings of world culture created from century to century in the North and the South, in the West and the East.

Borges's numerous, diverse, multi-genre texts – poems, stories, essays, lectures, conversations, hundreds of reviews, compiled anthologies, translations – reflect the universe of world culture with its archetypes, mythology, folklore, religious teachings, branches of philosophical and aesthetic thought, creations of art and artistic words.

Borges's exploration of this universe began with his father's library. «If I were asked to name the chief event in my life, I should say my father's library. In fact, I sometimes think I have never strayed outside that library. I can still picture it. It was in a room of its own, with glass-fronted shelves, and must have contained several thousand volumes»². In his «Preface to the Catalogue of the Exhibition of Spanish Books», Borges mentioned that *everyone imagines paradise in their own way, but for him, paradise, from childhood, was a library, promising the pleasure of rereading – the serene and proud pleasure of the classics – and the pleasant anxiety of discoveries and chance* («Not included in the books: Preface to the catalogue of the exhibition of Spanish books». Buenos Aires, August 9, 1962). Throughout his life, Borges had infinite encounters with real books, book depositories, libraries, and the book-metaphor, the library-metaphor, built the meanings of many of his texts both as a poet and as a prose writer. Borges often said

² Borges J. L., Autobiographical Notes. September 11, 1970, <https://www.newyorker.com/magazine/1970/09/19/jorge-luis-borges-profile-autobiographical-notes> (Accessed 01.09.2024).

about himself in conversations that he was more of a reader than a writer. One of his poems comes to mind: «Let others boast of pages they have written, / I take pride in those I've read»³; and we encounter similar discourse in other poems: «My true lineage is my father's voice that I still hear, commemorating Swinburne's music, and the great volumes that I have browsed, browsed and not read, and that were enough for me, I am what the philosophers have told me»⁴ («Yesterdays»); «I have spent my whole life spelling out the dogmas speculated by the philosophers»⁵ («Forgetting a dream»). And finally we will quote the opening and closing lines of the long poem «The Keeper of Books», which bring us closer to the topic of this article:

*Here they stand: gardens and temples and the
reason for temples;*

.....

*My name is Hsiang. I am the keeper of the books—
these books which are perhaps the last,
for we know nothing of the Son of Heaven
or of the Empire's fate.*

*Here on these high shelves they stand,
at the same time near and far,
secret and visible, like the stars.*

Here they stand – gardens, temples⁶.

Borges, judging by a whole series of his various texts, was well acquainted with the Buddhist East in general, and the Celestial Empire in

³ Borges J. L., A Reader. Translated from the Spanish by Norman Thomas di Giovanni, <https://biblioklept.org/2014/05/07/a-reader-jorge-luis-borges/> (Accessed 01.09.2024).

⁴ «...Mi verdadera estirpe / es la voz, que aúnescocho, de mi padre, / con memorando música de Swinburne, / y los grandes volúmenes que he hojeado, / hojeado y no leído, y que me bastan. / Soy lo que me contaron los filósofos... Translated by the author. Borges J. L. Poesía complete, <http://surl.li/wwohvi> (Accessed 01.09.2024).

⁵ Ibid. Me he pasado la vida del etreando / los dogmas que aventuran los filósofos («Al olvidar un sueño»). Translated by the author. (Accessed 01.09.2024).

⁶ Borges J. L., The Keeper of Books, <https://inwardboundpoetry.blogspot.com/2005/11/11-keeper-of-books-jorge-luis-borges.html> (Accessed 03.09.2024).

particular, including its history, culture, religion, myths, folklore, its sages and books.

Borges' Transcultural Dialogue with Ancient Chinese Cosmologies

In the essay «Borges and I» we read: «Years ago I /.../ went from the mythologies of the suburbs to the games with time and infinity, but those games belong to Borges now and I shall have to imagine other things. Thus my life is a flight and I lose everything, and everything belongs to oblivion, or to him. I do not know which of us has written this page»⁷. It is precisely at the time when Borges's «games with time and infinity» begin in his short stories and essays, when Borges's symbols and metaphors (a book, a library, a garden, a temple, a labyrinth, circles, a cycle, a dream, a mirror – a single thing in endless repetitions, variations, swarms, etc.) are formed and subsequently multiply and mutate, his interest in Chinese «metaphysics», folklore, and literature clearly manifests itself. It is in the Chinese fairy tale (in contrast to the European folklore with its extreme conventionality and correctness) that he finds what corresponds to his own artistic thinking, his own poetics based on the blending of the real with the fantastic, fiction with reality and meaningful «cracks». The violation of the rules, «irregularness» that characterizes the Chinese fairy tale is akin to Borges himself. «It is perfectly symmetrical. Is there anything less like beauty than perfect symmetry? (I do not want to make an apology for chaos; I understand that in all the arts nothing is usually as pleasing as imperfect symmetry...) On the other hand, the Chinese fairy tale is irregular. The reader begins by judging it incoherent. He thinks that there are many loose ends that the facts do not fit together. Then – perhaps suddenly – he discovers the reason for these cracks. He senses that these vaguenesses and these anacoluthons mean that the narrator totally believes in the truth of the wonders he tells. Nor is reality symmetrical nor does it form a drawing»⁸.

⁷ Borges J. L., *Borges and I*, <http://surl.li/dlkdey> (Accessed 20.08.2024).

⁸ Es de una simetría perfecta. ¿Habrá cosa que se parezca menos a la belleza que la simetría perfecta? (No quiero hacer una apología del caos; entiendo que en todas las artes nada suele

At the same time, Borges reads a book by the English sinologist G.J. Waley (and responds to it with a review), introducing three philosophical schools of ancient China, and here his special attention is drawn to the «distant Chuang Tzu», who is, by his own words, much closer to all of us and to him personally than the protagonists of neo-Thomist doctrines or the adelphies of dialectical materialism («Not Included in the Books: Three Philosophical Schools of Ancient China»). In his review, Borges cites the assessments given to this ancient Chinese thinker by European researchers: for some he is a mystic, for others he is the most unique writer of his country, for a third he is a writer who took advantage of the poetic possibilities of Taoist thought. Borges says that no one questions Chuang Tzu's power and ingenuity. One of his dreams has become a well-known proverb in Chinese literature, emphasizing her ability to interpret dreams. Chuang Tzu, 24 centuries ago, dreamed that he had turned into a butterfly. Upon waking, he was unsure whether he was a man who had dreamed of being a butterfly or a butterfly dreaming of being a man (Ibid). The parable about the dream of the Chinese wise man turned out to be so close personally to Borges, so resonated with his philosophical and aesthetic interests⁹, that the Argentine writer not only included it in his «Anthology of

agradar como las simetrías imperfectas...) En cambio, el cuento de hadas chino es irregular. El lector empieza por juzgarlo incoherente. Piensa que hay muchos cabos sueltos, que los hechos no se atan. Después —quizá de golpe— descubre el porqué de esas grietas. Intuye que esas vaguedades y esos anacolutos quieren decir que el narrador cree totalmente en la verdad de las maravillas que narra. Tampoco es simétrica la realidad ni forma un dibujo. Translated by the author. J.L. Borges, Chinese fairy tales and folk tales, traducidos por Wolfram Eberhard. <https://borgestodoelania.blogspot.com/2017/12/jorge-luis-borges-chinese-fairy-tales.html> (Accessed 21.08.2024).

⁹ Much has been written and is being written both in America and in Europe about Borges's philosophical and aesthetic interests, the structure of his worldview, the uniqueness of his poetics, and the semantics of Borges's symbols and metaphors. In Russian, see, in particular, the preface by I. Terteryan to the first edition of his works in the Soviet Union, a one-volume edition in the Masters of Foreign Literature series (Мастера зарубежной прозы, Москва, 1984, cc. 5-20) and in the prefaces by B. Dubin to each volume of the four-volume edition published in St. Petersburg in 2000-2001: in v. I – “Borges: Prehistory” (Борхес: Предыстория, cc. 5-31; v. II – “Maturity, Blindness, Poetry” (Зрелость, слепота, поэзия, cc. 5-38); v. III – “Symbols and Repetitions” (Символы и повторения, cc. 5-28); v. IV – “The

Fantastic Literature», but also, one might say, *semiotically* built it in as an established metaphor into various of his later texts: for example, in detail – in the philosophical treatise «New Refutation of Time» (the book «New Investigations», 1952) or in abbreviated form – in the poem «Inscription» (from the book «Iron Coin», 1976) with the following epigraph-explanation: «Around 1915, in Geneva, I saw on the terrace of a museum a tall bell with Chinese characters. In 1976 I write these lines»¹⁰:

*Undeciphered and alone, I know
in the vague night I can be a bronze
prayer or a saying in which is encoded
the flavor of a life or of an evening
or Chuang Tzu's dream, which you know already,
or an insignificant date or a parable
or a great emperor, now a few syllables,
or the universe or your secret name
or that enigma you investigated in vain
for so long a time through all your days.
I can be anything. Leave me in the dark*¹¹.

It is worth noting other *Chinese reflections* in the texts of Borges (for example, in his «Book of Imaginary Beings» (1974), a review of Franz Kuhn's German translation of one of the classic novels created in the 13-th century – «Water Margin» (水浒传) by Shi Nai-an¹², an article «On a Chinese Allegory» dedicated to another, also classic, 16-th century novel «Journey to

Book of Peace» (Книга мира, 5-28); the same, with revision, see in the book: Дубин Б., На полях письма, Заметки о стратегиях мысли и слов в XX веке. Москва, 2005, сс. 9-104.

¹⁰ Borges J.L., Iron Coin, 1976, <https://tarnmoor.com/tag/dreams/> (Accessed 25.08.2024).

¹¹ Ibid.

¹² Borges writes, that this 13th century picaresque novel is no less than its 17th century Spanish counterparts, while in some aspects, such as the complete absence of sermons, oftentimes an epic development of action – in the spaces of castles and towns – in impressive transfers to the supernatural and the miraculous, it even exceeds them. The latter feature of «Water Margin» presents a similarity with the most ancient and the best example of the genre of the novel, «Metamorphoses, or The Golden Ass» by Apuleius («Die Räuber Vomliangschan Moor», 1938).

the West» (西遊記) by Wu Chen-en, acquaintance with «History of Chinese Literature» by G.A. Giles, etc.), but, of course, the novel that made the greatest impression and responded most to Borges the writer was Cao Xue-qin's «Dream of the Red Chamber» (紅樓夢), recognized as the pinnacle of Chinese classical literature, as well as one of the pinnacles of world literature¹³.

Epistemological Echoes: Borges, Cao Xue-qin, and the Aesthetic of Infinite Worlds.

Borges gets acquainted with this, as he himself writes about it, *the most famous novel of the three-thousand-year-old Chinese literature* from the German translation by Franz Kuhn published in 1932, and to get familiarized with this novel means to read no less than two thousand pages. Based on his first impressions of it, he writes a review in which the most significant thing is that Cao Xue-qin's novel clearly stirs Borges' interest when he reaches the fifth, «unexpectedly magical» chapter, and the sixth, where the hero tries to play the game of «clouds and rain» (云雨之欢) for the first time. At that time Borges was preparing to renew the material and structure, plots and meanings of his short stories, to embrace «games with time and infinity» (played out by the writer using a whole system of his own symbols and metaphors). «These chapters instill the conviction that we are dealing with a great writer. This is reinforced by Chapter Ten, worthy of Edgar Allan Poe or Franz Kafka, “where Jia Pao-yu, to his own misfortune, looks at the forbidden side of the Mirror of Wind and Moon”. Let us explain that in the «magical» fifth chapter that captivated Borges, the hero falls into a deep

¹³ About this novel, created in the 18th century and first published in China in 1791, about its plot, history, about the author – Cao Xue-qing (1715-1791), about the editions of the novel and its study in China in the 20th century, about its translations and editions in Europe and Russia, see the preface by Л.Н. Меньшиков in the book: Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме. Перевод с китайского В.А. Панасюка, т. 1-2. Санкт-Петербург, 2014, pp. 5-25. It should be especially noted the fact that since 1980 a separate Institute of “The Dream of the Red Chamber” has been organized and operates in Beijing within the system of the Academy of Social Sciences, coordinating the scientific activities of numerous scholars and scientific centers engaged in the study of the novel (in this regard, see pp. 18-21 of the preface).

sleep, and «the reader learns how the soul of Jia Baoyu wandered through the Realm of Heavenly Dreams and how the fairy Jin Huan ordered the song “Dream of the Red Chamber” to be performed»¹⁴. This dream, being in itself a metaphor, is saturated with metaphors – inscriptions (in verse), *talking* objects, drawings, paintings, and finally the «book of change» in twelve eight-line verses, etc. In the novel in general, as Borges notes in the review: «Many dreams: they are especially impressive because the writer does not tell us that they are dreams, and we think that they are reality until the sleeper wakes up. /.../ Abundance of fantasy: Chinese literature does not know of “fantasy novels”, so all the novels there are somewhat fantastic» (see Borges, «Cao Xue-qin. “Dream of the Red Chamber”», 1937).

«Many dreams», «somewhat fantastic» – do not these features of the literature of the Celestial Empire, emphasized here, echo the special interest of Borges the intellectual in the phenomenon of sleep, dreaming, in its nature, in its interweaving with reality¹⁵, and the «dreams» in his poetry (the poems «Sleep» - «If sleep is truce...», «Alonso Quijano Dreams», «Dream» - «Night entrusts the sleeping ...», «Forgotten dream», the miniatures «Someone’s future dream», «Dream, dreamed in Edinburgh» placed among the poems of the 1985 book «Guarantee» as well as the «dream-reality» in the figurative-metaphorical structure of many other poems)? And finally, aren’t the «creative dreams»¹⁶ of Borges some sort of a game, an echo of the symbolic-metaphorical plots and images of the stories that made up his most famous collections, «Ficciones» and «Aleph»? Aren’t these «somewhat fantastic» stories – these «fictions», «inventions», as the writer himself calls them? Aren’t «dream» and «reality» intertwined in them? Do not the games of consciousness, imagination and what is to be in reality interact in the

¹⁴ Меньшиков Л., Роман “Сон в красном тереме” – вершина китайской классической литературы. / Ibid.

¹⁵ See, for example, the essay “Coleridge’s Dream” <http://surl.li/oqfugo>, the lecture “Nightmare” in the cycle “Seven Nights”, <http://surl.li/cafpvk>, “Date in a Dream” in the cycle “Nine Dantesque Essays”, <http://surl.li/vjmecf> (Accessed 10.09.2024).

¹⁶ Alexander Blok’s formula. See his poem “Среди поклонников Кармен...” 1914 (“...Глядит на стан ее певучий / и видит творческие сны”). In book А. Блок, СС. в 8-и томах. I, т. II. Москва-Ленинград, 1960, с. 232.

stories of Borges, expressing the metaphysical meanings embedded in them in the forms and techniques of realistic writing, that is, to use his own words, *as our time demands, beginning with Defoe*, as Borges remarks in the Preface to his poetry book «Guarantee»?

One thing, in any case, is certain: that one of Borges's best «fictions» – the story «The Garden of Forking Paths» – is directly connected with the «somewhat fantastic» novel by the «great writer» Cao Xue-qin. Its importance for the writer is already indicated by the fact that it was this story that he used as the title for the collection of his short stories, published in 1941, which began «playing with time and space» and which, under the same title, formed the first section of the book «Ficciones» of 1944. These books incorporated works created by Borges during the period when, as I. Terteryan writes: «... in his prose, and then in his poetry, a different metaphor appeared – not visual, but intellectual, not concrete, but abstract. Metaphors became not images, lines, but works as a whole – a complex, multi-component, polysemantic metaphor, a metaphor-symbol»¹⁷. It seems that it is not by chance that «The Garden of Forking Paths» both titled and closed (ringed) the cycle of «fictional stories». It perhaps has a particularly polysemantic metaphor-symbol, which has absorbed into its complex composition a whole series of metaphors that realize certain meanings in other «stories» of this cycle – a library, a book, a labyrinth, branches, forks, swarming, circles, repetitions, «rereading», «rewriting», and in the barely noticeable «cracks» also a mirror and a dream. At the same time, the main thing in the story, the deep, playing «with time and space» in metaphors and symbols, has found here a form closest to *our time* – both in terms of genre (detective story) and in terms of the described case (the years of the First World War). But what is also interesting is that the metaphor-symbol of «The Garden...», to which the writer gave both the title and the ring role, consists in a certain approximation, closeness to himself, to his personal life experience. In his «Autobiographical Notes», where Borges calls his father's library the «chief event» in his life, he especially noted Adroque: «During

¹⁷ Тертерян И., Человек, мир и культура в творчестве Хорхе Луиса Борхеса, Хорхе Луис Борхес. Проза разных лет. Москва, 1984, с. 7.

all these years, we usually spent our summers out in Adrogué, some ten or fifteen miles to the south of Buenos Aires, where we had a place of our own – a large one-story house with grounds, two summerhouses, a windmill, and a shaggy brown sheepdog. Adrogué then was a lost and undisturbed maze of summer homes surrounded by iron fences with masonry planters on the gateposts, of parks, of streets that radiated out of the many plazas, and of the ubiquitous smell of eucalyptus trees. We continued to visit Adrogué for decades»¹⁸. Borges will write a long poem about this house with a garden, «Adrogué» (Poetry Collection «Creator»), and the very late Borges the poet will nostalgically recall the past in the poem «Elegy for a Park»:

*The labyrinth disappeared. The measured rows
of eucalyptuses have also vanished,
striped canopies of summer and the eternal
sleeplessness of the mirror, that repeats
every dumbshow of every human face,
every ephemeron. The stopped clock,
the matted tangle of the honeysuckle,
the glorieta with its silly statues,
the other side of evening, a bird's trill,
the tower and the indolence of the fountain,
are all particulars of the past. The past?
If there is no beginning and no end,
if what there is in store for us is only
an infinite sum of white days and black nights,
we already are the past that we shall be.
We are time, the indivisible river,
we are Uxmal, and Carthage, and the broken
wall of the Romans, long since worn away,
and the lost park these lines commemorate¹⁹.*

¹⁸ Borges J.L., Autobiographical Notes, Family, <http://surl.li/wjpoda> (Accessed 01.09.2024).

¹⁹ Borges J.L., Elegy for a Park, <https://www.nybooks.com/articles/1994/12/22/elegy-for-a-park/> (Accessed 27.08.2024).

The image of the book-garden as a labyrinth and time as a labyrinth in its endless flow, its cycle, merged into one metaphor in Borges' story, just as they are fused in this poem, which recalls the former garden in Adroque.

Semiotic Crossroads: Borges and the Symbolism of the Chinese Garden

In this regard, let us return to the review written by Borges after reading the most famous Chinese novel, «Dream of the Red Chamber». Characterizing the initial chapters of the novel, he notes, that *it is teeming with secondary characters, and it is difficult to understand who is who. We seem to be wandering in a house with many courtyards* (see Borges, «Cao Xue-qin. "Dream of the Red Chamber"», 1937), and in further reading, for him, «many dreams» and «an abundance of fantasy» stand out. In his review, Borges did not say a word about the fact that the entire action of this novel takes place in an estate that has been transformed into a huge garden – the «Garden of Splendid Spectacles», filled with all the elements of landscape art with its semantics, symbolism, and at the same time naturally absorbing the most diverse aspects of the lives of its numerous and most diverse inhabitants. This «garden» (with its undoubted metaphorical nature) is so described in the novel²⁰, it connects the relationships, feelings, desires, moods, actions and fates of the characters so much that one involuntarily asks oneself: how could it have completely fallen out of the writer's field of attention, in whose life from childhood there was a «house with a garden» in Adroque, which meant a lot to him and which he kept in his memory until

²⁰ In one or another of the novel's many chapters, the setting for the action is named as the component parts of the "Garden...": palaces, idol temples, the "Xiaoxiang River Pavilion" and the "Wasp Waist Bridge" the "Pavilion of Emerald Drops" and the "Courtyard of Fragrant Herbs" the "Autumn Freshness Study" and the "Pavilion of Reeds under the Snow" the "Warm Fragrance Fence" and the "Red Rue Terrace", "Willow Leaf Dam" and others. It should be noted that today in China you can visit a park on the southern outskirts of Beijing called the "Garden of Splendid Spectacles", planned and executed based on the description of the garden in the novel "Dream of the Red Chamber": everything has been recreated here – from the palace buildings and pavilions with inscriptions on their walls, composed by members of the family living in the garden, to streams, ponds, bridges, to villages on the outskirts of the park, where the servants lived.

the end, a writer whose thinking and poetics are so characterized by metaphorical nature? The answer to this question can be found, as it seems to us, in the story «The Garden of Forking Paths» (which we will discuss further), written some time after the review.

The protagonist of the story is a Chinese, Doctor Yu Tsun (he is named after one of the heroes of the Cao Xue-qin's novel), «a former teacher of English at the Hoch Schule in the city of Qingdao», and now in England engaged in espionage for the German army. The execution of a certain plan («a desperate plan») leads him to «high rusty gates», to a house with a garden («behind the bars one could guess an alley and something like a pavilion»), from where music is heard («the most incredible thing is that it was Chinese») and where he is met and invited into the house by an English scientist-sinologist. From this moment, already prepared by some shades, details, the deep content and meaning of the story emerges from the detective frame to the forefront, close-up. They are revealed in what the Sinologist scientist shares about the *renowned* Chinese sage Qu Pen, about the *garden of books* he conceived, to the creation of which Qu Pen devoted himself for thirteen years, having renounced everything, having locked himself in the Pavilion of Unclouded Solitude, and after his death, «his heirs found nothing there except a pile of drafts». With Yu Tsun, who turned out to be a descendant of the «famous man», the sage Qu Pen, the scientist shares his solution to the meaning of this pile of drafts – it is a «garden of forking paths» and also an «invisible labyrinth of time»²¹.

We will leave it to the interested reader to get acquainted with the details of the «theory of time» developed by the scientist (and close to Borges himself) and pay attention to the echoes of the novel «A Dream of the Red Chamber» that arise in the story. It is not only the name of the hero taken from the novel. It is also the fact that he is «the great-grandson of that Qu Pen, who was the ruler of Yunnan and renounced his former power in order to write a novel that would surpass «A Dream of the Red Chamber» in

²¹ Borges J.L., El jardín de senderos que se bifurcan, <http://surl.li/lzhmqu> (29.08.2024). All parts of «The Garden of Forking Paths» are translated from Spanish by the accessed.

terms of its number of people, and to create a labyrinth in which everyone would get lost». Here, facts from the biography of the creator of «A Dream...» - Cao Xue-qin, a descendant of an ancient noble family - are borrowed and combined. The writer's grandfather Cao Yin managed large industries and, as we learn from the preface to the Russian edition of the novel, «became famous not only as an administrator, but also as an outstanding cultural figure, the creator of one of the most extensive private libraries and the organizer of book printing /.../ Cao Yin bought a large piece of land on the outskirts of what was then Nanjing and laid out a magnificent park there, a masterpiece of Chinese garden art /.../ The Cao family park called the «Garden of Splendid Spectacles» was described in detail in the novel «A Dream of the Red Chamber». /.../ Cao Xue-qin grew up in this park, and his perception of the world was largely nurtured by the perfection of the surrounding landscapes»²². And also: the parallel between the book (Cao Xue-qin and Qu Pen) and the garden («Splendid Spectacles» and «Forking Paths») is clearly played out.

Let us recall the lines we cited from Borges's «Autobiographical Notes» about his father's library and about the garden in Adrogué, i.e. two key places in his life, in the formation of his perception of the world. Let us also recall the question about the unmentioned «garden» that arose in connection with Borges's review. It seems that we find something similar to the answer to it in Borges's story: «...finally Stephen Albert asked: – What is the only word that is unacceptable in a charade with the key word “chess?” – I thought for a second and said: – The word “chess”. – Exactly, – Albert picked up. – “The Garden of Forking Paths” is a grandiose charade, a parable, the key to which is time. This hidden reason is what forbids us to mention it. And constantly avoiding a word... this is probably the most expressive way to emphasize it. /.../ I compared hundreds of manuscripts..., translated the book in its entirety – and was convinced: the word “time” does not appear in it even once»²³. One can assume, by analogy, that the key

²² Меньшиков Л., Ibid, p. 13-14.

²³ Borges J.L., El jardín de senderos que se bifurcan, <http://surl.li/lzhmqu> (accessed 29.08.2024).

role of «The Garden of Splendid Spectacles», which embraces everything and everyone in the novel (as a kind of Universe), responded to Borges's perception of the world so much more strongly than the rest that, within the framework of his short review, he refrained from a cursory word about what he attached great importance to. But after a while, the *hidden* manifested itself quite openly in one of his best stories – it was to Cao Xue-qin's «The Garden of Splendid Spectacles» that Borges responded with his «The Garden of Forking Paths».

In his monograph «The Poetry of Gardens», dedicated to the garden and park art of the West and Russia, D.S. Likhachev says in particular: «...the connection of the garden with a certain philosophical and poetic perception of the world is mandatory, but the philosophical and poetic ideas themselves are different. The garden reflects changes in the philosophical and poetic understanding of the world»²⁴, he also says that the meaning of individual forms and motifs of garden art changes in accordance with the «aesthetic climate» of the era, that «the form of the work of art itself has semantic content»²⁵ (in this case, garden art). Thus, the whole semantic difference between the *fictional* metaphorical garden of Borges and, as we have seen, the real, albeit in its own way metaphorical, garden of Cao Xue-qin is clear. It is already evident in the names of these two gardens, one of which suggests space, the other – chaos.

The real background of Borges's philosophical *fiction* is the First World War, and this *fiction* was created when the Second World War had already begun, which determined the meanings that the writer put into the multi-component, multi-layered metaphor of the story under the *telling* title «The Garden of Forking Paths», symbolic in its every word.

Reflections of Chinese Fantastic Zoology in J.L. Borges's «Book of Imaginary Beings»

The aesthetics and innovative poetics of Borges, characterized by some researchers as *magical*, correspond with certain features of Chinese

²⁴ Лихачев Д., Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Ленинград, 1982, с. 22.

²⁵ Ibid, p. 9.

literature and folklore, since «there is magic in the ability to analyze the fantastic, the impossible as a true reality, and also because it turns out that the violation of seemingly natural laws is more natural than the preservation of exhausted stereotypes. In the eternal paradox of modern man, the false seems real, while it is false»²⁶.

Especially in the later period of his work, Borges gravitates towards the system of expression inherent in Eastern literature, combining different times, based on both reality and fictional reality.

One of Borges's hobbies was compiling anthologies with his students and friends. In collaboration with Margarita Guerrero, he created the «Book of Imaginary Beings», originally called «Handbook of Fantastic Zoology», under which title it was first published in 1950, subsequently reprinted several times, and revised twice. Here Borges acts as a collector of various legends that have developed among different peoples of the world. At first glance, this book, which alphabetically arranges stories about types of imaginary animals, looks like an encyclopedia. However, in essence, this is a product not only of a purely cultural, but also of a unique writer's concept, according to which information as such is mixed with mystification, reality, the reliability of what is being reported – with the elements, and signs of fiction introduced into the book by its author-narrator himself. This feature of the «Book of Imaginary Beings», the tasks that Borges set for himself and solved as a writer, have been noted by researchers of his work (A. Carter, B. Dubin, etc.). We will pay attention here to the abundance in its composition, in comparison with its other feature – the images of animal images from other Eastern sources, namely the images of Chinese fantastic fauna.

The «Book» contains 120 stories about imaginary animals. Some of these stories reflect the archetypes of folklore and mythology of China, India and Japan – three national worlds that created and spread Buddhism, which attracted Borges's keen interest as a religion that was in many ways related to Christianity. But if the fantastic fauna of India is presented in the «Book»

²⁶ Svanascini O., Borges y las culturas orientalesм Cuadernos Hispanoamericanos, 1992, p. 347.

by four stories, and Japan by only one, then the fantastic fauna of China is presented in it by 11 stories directly, and in another ten (10) – indirectly (in the order of comparison or addition). If we also note that stories of Middle Eastern (Persian, Arabic) origin are generally isolated here, then the dominance of the Chinese element becomes more than obvious. A certain privilege is expressed in the fact that a special (the only one in the East) text «Fauna China» presents a whole list of «amazing animals» (15), taken «from the book “Tai Ping Huang Zhi” (“A detailed list compiled in the era of peace and prosperity”), supplemented in 978 and published in 981»²⁷. It is also expressed in the fact that all four main magical animals in the Chinese tradition – the dragon, the unicorn, the phoenix and the turtle – are not *dissolved* in the general story about how these animals are imagined in the myths and beliefs of different peoples, but are described in sufficient detail in a story with a separate title that distinguishes the Chinese version: after «Eastern Dragon» (1.5 pages), «Western Dragon» (1.5 pages) of the same volume «Chinese Dragon»; after «Unicorn» of the same volume (1.5 pages) especially – «Chinese Unicorn», in the presence of «Phoenix» in general – separately «Chinese Phoenix»; as for the fourth magical animal – the turtle, the story about it is entitled «Mother of Turtles», without specifying «Chinese», since only the Chinese version is given in the book; finally, another story with a distinctive title «Chinese Fox».

More laconic, but at the same time quite expressive in specific details, very entertaining and memorable stories are presented in the book about such amazing animals of Chinese legends and beliefs as «Rain-bearing bird», «Moon hare», «Jiao Dze» (which means *glutton*), «Heavenly deer», «Heavenly rooster», etc.

The images of Chinese mythology's and folklore's fictional (*imaginary*) animals reflect the national system of worldview, consciousness, and thinking. Unlike many hyperfantastic, completely unimaginable, inconceivable animals, they are close to reality, they represent a symbiosis of a real animal and fantastic elements. For example, «In everyday zoology the

²⁷ Borges J.L., Book of Imaginary Beings. <http://surl.li/bbqblf> (Accessed 10.09.2024).

Chinese Fox differs little from other Foxes, but not so in fantastic zoology. Statistics give it a lifespan that varies between eight hundred and a thousand years. The animal is considered a bad omen, and each part of its anatomy enjoys some special power. It has only to strike the ground with its tail to start a fire; it can see into the future; and it can change into many forms, preferably into old men, young ladies, and scholars. It is astute, wary, and sceptical; its pleasures lie in playing pranks and in causing torment. Men, when they die, may transmigrate with the body of a Fox. Its dwelling is close by graves. There are thousands of stories and legends concerning it; we transcribe one, a tale by the ninth-century poet Niu Chiao, which is not without its humorous side»²⁸. The real and the unreal, the rational and the irrational, the natural and the supernatural are also balanced in the ideas about the heavenly rooster or the rain-bearing bird. In general, many Chinese imaginary animals have a pantheistic origin or appear as means of interpreting nature, some are interpretations of not a fictional, earthly reality.

It can be assumed that Borges, a great master of dressing his fictions in the forms of reality, subtly presenting the imaginary as a fact, was impressed by these very features of Chinese legends and beliefs, which is why he devoted so much space to them in his «Book of Imaginary Beings».

Conclusions

A number of pages in Borges' essays («Cao Xue-qin. Dream of the Red Chamber», «Chinese Fairy and Folk Tales», «Three Philosophical Schools of Ancient China») are related to the motifs and images of Chinese folklore and literature; stories such as «The Garden of Forking Paths», «The Wall and the Book», which characterize both the writer's worldview and poetics, are related to the recurring, varying symbols and metaphors in Borges (dream, labyrinth, wall, mirrors, book, etc.). Finally, in one of his most original works in terms of conception and execution, genre and style, and the cultural richness of the creatures – «Book of Imaginary Beings» – Borges abundantly

²⁸ Ibid, p. 44.

involves fantastic animal images that have developed in Chinese mythology, folklore, and stories-beliefs.

As we can see, both the remarks about Chinese literature («a master of seeing dreams», «many dreams», «we think that we are talking about reality», «an abundance of fantasy»), in which his own stylistic preferences shine through, and the appeal to a certain number of symbols, metaphors eloquently indicate that the outstanding Argentine writer of the 20th century drew much that was valuable and instructive for himself from the three-thousand-year-old culture of China. The same is indicated by his characteristics of Chinese fairy tales, and appeals to Chinese stories-beliefs about imaginary beings, which can serve as the subject of an extended special observation in future.

ԻՆՏԵՐՏԵՔՍԱՅԻՆ ԼԱԲԻՐԻՆԹՈՍՆԵՐ. ԲՈՐԽԵՍԸ ԵՎ ՍԻՆՈՄԵՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՊԱՐԱԴԻԳՄԸ

Նատալյա Գոնչար-Խանջյան²⁹

20-րդ դարի մեծագույն գրողներից և մտավորականներից մեկը՝ մեծ արգենտինացի Խորխե Լուիս Բորխեսը զարմացնում է իր ստեղծագործության ընթերցողներին և հեղափոխողներին իր մշակութային հեղափոխությունների և գիտելիքների անսահման լայն շրջանակով, ասոցիացիաներով, դատողություններով և ընդհանրացումներով: Բորխեսի ստեղծագործության հայեցակարգային ուղերձը, կոնցեպտուալ շարքը, որն անցնում է նրա տեքստերի, գաղափարախոսությունների, կոսմոլոգիաների, փիլիսոփայությունների միջով՝ մարմնավորված ինքնատիպ և նորարար գեղարվեստական միջոցներով, ծնունդ է առնում հազարավոր տարիների ընթացքում կուտակված համաշխարհային մշակույթի՝ հոգևոր փորձառության խոր ընկղմումից. գեղարվեստական, մտավոր, բանավոր և գրավոր: Մշակույթի, որը կուտակվել է մարդկային ցեղի ընդհանուր տանը աշխարհի բոլոր ծայրերում՝ արևմուտքում և արևելքում, հյուսիսում և հարավում: Բորխեսի համար ամենահարուստ սնուցիչը՝ և՛ որպես մշակութաբան, և՛ որպես գրող, ով ստեղծել է իր բոլորովին հատուկ, և շատ ազդեցիկ, գաղափարական և

²⁹ Նատալյա Գոնչար-Խանջյանը ԵՊՀ Եվրոպական լեզուների և հաղորդակցության ֆակուլտետի արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ է, ք.գ.թ., էլ.փոստ՝ natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, ORCID՝ 0009-0002-5462-8509:

գեղարվեստական աշխարհը, իր գեղագիտությունն ու պոետիկան, անկասկած, եղել է Արևելքի մշակույթը և, մասնավորապես, ինչպես նա ինքն է դա անվանում իր տեքստերից մեկում՝ Չինաստանի երեքհազարամյա մշակույթը:

Գրադարանի խորագիրակ մասնագետ Խ. Լ. Բորխեսի գրական տարրեր ձևերի և ժանրերի տեքստերի շարքը, որն ընդգրկում է համաշխարհային գրականությունն ու մշակույթը, արտացոլում է բազմակողմ հետաքրքրությունը Չինաստանի, նրա պատմության և մշակույթի, նրա կրոնի, առասպելների, գրականության, բանահյուսության և ֆոլկլորի նկատմամբ: Սույն հոդվածում դիտարկվում են Բորխեսի (որպես գրող և բանաստեղծ, մտավորական և մշակույթի փորձագետ) հին և միջնադարյան Չինաստանի դասական տեքստերի երկխոսության հիմնական փաստերն ու շարժառիթները: Ուշադրության կենտրոնում են Բորխեսի տեքստերին բնորոշ առանձնահատկությունների արձագանքները և, մասնավորապես, առանձին տեղ է գրավում «Բաժանվող արահետների այգին» պատմվածքի վերլուծությունը՝ Յաո Սյուեցինի «Երազը կարմիր ապարանքում» հայտնի չինական դասական վեպի հետ հարաբերակցությամբ: Հեղինակը ուշադրություն է հրավիրում նաև «Երևակայական էականների գրքում» չինական պատկերների հիշատակումների բարձր վիճակագրության վրա:

Բանալի բաներ՝ Բորխես, Չինաստան, երազ, լաբիրինթոս, այգի, գիրք, երևակայական էական

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЛАБИРИНТЫ: БОРХЕС И СИНОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА

Наталия Гончар-Ханджян³⁰

Один из крупнейших писателей и мыслителей XX века, великий аргентинец Хорхе Луис Борхес поражает как читателей, так и исследователей его творчества необычайно широким диапазоном своих культурологических интересов и знаний, ассоциаций, суждений и обобщений. Концептуальное послание творчества Борхеса, концептные ряды, прошивающие его тексты, борхесовские идеологемы, космологемы, философемы, претворяемые оригинально-новаторскими художественными средствами, рождаются от углуб-

³⁰ Наталия Гончар-Ханджян - доцент кафедры зарубежной литературы факультета европейских языков и коммуникации ЕГУ, к.ф.н., эл. почта: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, ORCID: 0009-0002-5462-8509.

ленного погружения в копившийся тысячелетиями опыт общемировой культуры – духовной, художественной, интеллектуальной, устной и письменной. Культуры, копившейся в общем доме рода человеческого по всем сторонам света на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге. Богатейшей питательной средой для Борхеса – и как для культуролога, и как для писателя, создавшего свой совершенно особый, причем очень влиятельный, идейно-художественный мир, свою эстетику и поэтику, – явилась, несомненно, культура Востока и, в частности, как в одном из своих текстов сам он ее называет, трижды тысячелетняя культура Китая.

Серия текстов в различных литературных формах и жанрах, написанных Х.Л. Борхесом, глубоким знатоком библиотеки, охватывающей мировую литературу и культуру, отражает многогранный интерес к Китаю, его истории и культуре, религии, мифам, фольклору и литературе. В данной статье рассматриваются основные факты и мотивы диалога Борхеса (как писателя и поэта, интеллектуала и знатока культуры) с классическими текстами древнего и средневекового Китая. В фокусе внимания – отголоски черт, характерных для текстов Борхеса и, в частности, его рассказа «Сад расходящихся тропок» в соотношении и перекличках с известным китайским классическим романом «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня. Автор также уделяет внимание высокой статистике обращений к китайским зообразам в «Книге вымышленных существ».

Ключевые слова: Борхес, Китай, сон, лабиринт, сад, книга, вымышленные существа

BIBLIOGRAPHY

1. Блок А., СС. в 8-и томах., т. III., Москва-Ленинград, 1960.
2. Борхес Х.Л., СС. в 4-х томах, Санкт-Петербург, 2001.
3. Дубин Б., На полях письма, Заметки о стратегиях мысли и слов в XX веке. Москва, 2005.
4. Лихачев Д., Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей, Ленинград, 1982.
5. Меньшиков Л., Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы, Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме. Перевод с китайского В.А. Панасюка, т. 1-2, Санкт- Петербург, 2014.

6. Тертерян И., Человек, мир и культура в творчестве Хорхе Луиса Борхеса, Хорхе Луис Борхес. Проза разных лет. Москва, 1984
 7. Borges J. L., Autobiographical Notes. September 11, 1970, <https://www.newyorker.com/magazine/1970/09/19/jorge-luis-borges-profile-autobiographical-notes> (Accessed 01.09.2024) .
 8. Borges J. L., A Reader. Translated from the Spanish by Norman Thomas di Giovanni, <https://biblioklept.org/2014/05/07/a-reader-jorge-luis-borges/> (Accessed 01.09.2024).
 9. Borges J. L., Poesía complete, <http://surl.li/wwohvi> (Accessed 01.09.2024).
 10. Borges J. L., The Keeper of Books, <https://inwardboundpoetry.blogspot.com/2005/11/11-keeper-of-books-jorge-luis-borges.html> (Accessed 03.09.2024).
 11. Borges J. L., Borges and I, <http://surl.li/dlkdey> (Accessed 20.08.2024).
 12. Borges J.L., Chinese fairy tales and folk tales, traducidos por Wolfram Eberhard, <https://borgestodoelanio.blogspot.com/2017/12/jorge-luis-borges-chinese-fairy-tales.html> (Accessed 21.08.2024).
 13. Borges J.L, Iron Coin, 1976, <https://tarnmoor.com/tag/dreams/> (Accessed 25.08.2024).
 14. Borges J.L. Coleridge's Dream. <http://surl.li/oqfugo> (Accessed 10.09.2024).
 15. Borges J.L. Seven Nights. <http://surl.li/cafpvk> (Accessed 10.09.2024).
 16. Borges J.L. Nine Dantesque Essays. <http://surl.li/vjmecf> (Accessed 10.09.2024).
 17. Borges J.L. Autobiographical Notes. Family. <http://surl.li/wjpoda> (Accessed 01.09.2024).
 18. Borges J.L. Elegy for a Park. <https://www.nybooks.com/articles/-/1994/12/22/elegy-for-a-park/> (Accessed 27.08.2024).
 19. Borges J.L. El jardín de senderos que se bifurcan. <http://surl.li/lzhmqv> (Accessed 29.08.2024).
 20. Borges J.L., Book of Imaginary Beings. <http://surl.li/bbqblf> (Accessed 10.09.2024).
- Svanascini O., Borges y las culturas orientales, Cuadernos Hispanoamericanos, N 505-507, 1992.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАД. М. Б. ПИОТРОВСКОГО 1967–2024

1967

Пиотровский М. Б., Грязневич П. А. Указатели // История халифов анонимного автора XI в.: Факсимиле рукописи / пред. и кр. изложение текста П. А. Грязневича. М., 1967.

1968

Пиотровский М. Б., Йеменский царь Шаммар Йухар'иш в арабских источниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.; Л., 1968. С. 40–42.

1969

Пиотровский М. Б., Йеменитский халиф на 40 дней // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.; Л., 1969. С. 61–64.

1970

Пиотровский М. Б., Арабская версия истории царицы Зенобии (аз-Заббы) // Палестинский сборник. 1970. № 21(84). С. 170–184.

Пиотровский М. Б., Йемениты и йеменцы в Омейядской Сирии // Историко-филологический журнал. 1970. № 2. С. 252–256.

Пиотровский М. Б., Средневековые рассказы о древних погребениях Йемена // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.; Л., 1970. С. 64–66.

1971

Пиотровский М. Б., Состав и политическая направленность кахтанидского предания // Седьмая годичная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: краткие сообщения. М.; Л., 1971. С. 69–71.

1972

Пиотровский М. Б., Арабские племена в предании о йеменском царе Ас'аде ал-Камиле // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.; Л., 1972. С. 108–111.

1973

Пиотровский М. Б., Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. 12 с.

Пиотровский М. Б., Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле как историко-культурный памятник // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Древняя Аравия: IX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1973. С. 89–98.

Пиотровский М. Б., Тубба Корана и химйаритский царь Абу Кариб Ас'ад // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.; Л., 1973. С. 27–30.

1974

Пиотровский М. Б., [Рецензия] // Палестинский сборник. 1974. № 25. С. 177–180. — Рец. на кн.: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба (сабейский эпонимат). М., 1971.

Пиотровский М. Б., Тема судьбы в южноаравийском предании об Ас'аде ал-Камиле // Палестинский сборник. 1974. № 25. С. 119–128.

1975

Пиотровский М. Б., Актуальные проблемы изучения истории Йемена // Ас-Саури. Аден. 09.08.1975 и 16.08.1975. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Древнейеменское наследие в мусульманской цивилизации // Ал-Хикма. 1975. Апрель, № 38. С. 54–59. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Изучение древнейеменской цивилизации в Советском Союзе // Ас-Сакафа ал-джадида. 1975. Март, № 37. С. 48–51. (На араб. яз.)

1976

Пиотровский М. Б., О Сессии ленинградских арабистов: Хроникальные заметки, 1976 г. // Народы Азии и Африки. 1976. № 6. С. 262–264.

1977

Пиотровский М. Б., Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., 1977. 159 с.

Пиотровский М. Б., Химйаритский кайл Сумайфа Зу-л-Кала и халиф Абу Бакр // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1977. С. 32–39.

Пиотровский М. Б., Грязневич П. А. История Йемена в средние века // История Йемена: учебное пособие. Аден, 1977. (На араб. яз.)

1978

Пиотровский М. Б., Аравийские пророки VII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике. М., 1978. С. 70–76.

Пиотровский М. Б., О Сессии ленинградских арабистов: Хроникальные заметки, 1977 г. // Народы Азии и Африки. 1978. № 3. С. 162, 163.

1979

Пиотровский М. Б., Востоковедные центры Ирака // Народы Азии и Африки. 1979. № 6. С. 147–151.

Пиотровский М. Б., О Сессии ленинградских арабистов: Хроникальные заметки, 1978 г. // Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 165, 166.

Пиотровский М. Б., Эфиопия и Хиджаз в VII в. (эфиопская хиджра) // Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. М., 1979. С. 65.

1980

Пиотровский М. Б., Серия статей // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1980. Т. 1. (80 статей).

Пиотровский М. Б., Соотношение светской и духовной власти в исламе // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. Ташкент, 1980. С. 369–374.

1981

Пиотровский М. Б., Кайли, абна, кабаил (южноаравийские верхи и ислам) // Арабские страны: История и современность. М., 1981. С. 221–226.

Пиотровский М. Б., Мухаммад, пророки, лжепророки, кахины // Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 9–18.

Пиотровский М. Б., Новая хроника из расулидского Йемена // Палестинский сборник. 1981. №27. С. 140–143.

Пиотровский М. Б., О Сессии ленинградских арабистов: Хроникальные заметки, 1980 г. // Народы Азии и Африки. 1981. № 1. С. 159–161.

Пиотровский М. Б., Об эфиопской хиджре // Эфиопские исследования. М., 1981. С. 16–22.

Пиотровский М. Б., Проблемы этносоциальной истории Южной Аравии в V–VI вв. (араб-химйарит Тамим Йазид Сабеец) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике. М., 1981. С. 14–19.

Пиотровский М. Б., [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 194–198. — Рец. на кн.: Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа' 'улум ад-дин): Избранные главы / пер. с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980.

Пиотровский М. Б., Роль ал-Хамдани в становлении йеменского этноса // Ал-Хикма. 1981. Т. 11. № 95. С. 22–32. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Наумкин В. В. X–XI вв. в истории народов Ближнего и Среднего Востока — «эпоха трансформации?» // Мусульманский мир, 950–1150. М., 1981. С. 3–15.

1982

Пиотровский М. Б., «Дневник» багдадского факиха Ибн Банна // Бартольдские чтения. М., 1982. С. 54, 55.

Пиотровский М. Б., Знать Южной Аравии и ислам в VII в. // Ас-сакафа ал-джадида. 1982. Т. 11. № 5. С. 44–50. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., К вопросу о методологии изучения ислама // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1982. Ч. 1. С. 123–129.

Пиотровский М. Б., Концепция исторического наследия в идеологии иракской ПАСВ // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982. С. 186–197.

Пиотровский М. Б., [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1982. № 1. С. 217, 218. — Рец. на кн.: История востоковедения, арабистики и курдологии в Азиатском музее. Багдад, 1980.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1982. Т. 2. (72 статьи)

Пиотровский М. Б., Шестая годовичная Сессия ленинградских арабистов. Хроникальные заметки // Народы Азии и Африки. 1982. № 2. С. 148, 149.

1983

Пиотровский М. Б., Ал-Хамдани и кахтанидское историко-эпическое предание // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1983. Ч. 1. С. 186–190.

Пиотровский М. Б., Всесоюзная конференция историков древнего и средневекового Востока // Народы Азии и Африки. 1983. № 1. С. 132–138.

Пиотровский М. Б., Коранические сказания как историко-культурный памятник // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти И. Ю. Крачковского. М., 1983. С. 38, 39.

Пиотровский М. Б., О некоторых тенденциях идеологического и культурного развития современного Кувейта (ситуация начала 1983 г.) // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1983. Вып. 2. С. 110–122.

Пиотровский М. Б., Проблемы социальной этики средневекового Арабского Востока // Народы Азии и Африки. 1983. № 2. С. 132–137.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Ислам: краткий справочник. М., 1983. (94 статьи)

Пиотровский М. Б., Человек и природа в Аравии, древность и современность // География и развивающиеся страны. Л., 1983. С. 106–108.

Пиотровский М. Б., Лундин А. Г., [Рецензия] // Вестник древней истории. 1983. № 3. С. 169–172. — Рец. на кн.: Raydan. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy. Vol. 3.

1984

Пиотровский М. Б., История туббы Ас'ада ал-Камила // Ал-Хикма йаманийа. 1984. Т. 107. № 7, 8. Т. 109. № 1, 2. Т. 111. № 4, 5. Т. 113. № 8. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Киндиты в Хадрамауте: Перспективы полевых исследований // Хадрамаут. 1984. Т. 1. С. 48–52. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Книга истории туббы Ас'ада ал-Камила // Йемен в советском востоковедении: Избранные тексты. Дамаск, 1984. Ч. 3. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Направления в изучении арабского наследия в Советском Союзе // Ежегодник сезона культурных событий 1982/83 гг. Кувейт, 1984. С. 313–325. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., О природе власти Мухаммада // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах: История и современность. М., 1984. С. 6–11.

Пиотровский М. Б., Особенности художественной культуры арабомусульманского средневековья // Художественная культура в докапиталистических формациях: Структурно-типологическое исследование. Л., 1984. С. 269–278.

Пиотровский М. Б., Полевое обследование селений вади Рахйа и вади ал-'Айн // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1984 г. Сайун, 1984. С. 52–56. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., «Поход слона» на Мекку (Коран и историческая действительность) // Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984. С. 28–35.

Пиотровский М. Б., Пророческое движение в Аравии VII в. // Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984. С. 19–27.

Пиотровский М. Б., Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама // Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984. С. 175–188.

Пиотровский М. Б., Эпос о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. Сана, 1984. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Южная Аравия в раннем средневековье: Процесс сложения средневекового общества. Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Л., 1984. 31 с.

1985

Пиотровский М. Б., Аравийские корни ислама // Четвертая Всесоюзная конференция арабистов. Ереван, 1985. С. 104, 105.

Пиотровский М. Б., К вопросу о культурной ситуации в Кувейте // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1985. № 5. С. 101–107.

Пиотровский М. Б., Кайли, абна, кабаил // Йемен в советском востоковедении: Избранные тексты. Дамаск, 1985. Ч. 3. С. 143–155. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Кинда в Хадрамауте // Ал-Хикма йаманийа. 1985, Июнь. № 122. С. 23–30. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., [Рецензия] // Советская этнография. 1985. № 3. С. 159–161. — Рец. на кн.: Родионов М. А. Марониты: Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982.

Пиотровский М. Б., Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневекового общества. М., 1985. 224 с.

1986

Пиотровский М. Б., Кораническая литература: Молитвы // Краткий каталог арабских рукописей Ленинградского отделения ИВ АН СССР. М., 1986.

Пиотровский М. Б., Проблема власти в раннем исламе // Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 17–24.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Ислам: краткий справочник. Алма-Ата, 1986. (94 статьи).

Пиотровский М. Б., Серия статей // Ислам: краткий справочник / 2-е изд. М., 1986. (94 статьи).

Пиотровский М. Б., Характерные особенности арабо-мусульманской культуры // Новые исследования советских арабистов. М., 1986. С. 194–209. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Хиджра в Эфиопии // Новые исследования советских арабистов. М., 1986. С. 112–123. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Прозоров С. М., Историческая эволюция светского («общинного») и «сакрального» представления о власти // Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 29–34.

Piotrovsky M., Al-Hamdānī and the Qahtanide Epos // Al-Hamdānī, a Great Yemeni Scholar: Studies on the occasion of his Millennial anniversary. Ed. by Yusuḡ Mohammad Abdallah. Ṣan‘ā’; Bayrut, 1986. P. 17–25.

Piotrovsky M., The Arabian Roots of Islam // Paper presented at the 32nd International Congress for Asian and North African Studies (Hamburg, 1986). Moscow, 1986. 12 p.

1987

Пиотровский М. Б., Аравийские корни ислама // Народы Азии и Африки. 1987. № 2. С. 97–101.

Пиотровский М. Б., Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе: история и современность. М.; Л., 1987. С. 6–20.

Пиотровский М. Б., Йемен до ислама и в первые годы хиджры. Бейрут, 1987. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Грязневич П. А., Торговля и торговые пути в древнем Хадрамауте // Хадрамаут — древний и современный. Сайун, 1987. Т. 1. С. 86–96. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Лундин А. Г., Грамотность в древнем Хадрамауте // Хадрамаут — древний и современный. Сайун, 1987. Т. 1. С. 97–110. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Лундин А. Г., Надписи Внутреннего Хадрамаута // Хадрамаут — древний и современный. Сайун, 1987. Т. 1. С. 71–84. (На араб. яз.)

1988

Пиотровский М. Б., Древние надписи Махры // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1988 г. Сайун, 1988. С. 130–136. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Послесловие // Александр Дюма. Путешествие в Египет. М., 1988. С. 274–286.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Ислам: Словарь атеиста. М.; Л., 1988. (43 статьи)

Пиотровский М. Б., Сказания в Коране и в Библии: Преемственность и различие // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. М., 1988. Т. 1. С. 11–112.

Пиотровский М. Б., Грязневич П. А., Историко-географические исследования в вади Дау'ан // Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции в 1988 г. Сайун, 1988. С. 91–112. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Милославский Г. В., Прозоров С. М., Ислам как историческое явление // Ислам. Словарь атеиста. М.; Л., 1988. С. 6–22.

Piotrovsky M., The Fate of Castle Ghumdan // Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia: Investigation and Conservation Problems. Moscow, 1988. p. 28–38.

1989

Пиотровский М. Б., Граффити Хадрамаута и Махры // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 148–153.

Пиотровский М. Б., Йемен в начале средних веков // Кадайя ал-аср. 1989. № 11. С. 29–50. (На араб. яз.)

Пиотровский М. Б., Прозоров С. М., Резван Е. А., Кныш А. В., Ермаков М. В., Исламоведение: Программа курса лекций // Народы Азии и Африки. 1989. № 3–5.

1990

Пиотровский М. Б., Легенды и сказания в Коране // Наука и религия. 1990. № 11. С. 39–41.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Мифологический словарь. М., 1990. (66 статей).

1991

Пиотровский М. Б., Его вел сам Бог... // Досье ЛГ. 1991. № 7. С. 18.

Пиотровский М. Б., Коран как Евангелие // XVIII Международный конгресс византистов: резюме сообщений. М., 1991. Ч. 2. С. 897, 898.

Пиотровский М. Б., Коранические легенды и сказания // Фюник. 1991. № 14. С. 14, 15.

Пиотровский М. Б., Коранические сказания. М., 1991. 219 с.

Пиотровский М. Б., Легенды и сказания в Коране // Наука и религия. 1991. № 1. С. 48–53; № 4. С. 20–23; № 7. С. 24–27; № 11. С. 36–39.

Пиотровский М. Б., Серия статей // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. (75 статей)

Пиотровский М. Б., Серия статей // Мифологический словарь. М., 1991. (75 статей)

1992

Пиотровский М. Б., Ислам побеждает Судьбу // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М., 1992. С. 142–144.

1993

Пиотровский М. Б., Античные коллекции «четвертого Рима» // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 3.

Пиотровский М. Б., Итальянские художники из Эрмитажа // Italian Renaissance and Baroque Art from The State Hermitage Museum. Tokyo, 1993. P. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Коллекция и коллекционер // Коллекция Джорджа Ортиса: Древности от Ура до Византии: каталог выставки. Берн, 1993. С. 4.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Фаберже — придворный ювелир: каталог выставки. СПб., 1993. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Советско-Йеменская экспедиция и концепция исторического единства Аравии // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1993. С. 18–20.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — Екатерине Великой // Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века: каталог выставки. СПб., 1993. С. 5.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — Нартову // Teatrum Machinarum, или Три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге: каталог выставки. СПб., 1993. С. 7.

Пиотровский М. Б., Антонова И. А., Памяти собирателей // Морозов и Щукин — русские коллекционеры: От Матисса до Пикассо: каталог выставки. Эссен, 1993. С. 12, 13.

Пиотровский М. Б., Антонова И. А., Предисловие // Анри Матисс, 1869–1954. Живопись, рисунки, декупажи: каталог выставки. М., 1993. С. 6–7.

Piotrovsky M., Avant-propos // L'Age d'or flamand et hollandais. Dijon, 1993. P. 15.

Piotrowski M., De Hermitage en het Rijk der Scythen // Het Rijk der Scythen. Amsterdam, 1993. S. 8–9.

Piotrowskij M., Die Ermitage und die Welt der Skythen // Gold der Skythen. Hamburg, 1993. S. 8.

Piotrovsky M., Director's Statemant // G. von Habsburg, M. Lopato. Fabergé. Imperial Jeweller. Washington, 1993. P. 8–9.

Piotrovsky M., Foreword // Lost Empire of the Silk Road. Lugano, 1993. P. 11.

Piotrowskij M., Vorwort // Christliche westeuropäische Elfenbeinkunst 13–18. Jahrhunderts aus der Ermitage. Sankt Peterburg, 1993. S. 3.

Piotrovsky M., Ducamp E., Quel programme pour l'Ermitage? // Connaissance de Arts. 1993. T. 496 (juin). P. 64–71 (в соавторстве с E. Ducamp).

1994

Пиотровский М. Б., Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 92–97.

Пиотровский М. Б., Приветствие // French Baroque and Rococo Art from The State Hermitage Museum. Tokyo, 1994. P. 8–9.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Николай и Александра. Двор последних русских императоров: конец XIX — начало XX века. Каталог выставки. СПб., 1994. С. 7.

Пиотровский М. Б., Полосин В. В., Мухаммад и начало ислама // Хрестоматия по исламу: учебное пособие. М., 1994. С. 9–33.

Piotrovski M., L'économie de l'Arabie préislamique // B. Chiesa et al. L'Arabie avant l'Islam. Aix-en-Provence, 1994. P. 211–238.

Piotrovski M., Das Porzellan Katherinas der Grossen // Zur Tafel Im Winterpalast. Koldinghus, 1994. S. 12.

Piotrowskij M., Die Schätze der Eremitage // Erinnerung an die Familie Romanov: Der Zarenschatz der Romanov. Speyer, 1994. S. 15.

Piotrovsky M., Foreword // Dutch 19th century Painting from the Hermitage and Paleis Het Loo. Apeldorn, 1994. P. 7.

Piotrovsky M., Foreword // Imperial Easter Eggs. Copenhagen, 1994. P. 8.

Piotrovsky M., Foreword // Great Art Treasures of the Hermitage Museum, St. Petersburg. London, 1994. P. 9.

Piotrovsky M., Foreword // Raoul Dufy. Collections du Musée d'Art Moderne de la Ville de Paris — un choix. Paris, 1994. P. 8.

Piotrovsky M., Late Ancient and Early Medieval Yemen: Settlement Traditions and Innovations // The Byzantine and Early Islamic Near East: Land Use and Settlement Patterns. Princeton, 1994. P. 213–220.

Piotrovsky M., Meeting The State Hermitage Museum // Treasures from The Hermitage. St. Petersburg; Maastricht, 1994. P. 8–10.

Piotrovsky M., The Hermitage: Pride and Hope of Russia // 94' Kyoto Conference of the World Leading Museums. Kyoto, 1994. P. 70–75.

Piotrowskij M., Voorwoord // Het Russisch Volkskostuum. Huizen, 1994. P. 5.

Piotrovsky M., Anderson R. G. W., Montebello Ph. De. Preface // D. Williams, J. Ogden. Greek Gold: Jewelry of the Classical World. New York, 1994. P. 7.

Piotrovsky M., Sedov A., Field-studies in Southern Arabia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 1994, September. Vol. 1 (2). P. 202–219.

Piotrovsky M., Sedov A., Field-studies in Southern Arabia // Raydän: Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy. 1994. Vol. 6. P. 61–68.

1995

Пиотровский М. Б., Бедуинская эпиграфика Южной Аравии // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина, 1986–1994 гг. СПб., 1995. С. 141–148.

Пиотровский М. Б., Вади ал-‘Айн: древнейеменские надписи // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования: Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. М., 1995. Т. 1. С. 176–201.

Пиотровский М. Б., Вступительное слово // Эрмитаж спасенный. Выставка произведений из коллекций Государственного Эрмитажа, посвященная 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: каталог выставки. СПб., 1995. С. 8.

Пиотровский М. Б., Историческая память Корана и историческое наследие Аравии // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина, 1986–1994 гг. СПб., 1995. С. 170–171.

Пиотровский М. Б. Коран как Евангелие // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина, 1986–1994 гг. СПб., 1995. С. 121–122.

Пиотровский М. Б., Мусульманское образование // Российская педагогическая энциклопедия. М., 1995.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Коллекция мантуанских монет в Эрмитаже: каталог выставки. Милан, 1995. С. 6.

Пиотровский М. Б., Предисловие // С. Варшавский, Б. Реет. Подвиг Эрмитажа. СПб., 1995. С. 1.

Пиотровский М. Б., Предисловие // French Art of the 19th — 20th centuries from The State Hermitage Museum. Tokyo, 1995. P. 7.

Пиотровский М. Б., Приветствие // Стихия воды. Выставка живописи и эстампа из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. Сидзуока, 1995. С. 7.

Пиотровский М. Б., Собрание Корсини гостит в Эрмитаже // Произведения итальянской живописи XV–XVII веков из собрания князей Корсини во Флоренции: каталог выставки. Флоренция, 1995. С. 5.

Пиотровский М. Б., Сокрытое открывается // А. Н. Костеневич. Неведомые шедевры: Французская живопись XIX–XX веков из частных собраний Германии: каталог выставки. СПб.; Нью-Йорк, 1995. С. 7.

Пиотровский М. Б., Странное путешествие Ван Гога // Коллекция японской гравюры Ван Гога и традиции школы Утагава: каталог выставки. Сёкоку, 1995. С. 2.

Пиотровский М. Б., Андерсон Р. Дж. В., де Монтебелло Ф., Предисловие // Д. Уильямс, Дж. Огден. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э.: каталог выставки. СПб., 1995. С. 7.

Piotrovski M., *Economica della Arabia Antiqua* // B. Chiesa et al. *Il primi Arabi*. Milano, 1995.

Piotrovsky M., *Esipuhe* // *Islamin Tiadeaarteita Eremitaasin Kokoelmista*. Turku, 1995. P. 10.

Piotrovski M., *Foreword* // *French Baroque and Rococco Art from The State Hermitage Museum*. Tokyo, 1995. P. 6–7.

Piotrovski M., *Foreword* // *Paul Gauguin e'avanguardia russa*. Milano, 1995. P. 3.

Piotrovski M., *Forord* // *Von Caspar David Friedrich zu Paula Modersohn-Becker*. Worpswede, 1994. S. 3.

Piotrowskij M., *Museo Statal del Hermitage* // *Los grandes museos historicos*. Barcelona; Gutenberg, 1995. P. 119–127.

Piotrovski M., *Preface* // Charles-Louis Clérissseau (1721–1820). *Dessins du musée de l'Ermitage*. Saint-Pétersbourg; Paris, 1995. P. 9.

Piotrowskij M., *Verborgenes aus Licht bringen* // A. Kostenewitsch. *Aus der Ermitage. Verschollene Meisterwerke deutschen Privatsammlungen*. München, 1995. S. 7.

Piotrovski M., *Ur Tsarpalatsets Garderob* // *Ur Tsarpalatsets Garderob. Ermitaget i St. Petersburg gästar Livrustkammaren*. Stockholm, 1995. P. 4–5.

1996

Пиотровский М. Б., Введение // Западноевропейское прикладное искусство XVI—XVIII вв. в собрании Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 1996. С. 8–9.

Пиотровский М. Б., Вступительное слово // Питер Мондриан: каталог выставки. Гаага, 1996. С. 5.

Пиотровский М. Б., Душа Эрмитажа // Эрмитаж. Избранные сокровища великого музея. СПб., 1996. С. 7–9.

Пиотровский М. Б., Замечательная ювелирная коллекция // Европейские ювелирные украшения: Историзм и югендстиль, 1850–1920: Работы из собрания музея украшений Пфорцхайма: каталог выставки. Пфорцхайм, 1996. С. 7.

Пиотровский М. Б., Из истории борьбы за наполеоновские художественные трофеи // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1996. С. 3–7.

Пиотровский М. Б., Ислам — вера и образ жизни // Преподавание истории в школе. 1996. № 2. С. 14–21.

Пиотровский М. Б., Наш царь в Нидерландах // Петр I и Голландия: Русско-Голландские художественные и научные связи: К 300-летию Великого посольства. СПб., 1996. С. 8–9.

Пиотровский М. Б., Персидская живопись в Эрмитаже // А. Т. Адамова. Персидская живопись и рисунок XV–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 1996. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Т. Илатовская. Шедевры европейского рисунка из частных собраний Германии. СПб., 1996. С. 7.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Фламандская книжная миниатюра 1475–1550: каталог выставки. Гент, 1996. С. 5.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Ханс Арп, Софи Тойбер-Арп: каталог выставки. Роландсек, 1996. С. 10.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Spanish Art from The State Hermitage Museum. Tokyo, 1996. P. 7.

Пиотровский М. Б., Сверхмузей в эпоху крушения империи (Музей как фактор эволюции): Актовая лекция в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. СПб., 1996. 31 с.

Пиотровский М. Б., Стоянка паломников Джаулат ар-Румад // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.): Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. М., 1996. Т. 2. С. 168–190.

Пиотровский М. Б., Человек ищет Бога // God and Man: Art Treasures of The State Hermitage Museum. Tokyo, 1996. P. 11.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и Приобье // Сокровища Приобья: каталог выставки. СПб., 1996. С. 5.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж помнит Луиджи Премацци // Луиджи Премацци: Акварели и рисунки. Каталог выставки. СПб., 1996. С. 4.

Piotrovski M., Catharina en de Hermitage // Catharina, de kaizerin en de kunsten. Zwolle: Waanders, 1996. S. 11.

Piotrovsky M., Easter Gifts in Porcelain // Imperial Easter. Porcelain Eggs from The Hermitage Museum in Saint Petersburg. Geneva, 1996. P. 13–14.

Piotrovski M., Forord // J. Miller. Pragtvaben fra Zarernes Skatkammer. Devantier, 1996. P. 3.

Piotrovski M., L'Ermitage pris dans le torubillon des changements // Musées-Gérer autrement: Un regard international. Paris, 1996. P. 201–207.

Piotrovsky M., The Hermitage and British Art // British Art Treasures from Russian Imperial Collections in The Hermitage. New Haven; London, 1996. P. 8.

Piotrovski M., Voorwoord // Peter de Grote en Holland. Amsterdam, 1996. S. 9.

Piotrowskij M., Vorwort // A. Ierusalimskaja. Die Gräber der Moçevaja Balka. Frühmittelalterliche Funds der Nordkaukasischen Seiden strasse. München, 1996. S. 5.

Piotrowskij M., Vorwort // A. Ierusalimskaja, B. Borkopp. Von China nach Bysanz. München, 1996. S. 7–8.

Piotrowskij M., Wege zu einer gemeinsamen Welt // Weinrauch und Seide. Wien, 1996. S. 9–10.

Piotrovsky M., Coutts H., Foreword // Christina Robertson: A Scottish Portraitist at the Russian Court. Edinburgh, 1996. P. 3.

1997

Пиотровский М. Б., Взаимосвязь культуры и экономики // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1997. Вып. 2. С. 36–38.

Пиотровский М. Б., Вступление // Вальдемар Отто. Скульптура: каталог выставки. Бремен; СПб., 1997. С. 5.

Пиотровский М. Б., Вступление // Окрестности Санкт-Петербурга: Петергоф, Царское Село, Павловск, Ораниенбаум, Гатчина. СПб., 1997. С. 5.

Пиотровский М. Б., «Даная» и Эрмитаж // Даная: Судьба шедевра Рембрандта. СПб., 1997. С. 4–5.

Пиотровский М. Б., Две продажи «Благовещения» Ван Эйка // Ян Ван Эйк. Благовещение. СПб., 1997. С. 8–10.

Пиотровский М. Б., Духовное искусство не по Кандинскому // Герерд Вагнер: каталог выставки. СПб., 1997. С. 7.

Пиотровский М. Б., Еще один сезон... // Отчетная археологическая сессия за 1996 год. СПб., 1997. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., Записи на долгом и интересном пути // Б. Б. Пиотровский. Путевые заметки. СПб., 1997. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., К истории продажи «Благовещения» Ван Эйка // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1997. С. 5–10.

Пиотровский М. Б., Новые поступления — симптом жизни // Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 гг. СПб., 1997. С. 3–6.

Пиотровский М. Б., Петербург — Берлин: Франц Крюгер // Б. И. Асвариц. «Совершенно модный живописец»: Франц Крюгер в Петербурге. СПб., 1997. С. 3–4.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Государственный Эрмитаж: отчет о деятельности музея за 1996 год. СПб., 1997. С. 4.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Шарль-Луи Клериссо — архитектор Екатерины Великой: Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 4.

Пиотровский М. Б., Сиам возвращается // О. П. Дешпанде. Сиамское искусство XIV—XIX веков. СПб., 1997. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и Британское искусство // С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 1997. С. 8.

Пиотровский М. Б., Неверов О. Я., Эрмитаж. Собрания и собиратели. СПб., 1997. 242 с.

Piotrowskij M., Die vielgesichtige der Eremitage // Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. 1. Bonn, 1997. S. 11–21.

Piotrovski M., Les causes d'une disparition // Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998. Paris, 1997. P. 218–219.

Piotrowskij M., Ostereier aus Porzellan // Kaiserliche und Königliche Ostergruesse aus St. Petersburg und Berlin. Berlin, 1997. S. 2.

Piotrowskij M., Jacob W., In Petersburg werden wir uns wieder versammeln // Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. 1. Bon, 1997. S. 7–9. (в соавторстве с W. Jacob)

1998

Пиотровский М. Б., [90-летие со дня рождения Б. Б. Пиотровского] // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1998. Вып. 33. С. 5.

Пиотровский М. Б., Апофеоз «Охоты на львов» // Р. И. Грицай. Героические апофеозы Рубенса. СПб., 1998. С. 5.

Пиотровский М. Б., Война как археологический источник // Военная археология: Материалы Международной конференции. СПб., 1998. С. 5.

Пиотровский М. Б., Как «Бокал лимонада» остался в Эрмитаже // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 73–76.

Пиотровский М. Б., Книги как эрмитажная выставка // Искусство рукотворной книги: каталог выставки. СПб., 1998. С. 7.

Пиотровский М. Б., Князь-канцлер // Б. И. Асвариш. Картинная галерея А. М. Горчакова. СПб., 1998. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Комментарий и «иероглиф» // Неклассическая классика. Три поколения «Эрмитажной школы Г. Я. Длугача»: каталог выставки. СПб., 1998.

Пиотровский М. Б., М. И. Артамонов в Эрмитаже // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Международная конференция памяти М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 17, 18.

Пиотровский М. Б., Меценатство — явление культуры // Гуманитарная наука как фактор преобразования России. СПб., 1998. С. 36–64.

Пиотровский М. Б., Музею — с любовью // Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — 100 лет. М., 1998. С. 35, 36.

Пиотровский М. Б., О многоликости Востока, христианского в частности // Христианство на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: каталог выставки. СПб., 1998. С. 6–9.

Пиотровский М. Б., Одиссея Шлимана как продолжение Илиады // Шлиман. Петербург. Троя: каталог выставки. СПб., 1998. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Предисловие // К. Дюфур Денисон. Рисунки французских мастеров из Библиотеки Моргана, Нью-Йорк. Нью-Йорк, 1998. С. 11.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Н. Н. Никулин. Якоб Филипп Хаккерт. СПб., 1998. С. 4.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Caterina di Russia l'imperatrice e le arti. Firenze, 1998. P. 5–6.

Пиотровский М. Б., Антонова И. А., Столетний Магритт // Давид Сильвестр. Магритт. Хьюстон, 1998. С. 7.

Пиотровский М. Б., Антонова И. А., Гусев В. А., Родионов В. А., Диалоги с Сезанном // Поль Сезанн и русский авангард начала XX века. СПб., 1998. С. 4.

Пиотровский М. Б., Шнииде У. М., Дружба двух музеев. Сорок шедевров из Эрмитажа и Кунстхалле // Сорок шедевров из двух музеев. Эрмитаж — Гамбургский Кунстхалле. Гамбург, 1998. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Хеллеланд А., Предисловие // Анри Матисс и выдающиеся датские собиратели. СПб., 1998. С. 4–5.

Piotrovsky M., Diamonds and Philosophy // Nicholas and Alexandra: The Last Imperial Family of Tsarist Russia. London, 1998. P. 10.

Piotrowskij M., Die Gründe für das Verschwinden der altsüdarabischen Kultur // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Hrsg. von W. Seipel. Wien, 1998. S. 395–397.

Piotrovsky M., A Case for Fabergé // The Fabergé case. From the private collection of John Traina. New York, 1998. P. 23–24.

Piotrovsky M., Foreword // Bernini's Rome. Italian Baroque Teracottas from The State Hermitage Museum, St. Petersburg. Chicago, 1998. P. 6.

Piotrovsky M., Foreword // F. Odom, L. P. Arend. A taste for splendor: Russian Imperial and European Treasures from the Hillwood Museum. Alexandria, 1998. P. 5.

Piotrovski M., Förord // Katarina den stora & Gustav III. Stockholm, 1998. P. 8.

Piotrovski M., Förord // Peter den store och Karl XII I krig och fred. Stockholm, 1998. S. 10.

Piotrovsky M., Hermitage Museum: Foreword // Master Drawings from The Hermitage and Pushkin Museums: the exhibition catalogue. New York, 1998. P. 13, 14.

Piotrovski M., Introduzione // Caterina di Russia: L'Imperatrice e le Arti. Milano, 1998. P. 3, 4.

Piotrovski M., L'Ermitage et ses Traditions // L'Ermitage. St.-Petersbourg, 1998. P. 5–9.

Piotrovski M., La mode a la cour de Russie // Costume des tsars de Pierre le Grande a Nicolas II. Collection du Musee de l'Ermitage. Saint-Petersburg; Geneve, 1998. P. 10.

Piotrovsky M., On the Manyfold East, the Christian world in particular // Christians in the Holy Land: The Art of the Melchites and Other Denominations of Orthodox Church. St. Petersburg, 1998. P. 10, 11.

Piotrovski M., Veneziani da Pietroburgo // Capolavori nascosti dell'Ermitage. Dipinti veneti del sei e settecento da Pietroburgo. Milano, 1998. P. 9.

1999

Пиотровский М. Б., Ампи́р как продолжение Тильзита // Под знаком Орла. Искусство ампи́ра: каталог выставки. СПб., 1999. С. 7.

Пиотровский М. Б., В гости к Кандинскому // Абстрактный экспрессионизм. Три картины из собрания Музея современного искусства (Нью-Йорк): каталог выставки. СПб., 1999. С. 3, 4.

Пиотровский М. Б., Взаимосвязь культуры и экономики // Судьбы российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 162–164.

Пиотровский М. Б., Еще два года // Отчет Государственного Эрмитажа, 1997–1998. СПб., 1999. С. 4–7.

Пиотровский М. Б., Золото иранских мастеров // Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Бери, США: каталог выставки. Париж, 1999. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Как Лоренцо Лотто вернулся в Эрмитаж // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1999. С. 80–86.

Пиотровский М. Б., Конгресс петербургской интеллигенции — выразитель общественного мнения петербуржцев // Судьбы российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 318–319.

Пиотровский М. Б., Моды русского Двора // Русский придворный костюм от Петра I до Николая II из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. М., 1999. С. 11.

Пиотровский М. Б., Нимфей эрмитажный // Древний город Нимфей: каталог выставки. СПб., 1999. С. 3.

Пиотровский М. Б., Новые экспонаты // Памятники культуры и искусства. Новые поступления, 1997–1998. СПб., 1999. С. 4.

Пиотровский М. Б., О мусульманском Египте — серьезно и интересно // Е. И. Зеленов. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 3–4.

Пиотровский М. Б., Орхидея как символ дружбы // «Лотарингские орхидеи...» Искусство Эмиля Галле и братьев Дом: каталог выставки. СПб., 1999. С. 5.

Пиотровский М. Б., Петербургский стиль // А. Ананов. Избранные произведения. СПб., 1999. С. 6.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Избранное. 1989–1999: Юбилейная выставка в Смольном соборе. СПб., 1999. С. 4.

Пиотровский М. Б., Предисловие (Молодые герои. Коронованные коллекционеры) // Россия — Швеция: От войны к миру: XVIII век. СПб., 1999. Вып. 1: Династии и монархии. С. 8–11.

Пиотровский М. Б., Прогулки по Эрмитажу // Эрмитаж. Прогулки по залам и галереям: альбом-путеводитель. СПб., 1999. С. 3.

Пиотровский М. Б., Чтя память Кваренги // Джакомо Кваренги. Архитектурная графика: каталог выставки. СПб., 1999. С. 5.

Piotrovsky M., *Art of Islam // Earthly Beauty, Heavenly Art: Art of Islam. Catalogue*. London; Amsterdam, 1999. P. 12–64.

Piotrovsky M., *Foreword // Catherina the Great & Gustav III. Helsinborg*, 1999. P. 8.

Piotrovsky M., *Foreword // Florence and Venice: Italian Renaissance Paintings and Sculpture from The State Hermitage Museum*. Tokyo, 1999. P. 8.

Piotrovsky M., *Foreword // The Hermitage. Picture Gallery*. St Petersburg, 1999. P. 3, 4.

Piotrovski M., *L'Ermitage a Roma // Cento Caporavori dell'Ermitage. Impressionisti e Avangardie alle Scuderie Papali al Quirinale*. Amsterdam, 1999. P. 21.

Piotrovski M., *Les Belges des Rives de la Neva // Peintures belges de l'Ermitage*. Venice, 1999. P. 12.

Piotrovsky M., Helleland A., *Foreword // Henri Matisse: Four Great Collectors*. Copenhagen, 1999. P. 7–9.

2000

Пиотровский М. Б., *Введение к выставке // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки*. СПб., 2000. С. 7.

Пиотровский М. Б., *Где стоять «Вазе Фортуни»? (О принципах показа мусульманского искусства) // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*. СПб., 2000. С. 38–41.

Пиотровский М. Б., *Город ювелиров // Петербургские ювелиры XVIII–XIX века: каталог выставки*. СПб., 2000. С. 7.

Пиотровский М. Б., *Гротескное наследие античности // Волшебный мир гротеска: Гротески в прикладном искусстве Западной Европы XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа. Каталог выставки*. СПб., 2000. С. 4.

Пиотровский М. Б., *Дары посольства Надир-шаха // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки*. СПб., 2000. С. 333.

Пиотровский М. Б., *Дворец // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки*. СПб., 2000. С. 163.

Пиотровский М. Б., Искусство «Великого улуса» // Все музеи Северо-Запада России. 2000. № 1. С. 4.

Пиотровский М. Б., Искусство ислама // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 9–56.

Пиотровский М. Б., Исламский мистицизм // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 153.

Пиотровский М. Б., История Эрмитажа как история культуры России // Б. Б. Пиотровский. История Эрмитажа. СПб., 2000. С. 9–18.

Пиотровский М. Б., Коран // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 129.

Пиотровский М. Б., Красивая память об общем прошлом // Сокровища Золотой Орды: каталог выставки. СПб., 2000. С. 14, 15.

Пиотровский М. Б., Мавзолей // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 247.

Пиотровский М. Б., Мечеть // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 95.

Пиотровский М. Б., Моды русского Императорского Двора // Наше наследие. 2000. № 53. С. 12–13.

Пиотровский М. Б., Не самый плохой год // Отчет Государственного Эрмитажа, 1999. СПб., 2000. С. 4–7.

Пиотровский М. Б., Паломничество // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 109.

Пиотровский М. Б., Память тысячелетий // Мир видений: Традиционное и современное искусство Австралии. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 1–2.

Пиотровский М. Б., Предисловие // SUSSITIA: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 5.

Пиотровский М. Б., Расписной автомобиль рядом с погребальной колесницей // Энди Уорхол (1928–1987): Жизнь и творчество. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 3.

Пиотровский М. Б., Сады и рай // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 261.

Пиотровский М. Б., Свет Эчмиадзина // Сокровища армянской церкви из собрания Святого Эчмиадзина: каталог выставки. СПб., 2000. С. 13.

Пиотровский М. Б., Синай в Эрмитаже // Синай. Византия. Русь: Православное искусство с VI до XX века. Лондон; СПб., 2000. С. 9.

Пиотровский М. Б., Слово и письмо // Земное искусство — небесная красота: Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 119.

Пиотровский М. Б., Традиция тысячелетий // Все музеи Северо-Запада России. 2000. № 3. С. 2.

Пиотровский М. Б., Уроки музейных продаж // Н. Ильин, Н. Семенова. Проданные сокровища России. М., 2000. С. 8–11.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — это целое государство // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2000. № 1. С. 148–150.

Пиотровский М. Б., Мещерская Е. Н., Мусин А. В., Русская археология в Святой земле (некоторые итоги и перспективы) // История древней церкви в научных традициях XX века. СПб., 2000. С. 1–27.

Piotrovsky M., Catherine II, Empress of All the Russias // Treasures of Catherine the Great. London, 2000. P. 13–18.

Piotrovsky M., Director's Foreword // Stroganoff: The palace and collections of a Russian noble family. New York, 2000. P. 8–9.

Piotrovsky M., Foreword // Myanndash: Rock art in the ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 5.

Piotrovsky M., Foreword // The Hermitage. The history of the building and collections. St Petersburg, 2000. P. 4–5.

Piotrovsky M., Foreword // Treasures of Catherine the Great. London, 2000. P. 10.

Piotrovski M., Le cause di una scomparsa // Yemen. Nel paese della Regina di Saba. Milano, 2000. P. 259.

Piotrovsky M., Restitutions problem // Творчество. СПб., 2000. С. 6, 7.

Piotrowskij M., Vorwort // T. Kudrjawzewa. Das Weisse Gold der Zaren. Stuttgart, 2000. S. 7.

Piotrovski M., Kuzeev R., Introduzione // Oro. Il mistero dei Sarmati e degli Sciti. New York, 2000. P. 15.

Piotrovsky M., Kuzeev R., Montebello P., de. Director's Foreword // The Golden Deer of Eurasia. New York, 2000. P. 9–10.

2001

Пиотровский М. Б., Вступление // Евгений Ухналев. Живопись. Графика: каталог выставки. СПб., 2001. С. 3.

Пиотровский М. Б., Государственный Эрмитаж // Русский инвалид. 2001. № 9 (92). С. 14.

Пиотровский М. Б., Заботы, отраженные в протоколах // Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. 1: 1917–1919. С. 3–5.

Пиотровский М. Б., Запечатленный мир Востока // Восточная коллекция. 2001. № 4 (7). С. 10, 11.

Пиотровский М. Б., Луиз Буржуа возвращается // Луиз Буржуа в Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 2001. С. 3.

Пиотровский М. Б., Луиз Буржуа возвращается в Ленинград // Луиз Буржуа в Эрмитаже. Турин, 2001. С. 4.

Пиотровский М. Б., Мусульманское искусство в коллекциях Эрмитажа // Искусство ислама: Памятники исламского искусства из собрания Государственного Эрмитажа: Произведения древнего и современного искусства из собраний музеев Республики Татарстан. СПб., 2001. С. 12–13.

Пиотровский М. Б., Новые голландцы // Голландские мастера XX века (1945–1985): каталог выставки. СПб., 2001. С. 1.

Пиотровский М. Б., О мусульманском искусстве. СПб., 2001. 148 с.

Пиотровский М. Б., [О проекте «Большой Эрмитаж»] // Новое использование исторических зданий: Российско-американский семинар по охране архитектурных памятников, 3.06–6.06.2001. СПб., 2001. С. 22.

Пиотровский М. Б., Олени Эрмитажа и Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Пиотровский Борис Борисович (1908–1990) // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 94–95.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Сулаж. Светоносность черного. Париж, 2001. С. 9.

Пиотровский М. Б., Пространство Эрмитажа // Эрмитаж: Дворцы и интерьеры. Европейское искусство. Первобытное искусство. Античное искусство. Искусство Востока: альбом. СПб., 2001. С. 3.

Пиотровский М. Б., Радость жизни // Joy of Life: Great Art Treasures from the State Hermitage Museum. Osaka, 2001. P. 9.

Пиотровский М. Б., Четырнадцать глиняных книг // «Они мне сказали, а я повторяю». Из поэзии Шумера и Вавилонии: Слова и глина, III–II тыс. до н. э. Каталог выставки. СПб., 2001. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж в Липецке // Эрмитаж. Музей и коллекции: каталог выставки. СПб., 2001. С. 9.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и история // К. Эйслер. Эрмитаж. Живопись. М., 2001. С. 9–17.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж как информационный повод // Отчет Государственного Эрмитажа, 2000. СПб., 2001. С. 3–7.

Пиотровский М. Б., Антонова И. А., Длугач В. В., Предисловие // «Ученая прихоть»: Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. М., 2001. С. 7.

Пиотровский М. Б., Валиуллин Г. Ф., Иванов М. А., Вступление // Географическое открытие Башкирии. Раритеты из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. Уфа; СПб., 2001. С. 1.

Piotrovsky M., Director's Foreword // Rubens and his Age. Toronto, 2001. P. 8.

Piotrovsky M., Foreword // French Drawings and Paintings from The Hermitage: Possin to Picasso. Verona, 2001. P. 7.

Piotrovski M., L'histoire de la reine Zénobie dans un manuscrit arabe du VII siècle de l'Egire // Zenobie Reine de Palmyre. Skira, 2001. C. 129–135.

Piotrovsky M., On Islamic Art. St. Petersburg, 2001. 143 p.

Piotrovsky M., Preface // Masterpieces and Master Collectors: Impressionist and Early Modern Painting from The Hermitage and Guggenheim Museums. New York, 2001. P. 7.

Piotrovski M., Un mondo di animali d'oro // Archeo. 2001. No. 3 (193). Milano, 2001. P. 64–67.

2002

Пиотровский М. Б., Главный художник // Виктор Павлов. Отражения: каталог выставки. СПб., 2002. С. 3–4.

Пиотровский М. Б., Год паука // Отчет Государственного Эрмитажа, 2001. СПб., 2002. С. 3–5.

Пиотровский М. Б., Еще одна эрмитажная коллекция становится доступной // «Какое красок дивное соцветье...»: Западноевропейские витражи и проектные рисунки к витражам XV–XVII веков из собрания Эрмитажа. СПб., 2002. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Кораны // Музеум книги. СПб., 2002. С. 68–73.

Пиотровский М. Б., Новая история старых витражей // Витражи Мариенкирхе: каталог выставки. СПб., 2002. С. 4–5.

Пиотровский М. Б., Петербург, нарисованный светом // Петербургский альбом: Фотографии из коллекции Государственного Эрмитажа. М., 2002. С. 5.

Пиотровский М. Б., Поучительный подарок: Предисловие к русскому изданию // Дж. Уокер. Вашингтон: Национальная галерея. М., 2002. С. 15, 16.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Голландская церковь в Санкт-Петербурге, 1704–1927. СПб., 2002. С. 5.

Пиотровский М. Б., Предисловие // Золотые олени Евразии. СПб., 2002. С. 7.

Пиотровский М. Б., Приветствие // Музей и общество: Материалы Международной конференции. Красноярск, Россия, 10–13 сентября 2002 г. Красноярск, 2002. С. 16, 17.

Пиотровский М. Б., Скромное обаяние Клода Моне // Клод Моне: каталог выставки. СПб., 2002. С. 5.

Пиотровский М. Б., Старинная рама для «Марии Магдалины» // Николай I и Новый Эрмитаж. СПб., 2002. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Амирханов Х. А., Наумкин В. В., Седов А. В., Исследования на юге Аравии (К 20-летию работ Российской

комплексной экспедиции в Республике Йемен) // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 159–173.

Пиотровский М. Б., Кренц Т., Запель В., Приветствие директоров // Соединяя музеи: каталог выставки. Нью-Йорк, 2002. С. 35.

Пиотровский М. Б., Соломаха Е. Ю., Эрмитаж и Брестский мир (Записка Д. А. Шмидта) // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 2002. С. 5–23.

Piotrovsky M., Foreword // A capital collection: Houghton Hall and The Hermitage. New Haven; London; Yale, 2002. P. 7.

Piotrovsky M., Le respect du cheval: épilogue // Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d'Orient et d'Occident. Paris, 2002. P. 281–282.

Piotrovsky M., Przedmowa // 101 Arcydziel dawnuch mistrzów XV–XVIII wieku ze zbiorów Państwowego Ermitazu w Sankt Petersburgu. Uzbrojenie. Bron. Tapiserie. Katalog wystawy. Malbork, 2002. P. 6.

2003

Пиотровский М. Б., Все цвета Марка Ротко // Марк Ротко: каталог выставки. СПб., 2003. С. 6.

Пиотровский М. Б., Год «Черного квадрата» // Отчет Государственного Эрмитажа, 2002. СПб., 2003. С. 3–5.

Пиотровский М. Б., Граффити Твомбли // Сад Твомбли в Эрмитаже: каталог выставки. СПб.; Мюнхен, 2003. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Ислам в российском контексте // Эрмитаж. 2003–2004. № 1. С. 60–64.

Пиотровский М. Б., Истина в гармонии // Родина. 2003. № 1. С. 39.

Пиотровский М. Б., История с приватизацией // Эрмитаж. 2003–2004. № 1. С. 43–44.

Пиотровский М. Б., Новый старый голландец // М. К. Эшер в Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 2003. С. 4–5.

Пиотровский М. Б., Память русской культуры // Русское искусство в Эрмитаже: К 60-летию Отдела истории русской культуры. Сборник статей. СПб., 2003. С. 5.

Пиотровский М. Б., Подарок себе и друзьям // Эрмитаж. 2003. № 0. С. 2.

Пиотровский М. Б., Санкт-Петербург — сын Москвы // Основателю Петербурга. СПб., 2003. С. 8–11.

Пиотровский М. Б., Стиль ампира как продолжение Тильзита // Париж — Санкт-Петербург, 1800–1830: Когда Россия говорила по-французски: каталог выставки. М., 2003. С. 13.

Пиотровский М. Б., Строгановы // Строгановы: Меценаты и коллекционеры. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 7–9.

Пиотровский М. Б., Только интересным можно воспитать // Нева. 2003. № 10. С. 160–178.

Пиотровский М. Б., Эдуардо Челлида в Эрмитаже // Эдуардо Челлида: Неслышная музыка. СПб., 2003. С. 3.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж: альбом. М., 2003. 613 с. (Серия «Великие музеи мира»).

Пиотровский М. Б., Эрмитаж в городском пространстве // Museum. 2003. № 217. С. 79–83.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж: его влияние на развитие культуры России // Материалы Временной комиссии Совета Федерации по вопросам подготовки к празднованию 300-летия основания города Санкт-Петербурга. М., 2003. С. 35–38.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и Приобье // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. С. 5.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж сквозь века // Museum. 2003. № 217. С. 9–11.

Пиотровский М. Б., Неверов О. Я., Эрмитаж. Великие коллекции великого музея. СПб., 2003. 351 с.

Piotrovsky M., Les leçons de Rembrandt de l'Ermitage // Rembrandt et son école. Paris, 2003. P. 17–19.

Piotrovsky M., Saving art for all nations-competition or collaboration? // Saving art for the national: a valid approach to 21st century collecting. The centenary conference of the National Art collections Fund, London. London, 2003. P. 133–134.

Piotrovsky M., The Tsarina // "An Imperial collection". Women Artists from The State Hermitage Museum. London, 2003. P. 11–17.

2004

Пиотровский М. Б., Год двуглавых орлов // Отчет Государственного Эрмитажа, 2003. СПб., 2004. С. 3–5.

Пиотровский М. Б., Государственный Эрмитаж // Духовное и физическое здоровье нации: информационно-публицистический альманах. М., 2004. Кн. 1–2. С. 182, 183.

Пиотровский М. Б., Дары Надир-шаха // Родина. 2004. № 7. С. 37–39.

Пиотровский М. Б., Кабаковы в Минфине // Илья и Эмилия Кабаковы. «Случай в музее» и другие инсталляции. Bielefeld, 2004. С. 9–11.

Пиотровский М. Б., Музей и читатели // Н. В. Нагорский. Музей в духовной жизни общества. СПб., 2004. С. 2.

Пиотровский М. Б., Соловей в Мукалле // О Мастере, об Учителе: Памяти В. И. Соловьёва. М., 2004. С. 5, 6.

Пиотровский М. Б., Что российский капитал может сделать для искусства // Эрмитаж. 2004–2005. № 3. С. 34–38.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и археология // Эрмитаж. 2004–2005. № 3. С. 2.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж на реке // Эрмитаж. 2004. № 2. С. 2.

Пиотровский М. Б., Эрмитажный Иран — иранский Эрмитаж // Иран в Эрмитаже: Формирование коллекций. СПб., 2004. С. 6.

Пиотровский М. Б., Яков Иванович Смирнов // Изучение персидской культуры на Западе: тезисы докладов Международной конференции. СПб.; Лондон, 2004. С. 66.

Piotrovsky M., Director's foreword // Heaven on Earth. Art from Islamic Lands. Munich, 2004. P. 8.

Piotrovsky M., Hermitage Week in York // Hermitage magazine. Special issue. 2004. P. 2.

Piotrovsky M., Islamic Art: an Introduction // Heaven on Earth. Art from Islamic Lands. Munich, 2004. P. 17–29.

Piotrovsky M., Taming Monster Museum // Hermitage magazine. Special issue. 2004. P. 10–13.

Piotrovsky M., The questions of displacement, “confiscations”, “loots” and “trophies” // Claims for the restitution of looted art. Geneve, 2004. P. 19–23.

2005

Пиотровский М. Б., Академический Эрмитаж // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. М., 2005. С. 3–8.

Пиотровский М. Б., Архитектура победы // Эрмитаж. 2005. № 4. С. 2.

Пиотровский М. Б., В. А. Суслов: 1924–2003: Некролог // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2005. Т. 63. С. 216–218.

Пиотровский М. Б., Империя золотой палатки // Золотая Орда: История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Исторические предания Корана: Слово и образ. СПб., 2005. 159 с.

Пиотровский М. Б., Мир Эрмитажа // Покровитель искусств и наук Меценат. 2005. № 2. С. 39.

Пиотровский М. Б., Мой Эрмитаж // Я иду по Миллионной: Улица, дома, люди, события. 2005. № 4. С. 10–24.

Пиотровский М. Б., Шар для обогрева рук писца... // Искусство западноевропейской рукописной книги V–XVI вв.: каталог выставки. СПб., 2005. С. 6.

Пиотровский М. Б., Седов А. В., Рождение древнейшей цивилизации // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1. С. 37–49.

Piotrovsky M., Pilgrims in Amsterdam // Pilgrim treasures Byzantium-Jerusalem. Zwolle, 2005. P. 129.

2006

Пиотровский М. Б., В Эрмитаже случилась беда // Эрмитаж. 2006. № 4. С. 9.

Пиотровский М. Б., Красота без тела: Мусульманский рецепт // Эрмитаж. 2006. № 3. С. 16–17.

Пиотровский М. Б., Музей не должен угождать посетителю // Музей. 2006. № 5. С. 25, 26.

Пиотровский М. Б., Музейный детектив // Музей. 2006. № 5. С. 4.

Пиотровский М. Б., Перевод культур // Эрмитаж. 2006. № 2. С. 5.

Пиотровский М. Б., Посвящается Нине Юрьевне Бирюковой // На рубеже веков...: Искусство эпохи модерна. СПб., 2006. С. 5.

Пиотровский М. Б., Судите сами // Эрмитаж. 2006. № 1 (6–7). С. 5.

Пиотровский М. Б., Тело и душа Эрмитажа // Эрмитаж. 2006. № 3. С. 7.

Пиотровский М. Б., Уроки Лас-Вегаса // Эрмитаж. 2006–2007. № 5. С. 7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж как русский музей // Эрмитаж. 2006. № 4. С. 7.

Пиотровский М. Б., Юбилейное: Друзьям Эрмитажа // Эрмитаж. 2006–2007. № 5. С. 80.

Piotrovsky M., Noble Collectors // Collectors of St. Petersburg. Zwolle; Amsterdam, 2006–2007. P. 127.

Piotrovsky M., The Silver Thread // Silver Wonders from the East: Filigree of the Tsars. Zwolle, 2006. P. 127.

2007

Пиотровский М. Б., Бог любит красоту. Мы должны прекратить писать слово «Аллах» с маленькой буквы // Эрмитаж. 2007. № 8. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Вкус к собирательству // Эрмитаж. 2007. № 7. С. 14–17.

Пиотровский М. Б., Кое-что из уроков Лас-Вегаса // АртХроника. 2007. № 6. С. 68–70.

Пиотровский М. Б., Ислам всегда с нами // Эрмитаж. 2007. № 8. С. 5.

Пиотровский М. Б., Многомерный Эрмитаж // Эрмитаж. 2007. № 7. С. 7.

Пиотровский М. Б., Необходимо принять национальную программу по безопасности культурного наследия... / Удалова Н. Кто защитит музеи? // Музей. 2007. № 1. С. 7.

Пиотровский М. Б., Нести радость прикосновения к вечности: Детский проект «Прошлое на кончиках пальцев» — часть общей музейной программы, важнейшее приобретение Эрмитажа // Новый Меценат: специальный выпуск. 2007. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Обманщик Эрмитаж // Эрмитаж. 2007. № 6. С. 5.

Пиотровский М. Б., Театр в Эрмитаже // Эрмитаж. 2007. № 4 (9). С. 5.

Piotrovsky M., Orchid and parrots // Art Nouveau during the last Tsars. Zwolle, 2007. P. 127.

Piotrovsky M., Persian riddle // Persia. Thirty centuries of art and culture. Zwolle, 2007. P. 127.

Piotrovsky M., Réflexions sur la mémoire russe // Les sites de la mémoire russe. T. 1. Géographie de la mémoire russe. Sous la direction de Georges Nivat. Paris, 2007. P. 224–228.

2008

Пиотровский М. Б., Археолог из школьного учебника // Эрмитаж. 2008. № 1. С. 60, 61.

Пиотровский М. Б., Вторая буддийская выставка // Пещеры тысячи Будд: российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки. СПб., 2008. С. 9–11.

Пиотровский М. Б., Выступление на пленарном заседании // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Восьмые Международные Лихачевские научные чтения. Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 29, 30.

Пиотровский М. Б., Здание Главного штаба — важнейший памятник архитектуры // Явейн О. М. и др. Новая Большая Анфилада: Эрмитаж в Главном штабе. СПб., 2008. С. 4.

Пиотровский М. Б., Как звучат картины // Эрмитаж. 2008. № 2 (11). С. 2.

Пиотровский М. Б., Кармир-Блур — раскопки и книги // Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. СПб., 2008. С. 7–20.

Пиотровский М. Б., Карниз Зимнего дворца // Эрмитаж. 2008. № 3(1 2). С. 4.

Пиотровский М. Б., Культура наследия (фрагмент выступления на Международных Лихачевских научных чтениях в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов в 2008 г.) // Адреса Петербурга. 2008. № 32/46. С. 24–5.

Пиотровский М. Б., Ислам, понятый глобально // От Китая до Европы: Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 8.

Пиотровский М. Б., Между Китаем и Европой: Исторический контекст мусульманского искусства // От Китая до Европы: Искусство мусульманского мира: каталог выставки. СПб., 2008. С. 15–18.

Пиотровский М. Б., Мусульманское искусство: Между Китаем и Европой. СПб., 2008. 23 с.

Пиотровский М. Б., О «новом мышлении» // Эрмитаж. 2008. № 4 (13). С. 2.

Пиотровский М. Б., Под знаком Каспара Давида Фридриха // От Фридриха до Дикса: Немецкая живопись из Дрезденской галереи новых мастеров. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 5.

Пиотровский М. Б., Сокровища драгоценных шедевров // Эрмитаж. 2008. № 1 (10). С. 2.

Пиотровский М. Б., Тимур Петербургский // Пространство Тимура. Петербург—Нью-Йорк: К 50-летию Тимура Новикова. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 12.

Пиотровский М. Б., Уличный прохожий Альберто Джакометти // Альберто Джакометти: 1901–1966. Скульптура, живопись, графика: каталог выставки. М., 2008. С. 5.

Пиотровский М. Б., Урарту–Арарат // У подножия Арарата: каталог выставки. СПб., 2008. С. 5, 6.

Пиотровский М. Б., Фарфор — дело серьезное и символическое // Геральдика на русском фарфоре. Поднесение к Рождеству: каталог выставки. СПб., 2008. С. 7.

Пиотровский М. Б., Халифат: Раннеисламское искусство VII–XIII веков // От Китая до Европы: Искусство мусульманского мира. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 26.

Пиотровский М. Б., Хранитель и война // Никулин Н. Н. Воспоминания о войне / 2-е изд. СПб., 2008. С. 7.

Пиотровский М. Б., Что хранил Б. Б. // Борис Борисович Пиотровский: материалы к биографии. СПб., 2008. С. 5, 6.

Piotrovsky M., Friedrich the artist and Nicholas the Emperor // Caspar David Friedrich & the German romantic landscape. Amsterdam/Zwolle, 2008. P. 8–9.

Piotrovsky M., The year of porcelain vases // Annual report of 2007. St. Petersburg, 2008. P. 4–5.

2009

Пиотровский М. Б., Варяги, Русь и Эрмитаж // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. Т. 49. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., Взгляд из Эрмитажа. СПб., 2009. 183 с.

Пиотровский М. Б., Воспоминания как урок // Б. Б. Пиотровский. Страницы моей жизни / 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 3.

Пиотровский М. Б., Год Б. Б. // Отчет Государственного Эрмитажа 2008. СПб., 2009. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Горы Изергиной // Антонина Николаевна Изергина. СПб., 2009. С. 5.

Пиотровский М. Б., Декоративный Петербург // Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2009. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., Диалог культур как война стереотипов // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Девятые Международные Лихачевские научные чтения. Санкт-Петербург, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 112, 113.

Пиотровский М. Б., Из истории пролетарского экспрессионизма // «Товарищество пролетарского искусства» Фридриха Брасса. Коллекция немецкого авангарда в Советской России: каталог выставки. СПб., 2009. С. 5.

Пиотровский М. Б., Коран, переписанный человеческой рукой. СПб., 2009. 8 с.

Пиотровский М. Б., Кошка в золотой маске // Эрмитаж. 2009. № 1 (14). С. 2.

Пиотровский М. Б., Музей в диалоге цивилизаций // Цивилизации: Вызовы современности. СПб., 2009. С. 113–118.

Пиотровский М. Б., Музей в спортивной борьбе с журналистами // Музей и СМИ: острые проблемы. Материалы международного симпозиума, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 24–25 октября 2007 г. СПб., 2009. С. 5–10.

Пиотровский М. Б., Очень многие думают, что Эрмитаж — это только музей // Н. М. Голь, М. Б. Халтунен. Кошкин дом в Эрмитаже. СПб., 2009. С. 1.

Пиотровский М. Б., Полтава, Петербург, Пушкин // «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: каталог выставки. СПб., 2009. С. 6.

Пиотровский М. Б., Поэт влажного Петербурга // Борис Смелов: Ретроспектива: каталог выставки. СПб., 2009. С. 14.

Пиотровский М. Б., Праздничный пир героев // Дети богов: Античные герои в древнем и новом искусстве. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 2.

Пиотровский М. Б., Россия снова любит крестскими иконами // Божественные лики: Греческие иконы из коллекции Велимезиса: каталог выставки. Афины, 2009. С. 17.

Пиотровский М. Б., Три коллекции // Эрмитаж и знаменитые русские коллекционеры: Произведения западноевропейского искусства XII–XIX вв. из собрания П. П. Семёнова-Тян-Шанского, светлейшего кн. А. М. Горчакова, барона А. Л. Штиглица: каталог выставки. СПб., 2009. С. 4.

Пиотровский М. Б., Чудеса эмалирного искусства // Эмали мира, 1700–2000: Из коллекции Халили. СПб., 2009. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж 2014: Мастер-план // Русский меценат: Альманах социального партнерства. 2009. № 3. С. 87–92.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж и «вопросы языкознания» // Новояз. Британское искусство сейчас: каталог выставки. London, 2009. Р. 1.

Пиотровский М. Б., Эрмитажный путешественник // Ф. А. Жиль. Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009. С. 5, 6.

Пиотровский М. Б., Яд плодов просвещения // Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени: Материалы 2-го общественно-педагогического форума, 10–11 апреля 2009 г. СПб., 2009. С. 12–16.

Пиотровский М. Б., Седов А. В., Земля царицы Савской // Наука в России. 2009. № 5. С. 28–46.

Piotrovsky M., A Place of Seclusion: the State Hermitage Museum // Space. 2009, May. P. 26–29.

Piotrovsky M., A Table as a Showcase // Four Great Banquet Tables of Catherine the Great from the State Hermitage Museum. Tokyo, 2009. P. 9.

Piotrovsky M., Due boccette contenenti balsamo al Museo dell'Hermitage // P. Tchakhotine. Santa Anastasie di Sirmio. Chiese e arte sacra in Europa dal IV al XXI secolo. Mondovì, 2009. P. 11.

Piotrovsky M., La vision del Corano. Genova/Milano, 2009. 230 p.

Piotrovsky M., Porcellana politica // Porcellane imperiali dale collezione dell'Ermitage. Milano, 2009. P. 10–11.

Piotrovsky M., The Imperial Court and the Hermitage // At the Russian court: Palace and Protocol in the 19th century. Amsterdam, 2009. P. 8–11.

2010

Пиотровский М. Б., Выставка, обреченная стать исторической // Пикассо. Из собраний Национального музея Пикассо, Париж: каталог выставки. СПб.; Париж, 2010. С. 12.

Пиотровский М. Б., Год Амстелхофа // Отчет Государственного Эрмитажа, 2009. СПб., 2010. С. 4–7.

Пиотровский М. Б., Живое хранилище в Николаевском зале // Центр Помпиду в Государственном Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 2010. С. 8.

Пиотровский М. Б., Изменяя пространство: «Большой Эрмитаж» // Труды Государственного Эрмитажа. 2010. Т. 50: Музеи мира в XXI веке: реконструкция, реставрация, реэкспозиция: материалы Международной конференции. С. 7–10.

Пиотровский М. Б., Музейное оружие // Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2010. С. 7.

Пиотровский М. Б., Нельзя искупать грехи государства за счет музеев // Музей. 2010. № 3. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Новые задачи музейного сообщества // Музей. 2010. № 5. С. 4–7.

Пиотровский М. Б., Об обязанностях государства перед культурой // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2010. Вып. 5, ч. 1. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии. С. 15–16.

Пиотровский М. Б., Правовые тупики музейной жизни // Культурное наследие и стратегии регионального развития: Материалы Сибирского музейного форума, Красноярск, 20–21 февраля 2009. Красноярск, 2010. С. 30–35.

Пиотровский М. Б., Реставрировать, реконструировать, расширить // Труды Государственного Эрмитажа. 2010. Т. 50: Музеи мира в XXI веке: реконструкция, реставрация, резэкспозиция: материалы Международной конференции. С. 5.

Пиотровский М. Б., Сосны и зеленоватый селадон // «Ветер в соснах...»: 5000 лет корейского искусства. Из Национального музея Кореи: каталог выставки. СПб., 2010. С. 7.

Пиотровский М. Б., Сосуд с бальзамом в коллекции Эрмитажа // П. Чахонин. Святая великомученица Анастасия: Священный образ и храмы в Европе с VI по XXI век. СПб., 2010. С. 10.

Пиотровский М. Б., Трезвый расчет: О стратегии Государственного Эрмитажа в отношении contemporary art // Интерьер+дизайн. 2010. № 3 (153). С. 58, 59.

Пиотровский М. Б., Хранитель и война // Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне / 3–е изд. СПб., 2010. С. 7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж. СПб., 2010. 410 с.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж давно присутствует в Саратове // Испанское искусство в собрании Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2010. С. 4.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — необыкновенный // Государственный Эрмитаж: Сокровища мирового искусства. От века Просвещения до наших дней: альбом / в 2 кн. СПб., 2010. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Янтарная карта мира // Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2010. С. 7.

Piotrovsky M., Paintings that Prophesied the Spirit of the Age // Matisse to Malevich: Pioneers of Modern Art from the Hermitage. Amsterdam, 2010. P. 8–10.

Piotrovsky M., Les trompettes d'argent de la gloire // Au service des tsars. La garde imperiale russe de Pierre de Grand a la revolution d'Octobre. Paris, 2010. P. 9.

Piotrovsky M., The Most Important Alexander of All // The Immortal Alexander the Great. Amsterdam, 2010. P. 9, 10.

2011

Пиотровский М. Б., Автопортрет с Афродитой // Энтони Гормли: во весь рост. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 41.

Пиотровский М. Б., «Бумажная архитектура» в мире ислама // Архитектура в исламском искусстве: сокровища Агахана. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 13–17.

Пиотровский М. Б., Венецианское путешествие из Петербурга в Москву // Дмитрий Пригов: каталог выставки. Venice, 2011. P. 31.

Пиотровский М. Б., «Возлюбленная тишина»: Царица и поэт // М. В. Ломоносов и елизаветинское время: каталог выставки. СПб., 2011. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Год двух лестниц // Отчет Государственного Эрмитажа, 2010. СПб., 2011. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Два музея и две площади // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 года. СПб., 2011. С. 123, 124.

Пиотровский М. Б., Дворец и музей // «Здесь память прошлого еще жива вокруг»: Дворец Меншикова, 1711–2011: каталог выставки. СПб., 2011. С. 7.

Пиотровский М. Б., Звери и люди // Скульптор Борис Воробьёв: фарфор, графика. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6.

Пиотровский М. Б., «...И очисти Дом мой для обходящих его, стоящих и кланяющихся, падая ниц»: Коран, 22:76. Метафизика и физика хаджа // Обретение двух святынь: Футух аль-харамайн: Публикация рукописи XVI века из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 8–41.

Пиотровский М. Б., Историк-поэт // Ш. К. Ахметшин. Лев Николаевич Гумилев. СПб., 2011. С. 9.

Пиотровский М. Б., Как выглядят гении // Мастер и его творение. Произведения западноевропейской живописи, скульптуры и графики из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2011. С. 4.

Пиотровский М. Б., Лейхтенбергские в Румянцевском // Русские потомки французской династии императрицы: Герцоги Лейхтенбергские в Петербурге: каталог выставки. СПб., 2011. С. 4.

Пиотровский М. Б., Новое открытие Аравии // Пути Аравии: Археологические сокровища Саудовской Аравии. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 13–40.

Пиотровский М. Б., Парадоксы мусульманского искусства // Восток и Запад. Искусство исламского мира: каталог выставки. СПб., 2011. С. 5.

Пиотровский М. Б., Петр и музей // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 15–19.

Пиотровский М. Б., Скульптурность войны // Генри Мур в Эрмитаже: скульптура и рисунки. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6.

Пиотровский М. Б., У Юсуповых // Мир русского дворянства: Быт и забавы: Эпоха историзма: каталог выставки. СПб., 2011. С. 6.

Пиотровский М. Б., Хадж в миниатюрах // Обретение двух святынь: Футухаль-харамайн: Публикация рукописи XVI века из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Художник и его модель // Анни Лейбовиц. Жизнь фотографа, 1990–2005: каталог выставки. СПб., 2011. С. 6.

Piotrovsky M., El Hermitage: un Museo ruso con nombre frances // El Hermitage en el Prado. Madrid, 2011. P. 19–53.

Piotrovsky M., Grey-haired Neptune is Earth's ally // Rubens, Van Dyck & Jordaens. Amsterdam, 2011. P. 7.

Piotrovsky M., Musea en iconen // Glans en glorie: Kunst van de Russisch orthodoxe kerk. Amsterdam, 2011. P. 8–11.

2012

Пиотровский М. Б., «Античный» фарфор // «Античный фасон» русского императорского фарфора второй половины XVIII века: каталог выставки. СПб., 2012. С. 8.

Пиотровский М. Б., Археологическая виртуальность // Виртуальная археология: Неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции: Материалы Первой Международной конференции. СПб., 2012. С. 5, 6.

Пиотровский М. Б., Библиотека — мать музея // Собрание чудное сокровищ книжных: Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 9.

Пиотровский М. Б., Бронзовый Эрмитаж // Посмертные бронзы в законодательстве и истории искусства: Международный коллоквиум. СПб., 2012. С. 13–15.

Пиотровский М. Б., Венецианское путешествие из Петербурга в Москву // ДАП: Дмитрий Александрович Пригов. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 21.

Пиотровский М. Б., Выставка в трех измерениях // Hermitage: 400 years of European masterpieces from the State Hermitage Museum. Tokyo, 2012. P. 9.

Пиотровский М. Б., Две арфы Сантьяго Калатравы // Сантьяго Калатрава. В поисках движения: каталог выставки. СПб., 2012. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Живая вода Бахрейна // Тилос: Путешествие в загробный мир. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 3.

Пиотровский М. Б., Историк-поэт // Лев Николаевич Гумилёв: дороги жизни. СПб., 2012. С. 9.

Пиотровский М. Б., К 400-летию Дома Романовых // Последний российский император: Семья и двор Николая II на рубеже XIX–XX веков. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 5.

Пиотровский М. Б., Медали как музейные символы // Медали бесчестия: каталог выставки. London, 2012. Р. 6.

Пиотровский М. Б., Памятник науке и собирательству // «Звучат лишь письма...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачёва: каталог выставки. СПб., 2012. С. 8.

Пиотровский М. Б., Так шутят после Освенцима // Джейк и Динос Чепмены: Конец веселья. Каталог выставки. Лондон; СПб., 2012. С. 6, 7.

Piotrovsky M., Impressions of Impressionism // Impressionism: Sensation and Inspiration. Highlights from the Hermitage. Amsterdam, 2012. Р. 7, 8.

Piotrovsky M., The Eternal Alexander // Alexander the Great: 2000 Years of Treasures. Sydney, 2012. Р. 9, 10.

Piotrovsky M., The Lessons of Catherine // Catherine the Great: an Enlightened Empress. Edinburg, 2012. Р. 10, 11.

Piotrovsky M., The Two Horns of Alexander the Great // Alexander the Great: 2000 Years of Treasures. Sydney, 2012. Р. 49–51.

2013

Пиотровский М. Б., Взаимосвязь культуры и экономики // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 570, 571.

Пиотровский М. Б., Герой и принцесса // Виллем II и Анна Павловна: Королевская роскошь Нидерландского двора: каталог выставки. СПб., 2013. С. 8.

Пиотровский М. Б., Два музея и две площади // Лекции и доклады членов Российской Академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 589–591.

Пиотровский М. Б., Дега и литейные бронзы // Эдгар Дега: Фигура в движении. СПб., 2013. С. 10–13.

Пиотровский М. Б., Денис Маон — легенда об искусствоведении // От Гверчино до Караваджо: Сэр Денис Маон и итальянское искусство XVII века. Каталог выставки. СПб., 2013. С. 11.

Пиотровский М. Б., Диалог культур и цивилизаций // Лекции и доклады членов Российской Академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 579–582.

Пиотровский М. Б., Диалог культур как война стереотипов // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 532–585.

Пиотровский М. Б., Золото и нумизмат // Спасский И. Г. Русское золото: сборник избранный статей. СПб., 2013. С. 6.

Пиотровский М. Б., Калатрава // Эрмитаж. 2013. № 19. С. 12–15.

Пиотровский М. Б., Квадрат и буква // Утопия и реальность. Эль Лисицкий, Илья и Эмилия Кабаковы: каталог выставки. СПб., 2013. С. 10.

Пиотровский М. Б., Конгресс петербургской интеллигенции — выразитель общественного мнения петербуржцев // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 574.

Пиотровский М. Б., Культура в эпоху глобализма // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 576, 577.

Пиотровский М. Б., Культура должна объединять людей // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 577–579.

Пиотровский М. Б., Меценатство — явление культуры // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 571–574.

Пиотровский М. Б., Люди в черном // Корпоративное единство: Голландский групповой портрет Золотого века из собрания Амстердамского музея. Каталог выставки. СПб., 2013. С. 7.

Пиотровский М. Б., Мигранты как элемент диалога культур // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 585–589.

Пиотровский М. Б., Наследие и наследники «Христианского Востока» // Христианский Восток. 2013. Т. 6 (12). С. 9,10.

Пиотровский М. Б., Нетерпимость интеллигентности // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские научные чтения 16–17 мая 2013 г. СПб., 2013. С. 143, 144.

Пиотровский М. Б., «Публикуется впервые» // Премудрость Астреи: Памятники масонства XVIII — первой трети XIX в. в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Солнце и охрана памятников // Белый город: Архитектура «Баухауса» в Тель-Авиве: каталог выставки. СПб., 2013. С. 4.

Пиотровский М. Б., Сумасшедший дом с бронзами // Эдгар Дега: Фигура в движении. СПб., 2013. С. 14, 15.

Пиотровский М. Б., Так шутят после Освенцима // Эрмитаж. 2013. № 19. С. 50.

Пиотровский М. Б., Трансформация исторического дискурса в музее // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции (Великий Новгород. 19.09.2012). М., 2013. С. 125–127.

Пиотровский М. Б., Фридрих в Темпельхофе // Против света: Немецкое искусство XIX века из коллекции Джорджа Эконому: каталог выставки. СПб., 2013. С. 9.

Пиотровский М. Б., Хранитель и война // Никулин Н. Н. Воспоминания о войне / 4–е изд. СПб., 2013. С. 7.

Пиотровский М. Б., Это моя страна, хороша она или плоха // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013) / в 3 т. СПб., 2013. Т. 3. С. 574–576.

Piotrovsky M., “In fondo sono russo!” // Il collezionista di meraviglie. L’Ermitage di Basilewsky. Silvana Editoriale, 2013.

Piotrovsky M., Mijn heer Pieter // Peter the Great, an Inspired Tsar. Amsterdam, 2013. P. 10, 11.

Piotrovsky M., “Prophets” from the Hermitage // Gauguin, Bonnard, Denis: A Russian Taste for French Art. Amsterdam, 2013. P. 6, 7.

Piotrovsky M., The Lessons of the Museum Sales // Selling Russia’s Treasures: The Soviet Trade in Nationalized Art, 1917–1938. New York; London, 2013. P. 7–9.

Piotrovsky M., Yet Another Textbook of Russian History // Fluxus. Russian atlases: a selection from the Jonas Mekas Visual Arts Center, Vilnius. St. Petersburg, 2013. P. 8, 9.

2014

Пиотровский М. Б., Ватто // Эрмитаж. 2014. № 20. С. 143–147.

Пиотровский М. Б., Год особенных выставок // Отчет Государственного Эрмитажа, 2013. СПб., 2014. С. 4, 5.

Пиотровский М. Б., Два города // Санкт-Петербург столетие спустя. СПб., 2014. С. 5, 6.

Пиотровский М. Б., Зачем и кому нужны выставки? // Эрмитаж. 2014. № 20. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., Кораническая археология // Исследования по Аравии и исламу: сборник. М., 2014. С. 40–46.

Пиотровский М. Б., Кресты над Манифестой // Параллельная программа Европейской биенале современного искусства «Манифеста 10»: каталог выставки. СПб., 2014. С. 8–10.

Пиотровский М. Б., Ливреи у трона // Высочайшего двора служители: Ливрейный костюм конца XIX — начала XX века в собрании Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2014. С. 9.

Пиотровский М. Б., Мосты взяты // Параллельная программа Европейской биенале современного искусства «Манифеста 10»: каталог выставки. СПб., 2014. С. 4.

Пиотровский М. Б., Об эстетике революции // Эрмитаж. 2014. № 20. С. 79, 80.

Пиотровский М. Б., Перемещение трофейного искусства // Государственный Эрмитаж: Трофейные фонды 1945–1958. СПб., 2014. С. 12–20.

Пиотровский М. Б., Подлинные вещи // Эрмитаж. 2014. № 20. С. 66–78.

Пиотровский М. Б., Скромная хроника продаж // Государственный Эрмитаж: Музейные распродажи 1929. СПб., 2014. С. 5, 6.

Piotrovsky M., From China to the Hermitage // Expedition Silk Road: Journey to the West. Treasures from the Hermitage. Amsterdam, 2014. P. 6, 7.

Piotrovsky M., La fin de la civilisation himyarite // Academie des inscriptions & belles lettres: Comptes rendes des séances de l'annee 2014 avril-juin: Publication trimestrielle. Paris, 2014. Fasc. 2. C. 641–649.

Piotrovsky M., Museum Triangle // Alexander, Napoleon and Josephine... Amsterdam, 2015. P. 6–8.

Piotrovsky M., “White Gold’s” Everyday Existence // Dining with the Tsars: Fragile Beauty from the Hermitage. Amsterdam, 2014. P. 10, 11.

2015

Пиотровский М. Б., Акварели родили фотографии // Кандида Хёфер: Память: каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2015. С. 4.

Пиотровский М. Б., Американский подарок // Дар коллекции современного прикладного искусства от Фонда Эрмитажа (США), 1948–2013: каталог выставки. СПб., 2015. С. 8.

Пиотровский М. Б., Архаисты и новаторы: Академическая наука в Эрмитаже // Труды Отделения историко-филологических наук, 2014. М., 2016. С. 27–48.

Пиотровский М. Б., Архитектура земного поклона // Образ мечети = Image of Misque. М., 2015. С. 11–14.

Пиотровский М. Б., Витрина витрин // История Эрмитажа в зеркале витрин: каталог выставки. СПб., 2015. С. 7.

Пиотровский М. Б., Волшебство и волшебники фарфора // В некотором царстве...: Из цикла «Поднесение к рождеству»: каталог выставки. СПб., 2015. С. 8.

Пиотровский М. Б., Выступление на Международном форуме «Запретный город» // Forbidden City Forum. Pekin, 2015. С. 54, 55.

Пиотровский М. Б., Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире // Международные Лихачевские научные чтения: Глобализация и диалог культур: Избранные доклады (1995–2015). СПб., 2015. С. 489–494.

Пиотровский М. Б., Каллиграфия как картина // Татарские шамаили. М., 2015. С. 5.

Пиотровский М. Б., Каллиграфия пространства // Заха Хадид в Государственном Эрмитаже: каталог выставки. Лондон, 2015. С. 6.

Пиотровский М. Б., Книги о дорогах // «Подарок созерцающим»: Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб., 2015. С. 9–11.

Пиотровский М. Б., Кораническая археология // Исследования по Аравии и исламу: сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. М., 2014. С. 40–46. [Опубликовано в 2015 г.]

Пиотровский М. Б., Культура должна объединять людей // Международные Лихачевские научные чтения: Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб., 2015. С. 487–489.

Пиотровский М. Б., Мой Эрмитаж. СПб.; Нью-Йорк, 2015. 376 с.

Пиотровский М. Б., О Владимире Юрьевиче Матвееве // Музей и проблемы «культурного туризма»: Материалы 13-го круглого стола. СПб., 2015. С. 3, 4.

Пиотровский М. Б., Образ Бергамо в Эрмитаже // Лоренцо Лотто «Мадонна с младенцем на троне со святыми Екатериной, Августином, Себастьяном, Антонием Аббатом и Иоанном Крестителем» (из церкви Санто Спирито в Бергамо): каталог выставки. СПб., 2015. С. 7.

Пиотровский М. Б., Петербургский буддизм // «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма: каталог выставки. СПб., 2015. С. 9.

Пиотровский М. Б., «Польский всадник» и портрет Вольтера // Екатерина II и Станислав Август: Два просвещенных правителя. Каталог выставки. СПб., 2015. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Последняя битва // Журнал «Эрмитаж». Специальный внеочередной выпуск. 2015. № 33 (XXII). С. 3–31.

Пиотровский М. Б., Репортаж и доброта // Здесь живут люди: Фотографии Александра Чиженка: каталог выставки. СПб., 2015. С. 2.

Пиотровский М. Б., Строгановы в Эрмитаже // Государственный Эрмитаж: Музейные распродажи. Строгановский дворец. СПб., 2015. С. 5–6.

Пиотровский М. Б., Цветной камень в золотых руках // Арцинович М., Лопато М. Постфаберже: камнерезное искусство в Санкт-Петербурге в конце XX — начале XXI века. Альбом. СПб., 2015. С. 2.

Пиотровский М. Б., Этот Каир — красота увядания // Ксения Никольская. Пыль: Забытая архитектура Каира. Каталог выставки. СПб., 2015. С. 6–8.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж без виртуальности // Эрмитаж Ея Императорского Величества. СПб., 2015. С. 7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — дипломат // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет: каталог выставки. СПб., 2015. С. 9.

2016

Пиотровский М. Б., В соседи к Пикассо // Африканское искусство конца XIX — начала XX века. СПб., 2016. С. 6.

Пиотровский М. Б., Военная мозаика // 250 историй про Эрмитаж. «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. СПб., 2016. Кн. 4, ч. 1. С. 5.

Пиотровский М. Б., Время собирать камни // Джованни Больдини: Художник Belle Époque: каталог выставки. СПб., 2016. С. 8.

Пиотровский М. Б., Детские пальцы пишут историю музея // Ощущая пространство и время: Музейные программы для слепых и слабовидящих. СПб., 2016. С. 7, 8.

Пиотровский М. Б., Для музеев нет табу. Михаил Пиотровский: 50 статей за 10 лет. СПб., 2016. 303 с.

Пиотровский М. Б., Единство в многообразии // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова. М., 2016. С. 18–22.

Пиотровский М. Б., Законодатель будущего вкуса // Шедевры живописи. Собрание С. И. Щукина: каталог выставки. Париж, 2016. С. 11.

Пиотровский М. Б., Из коллекции вельможи // Мир русского дворянства. Французское искусство XVIII–XIX веков из собрания князей Юсуповых в Эрмитаже: каталог выставки. СПб., 2016. С. 6.

Пиотровский М. Б., Корейская история селадонов // Рожденная в пламени: Корейская керамика из Национального музея Кореи. Каталог выставки. СПб., 2016. С. 6.

Пиотровский М. Б., Мир Ахмада Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar: каталог выставки. М., 2016. С. 11.

Пиотровский М. Б., Музейная сакральность Екатеринбурга // Послевоенный дар Эрмитажа Екатеринбургскому музею изобразительных искусств: каталог выставки. Екатеринбург, 2016. С. 7.

Пиотровский М. Б., Не совсем застывшая жидкость // Тони Крэгг: Скульптура и рисунки. Каталог выставки. СПб., 2016. С. 8, 9.

Пиотровский М. Б., О некоторых принципах концепции преподавания истории и культуры ислама в России // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова. М., 2016. С. 43–50.

Пиотровский М. Б., Он рисовал для Маты Хари // Эрте: Гений ар-деко: возвращение в Петербург. Каталог выставки. Лондон, 2016. С. 7.

Пиотровский М. Б., Петербургская элегантность // Петербургский модерн, 1890–1910-е годы. Стил ь и светская мода: каталог выставки. СПб., 2016. С. 1.

Пиотровский М. Б., С. Ф. Ольденбург и Государственный Эрмитаж // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки. М., 2016. С. 253–258.

Пиотровский М. Б., Художники каталонского ветра // Сюрреализм в Каталонии. Художники Ампурдана и Сальвадор Дали: каталог выставки. СПб., 2016. С. 6.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж как место для дискуссий: Реализмы = The Hermitage as a place for discussions: Realisms // Митч Гриффитс. Реализмы = Mitch Griffiths. Realisms: каталог выставки. СПб., 2016. С. 11.

Piotrovsky M., A Caravel and Martyred Saints // Spanish Masters from the Hermitage. Amsterdam, 2015. P. 6–8.

Piotrovsky M., Flemish Scarab // Jan Fabre. Knight of Despair / Warrior of Beauty: каталог выставки. Paris, 2016. P. 6–7.

Piotrovsky M., Le colonne di Palmira // *L'Osservatore romano*. Anno CLVI. n. 86 (47/221). 15.04.16. P. 1, 5.

Piotrovsky M., My Hermitage. How the Hermitage Survived Tsars, Wars, and Revolutions to Become the Greatest Museum in the World. New York, 2016. 381 p.

Piotrovsky M., Thorny Glass // Glasstress. La Biennale di Venezia: 56 Exposizione internazionale d'arte. Venezia, 2016. P. 9–10.

2017

Пиотровский М. Б., Бумага ручного литья // Книга как искусство. 20 лет издательству «Редкая книга из Санкт-Петербурга»: каталог выставки. СПб., 2017. С. 11.

Пиотровский М. Б., Бумага ручного отлива... // Книга как искусство: каталог выставки / 2-е изд., доп. СПб., 2017. С. 11.

Пиотровский М. Б., Защита Эрмитажа // Эрмитаж от февраля к октябрю 1917. Архивные документы. СПб., 2017. С. 5–8.

Пиотровский М. Б., Музей как историк «диалога и конфликта культур» // РАН: Труды Отделения историко-филологических наук 2016. М., 2017. С. 247–254.

Пиотровский М. Б., Наука и жизнь // Христианский Восток. 2017. Т. 8 (14). С. 11–13.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж — наследник Византии // Византия сквозь века: каталог выставки. СПб., 2017. С. 9.

Piotrovsky M., Through palace eyes // 1917. Romanovs and Revolution: exhibition catalogue. Brugge, 2017. P. 9–11.

2018

Пиотровский М. Б., Год столетия революции // Отчет Государственного Эрмитажа, 2017. СПб., 2018. С. 4,5.

Пиотровский М. Б., «Длиннобородые» ломбардийцы // Лангобарды: Народ, изменивший историю: каталог выставки. СПб., 2018. С. 12,13.

Пиотровский М. Б., Зимний дворец и Эрмитаж как свидетели русской революции // РАН: Труды Отделения историко-филологических наук 2017. М., 2018. С. 61–70.

Пиотровский М. Б., Лейденское чудо // Эпоха Рембрандта и Вермеера: Шедевры Лейденской коллекции. М., 2018. С. 7.

Пиотровский М. Б., Любовь к чтению // Журнал «Эрмитаж». 2018. № 26. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Мебель, император и русская литература // «Мебель для всех причуд тела». Эпоха историзма в России: каталог выставки. СПб., 2018. С. 8.

Пиотровский М. Б., Мир русского дворянства // Мир русского дворянства. Балы и торжества: каталог выставки. СПб., 2018. С. 7.

Пиотровский М. Б., Поэтика восточной рукописи // Кисть и калам. 200 лет коллекции Института восточных рукописей: каталог выставки. СПб., 2018. Ч. 1. С. 9–11.

Пиотровский М. Б., Сам обманываться рад // «Не верь глазам своим». Обманки в искусстве: каталог выставки. СПб., 2018. С. 9.

Пиотровский М. Б., Собор сотен лиц // Искусство портрета: каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2018. С. 3.

Пиотровский М. Б., Сундуки музейного гардероба // Журнал «Эрмитаж». 2018. Декабрь. С. 6, 7.

Пиотровский М. Б., Эрмитаж от скифов до Кифера: 50 выставок за 25 лет. СПб., 2018. 257 с.

Piotrovsky M., How to Protect The Hermitage from the Tourists? // La conservazione preventiva nei grandi musei: Strategie a confronto. Musei Vaticani. 12.10.18. P. 24.

Piotrovsky M., L'Italie déménage à Saint-Petersburg // Un rêve d'Italie: exhibition catalogue. Paris, 2018. P. 10.

Piotrovsky M., The Hermitage as Participant in the Creation of Modern Art // Masters of Modern Art from the Hermitage. Australia, 2018. P. 13.

Piotrovsky M., The Love of Reading // Hermitage Magazine. 2018. № 26. P. 6, 7.

Piotrovsky M., The Clothing Trunks of the Museum Wardrobe // Hermitage Magazine. 2018. № 27. P. 6, 7.

2019

Пиотровский М. Б., Барабаны вьетнамской истории // Сокровища Красной реки: Археологические коллекции из музеев Вьетнама. Каталог выставки. СПб., 2019. С. 9.

Пиотровский М. Б., Для меня ничего престижнее науки нет // Андрей Морозов. Петербургские беседы. СПб., 2010. С. 275–287.

Пиотровский М. Б., Красота в перспективе // Пьеро делла Франческа: каталог выставки. Милан; СПб., 2019. С. 9.

Пиотровский М. Б., Малые Максы Эрнсты // Макс Эрнст. Парижские годы: каталог выставки. Лондон, 2019. С. 7.

Пиотровский М. Б., Новый Помпейский зал // Боги, люди, герои. Из собрания Национального археологического музея Неаполя и Археологического парка Помпей: каталог выставки. СПб., 2019. С. 9.

Пиотровский М. Б., О любви к Йордансу // Якоб Йорданс (1593–1678). Картины и рисунки из собраний России: каталог выставки. СПб., 2019. С. 8.

Пиотровский М. Б., Спиной к спине // Геральдический сборник № 1. Материалы семинара «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина», 2015–2018: К 70-летию Г. В. Вилинбахова. СПб., 2019. С. 6.

Пиотровский М. Б., Тот самый Бамаан // Жизнь в средневековом Хорасане. Гениза из Национальной библиотеки Израиля: каталог выставки. СПб., 2019. С. 8.

Пиотровский М. Б., Почерк арабиста // Инновации и традиции в арабистике и исламоведении. Сборник статей в честь профессора Олега Ивановича Редькина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 13–14.

2020

Пиотровский М. Б., Две Пальмиры // Пальмира в Эрмитаже. СПб., 2020. С. 6–9.

Пиотровский М. Б., Змейки и колчан // Оман — страна ладана. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2020. С. 7.

Пиотровский М. Б., Глаза источника и глаза историка // Доклады Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб., 2020. С. 18–19.

Piotrovsky M., Two Views to the Middle Ages // Tsars and Knights: The Romanovs' Love Affair with the Middle Ages. (Exhibition Catalogue, The Hermitage Amsterdam). Amsterdam, 2020. P. 20–21.

2021

Piotrovsky M., Islamic Art in Russia. St. Petersburg: Slavia, 2021. 440 p.

Пиотровский М. Б., Академический взгляд на пылающий Восток // Христианский Восток. Т. 9 (XV). 2021. С. 11–13.

Piotrovsky M., How to Protect The Hermitage from the Tourists? // Preventive conservation in major museums. Comparisons, reflections and strategies. Vatican: Edizione Musei Vaticani, 2021. P. 79–83.

2022

Пиотровский М. Б., Искусство ислама в России. СПб.: Славия, 2022. 436 с.

Пиотровский М. Б., Приветствие // Богословское наследие мусульман России. Сборник научных докладов III Международного форума. Том 1. Болгар: Болгарская исламская академия, 2022. С. 37.

Пиотровский М. Б., Херсонес и Эрмитажный мир // Вспомни, где все начиналось. Альбом к 130-летию Государственного музея-заповедника “Херсонес Таврический”. Севастополь: Херсонес-Таврический, 2022. С. 222–239.

Пиотровский М. Б., Бузовский И. И., Глазьев С. Ю., Гусман М. С., Драпеко Е. Г., Запесоцкий А. С., Затулин К. Ф. и др. Дискуссия // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. XX Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2022. С. 198–207.

Пиотровский М. Б., Мадонны с длинными глазами. Искусство Средневековья // Шедевры из Национальной галереи Умбрии: каталог выставки в Гос. Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19.05–19.09.2021. СПб.; Milano, 2022. С. 8–9.

Пиотровский М. Б., «Серебряный век» братьев Морозовых. Коллекции Ивана и Михаила Морозовых: издание к выставке “Брат Иван. Коллекции Ивана и Михаила Морозовых”, Гос. музей. изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, Москва, 28.06–30.10. 2022. Москва, 2022. С. 7.

Пиотровский М. Б., Золотой век фламандского искусства: каталог выставки из собрания Гос. Эрмитажа. Гос. музей-заповедник “Казанский Кремль”, центр “Эрмитаж-Казань”, Казань, 23.02–20.11.2022. СПб., 2022.

Пиотровский М. Б., Египетская коллекция Эрмитажа. Сюжеты // Эрмитаж: журнал. 2022–2023. Вып. 36. Зима. С. 102–107.

Пиотровский М. Б., Музей как опыт равновесия // Эрмитаж: журнал. 2022–2023. Вып. 36. Зима. С. 6–7.

Пиотровский М. Б., Трудности транспортировки // Эрмитаж: журнал. 2022. Вып. 34/35. Лето. С. 6–7.

2023

Пиотровский М. Б., Вступительная статья // Летопись музейщиков. Вып. 10. СПб., 2023. С. 3.

Пиотровский М. Б., Величие Александра // Александр Македонский. Путь на Восток: каталог выставки из собрания Гос. Эрмитажа. Казанский Кремль, Центр “Эрмитаж-Казань”, Казань, 23.02–08.10.2023. СПб., 2023. С. 9.

Пиотровский М. Б., Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и брат их Алексей // ОТМА и Алексей. Дети последнего российского императора: каталог выставки. СПб., 2023. С. 7.

Пиотровский М. Б., Чашка Кандинского // Русский авангард. Искусство для нового мира: каталог выставки. СПб., 2023. С. 8.

2024

Пиотровский М. Б., Судан как судьба // Судан и Большой Ближний Восток: сборник статей к 60-летию проф. И. В. Герасимова. СПб., 2024. С. 7–9.

Подготовил к.ист.н., доцент СПбГУ О. А.Соколов

**ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՖԱԿՈՒԼՏԵՏ**

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**YEREVAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ORIENTAL STUDIES**

**ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՅԵՐ
ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES**

№ 26

ԵՊՀ հրատարակչություն
ք. Երևան, 0025, Ալեք Մանուկյան 1
www.publishing.y-su.am

